

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 2 (41) 2022

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2022

О любви и только...

Великий колумбиец – писатель и журналист, маг и творец удивительных миров Габриэль Гарсия Маркес сказал: «Любовь – моя единственная идеология. Все, что я делаю, что существует вокруг, я могу постигнуть только через любовь. Хорошо удается то, что делается с любовью».

Почему-то именно сейчас хочется поговорить о любви...

Что мы о ней знаем? Это сильное эмоционально-психическое состояние, чувство глубокой привязанности к ребенку, матери, мужчине или женщине, любимому питомцу, Родине... А еще любовь – это одна из трех христианских добродетелей, причем самая главная. И одно из имен Бога: Бог есть Любовь, Любовь есть Бог.

С самого рождения мы соприкасаемся с любовью. Еще не понимая значения этого слова, мы чувствуем любящие руки матери. Пока это только ощущения, в которых заключена целая гамма чувств: нежность, забота, беспокойство, тихий голос женщины, держащей тебя на руках, теплое вкусное молоко. Пока мы не знаем, что женщина, поющая у нашей кровати колыбельную песню, – мама. Пока для нас это просто Любовь.

Потом Любовь начинает обретать слова и образы. Вот маленький медвежонок, у которого и лапа оторвана, и ушко висит на ниточке, а мы без него ни за что не будем спать. Потому что это тоже Любовь, а как уснуть без Любви? Он нашептывает нам сны и защищает от опасностей, которые наполняют комнату, стоит только погаснуть свету. Или вот большой и лохматый пес, у которого кожаный нос и смешной влажный язык. Он набрасывается на тебя, когда ты приходишь с прогулки, валит с ног и, кажется, готовлизать до смерти. А ты смеешься, снимаешь шубку и шапку, запорошенные снегом, и бежишь на кухню есть горячий суп и пахнущий корицей яблочный пирог, который только-только вытащила из духовки бабушка. Или вот кот. Он такой серьезный, он всегда сам по себе, ходит из комнаты в комнату, запрыгивает на подоконник, бывает, сердится и даже шипит, а стоит его погладить, и он начинает мурчать и ластиться, выгибать спинку и тыкаться мокрым носом. И в этот момент его переполняет Любовь.

А потом появляется мальчик. Он такой противный! Он все время хулиганит на уроках и грубит учительнице. Его родителей по сто раз на дню вызывают к директору. А еще он дергает тебя за косичку и подстерегает около школьной столовой. Вот дурак! Но ты почему-то все время отвлекаешься на уроке и думаешь о нем, вместо того чтобы внимательно изучать новую тему.

Или это девочка. Она сидит в соседнем ряду чуть впереди, и ты все время смотришь на ее тонкую шею, и собранные в хвост волосы, и раковинку уха, в котором блестит крошечная сережка. А надо бы смотреть на доску...

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

А потом... Как сказал английский романтик Перси Биши Шелли, «души встречаются на губах влюбленных». И вот уже «Марш Мендельсона», цветы, подарки, шампанское, и маленькое свадебное путешествие в какой-нибудь незнакомый город, или к морю, или в небольшой отель в горах. Ты стоишь и смотришь на этот мир, такой необыкновенный и прекрасный, наполненный пением птиц и цветущих садов, глубокой синевой неба и соленым морским ветром или снежинками, танцующими в желтом свете ночных фонарей танец Любви – танго. Все это и есть Любовь. Она повсюду – пронизывает каждый час нашего существования. Мы просто не можем жить без Любви. Она питает нас и поддерживает в самые трудные времена.

А еще это отражение нашего внутреннего мира, восприятие действительности через призму собственных переживаний: восторга, печали, нежности, восхищения и страдания. У Любви много эмоций. И все они свойственны человеку, если в нем живет душа. Душа, способная любить.

И как жаль людей, которые тратят свою жизнь на зависть и ненависть, месть и подлость, злословие и вражду, злобу и агрессию. А может, они просто не знают, что хорошо удается лишь то, что делается с любовью, что все остальное обречено на провал?

Поэтому именно сейчас мне хочется пожелать всем Любви. Чтобы вы ощущали ее присутствие каждую минуту своей жизни. Даже тогда, когда все кажется безнадежным. Просто помните – всегда есть на этой планете кто-то, кто любит вас, и кто-то или что-то, что любите вы. Попробуйте подобрать слова к прилагательному любимый: любимый человек, любимый питомец, любимая семья, любимый ребенок, любимый город, любимая улица, любимый сквер, любимый цветок, любимая блузка, любимое блюдо... перечислять можно до бесконечности. Любовь – это основа мироздания и нашего существования. Не будет любви – не будет нас. Утратив способность любить, человечество утратит способность существовать. Лишенная любви цивилизация обречена на смерть.

Я не призываю всех поголовно любить друг друга, хотя очень хочется напомнить евангельское «возлюби ближнего своего, как самого себя», наверное, это невозможно, как невозможно заставить человека ненавидеть. Чувства нельзя сконструировать, купить в магазине или искусственно взрастить. Они рождаются в наших душах сами собой, иногда необъяснимо, иногда вследствие обстоятельств. Я просто хочу напомнить в это тяжелое время разгула ненависти, что все мы – люди, человеки, живущие на планете Земля, – плоды Любви. И только Любовь может спасти нас. А больше, пожалуй, ничто...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 200-летию со дня рождения Аполлона Григорьева, выдающегося русского поэта, барда, театрального и литературного критика, мыслителя, философа

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ПЕРВЫЙ БАРД, ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ, внук Аполлона Григорьева

- ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ (1876 г.)

АЛЕКСАНДР ГУТАН, правнук Аполлона Григорьева

- КРИК ИЗ ОГНЯ (1997 г.)

АННА АНФИМОВА (Москва)

- СТРАСТЬ И ГАРМОНИЯ. Влияние хорового цыганского исполнительства в России на творчество Аполлона Григорьева

7

11

21

32

VazART

ЗНАКОМЬТЕСЬ: Художник Мария Лисиченко (Москва)

«РУКА ПОСЛУШНА МАСТЕРСТВУ И ВДОХНОВЕНИЮ...»

МАРИЯ СИДЛЕР (МОССАЛИТ, Москва)

- ВРУБЕЛЬ. ВЕСТНИК ИНЫХ МИРОВ

ЕФИМ ГАММЕР (Израиль)

- 11 КОСМИЧЕСКИХ СЕКУНД

41

42

47

ПОЭЗИЯ

МИХАИЛ ЗАХАРОВ (Москва)

ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН (Москва)

ОЛЬГА КАМЕНЕЦКАЯ (Москва)

ТАТЬЯНА ЛАНЬШИНА (Москва)

МИРОСЛАВА БЕССОНОВА (Уфа)

ВАЛЕНТИН НЕРВИН (Воронеж)

54

56

59

60

65

67

ПУБЛИЦИСТИКА

ЯНИС АСТАФЬЕВ (Москва)

- МОЙ ПРАДЕД

70

ПРОЗА

ТАТЬЯНА СОКОЛОВА (Москва)

- МАЛИ, начало 80-х... Часть 1. Жизнь провинциальная
- МАЛИ, начало 80-х... Часть 2. Жизнь столичная

АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВ (Москва)

- СПИ, МОЯ ДОЯРКА

80

88

97

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

ТИМА КОВАЛЬСКИХ (Барнаул)

101

- *КОНИ ПЛЫЛИ*

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

СВЕТЛАНА МАЛЫШЕВА (Таллин, Эстония). *Поэзия, фотография*

106

- *ВРЕМЯ САМЫХ ДЛИНЫХ ТЕНЕЙ*

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

СВЕТЛАНА ТЮРЯЕВА (Владимирская обл., г. Петушки)

116

- *ПИНЬКА (Окончание)*

ЕКАТЕРИНА ФЕДОРОВА (УЛЕВСКАЯ) (Астраханская обл.,

122

с. Старицы). *Стихи для детей*

ОЛЬГА КОМАРОВА (Челябинск). *Стихи для детей*

125

ИРИНА БОРЗЫХ (Санкт-Петербург). *Стихи для детей*

127

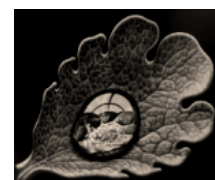

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская обл., с. Старая Балыкла)

132

- *КОГДА РОССИЯ ПЕРВЫЙ РАЗ СВЕРНУЛА НЕ ТУДА*

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

139

- *БРИТАНСКИЙ ГРАЖДАНИН МИРА*

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

АНАСТАСИЯ МИЛЮТИНА (Москва)

141

- *ОХОТА НА АВРОРУ. Хроники одного путешествия*

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин и иллюстраций М. Эшера, М. Лисиченко, Е. Гаммера,
К. Сазоновой, А. Железняковой;*

*фотографии из авторских архивов С. Куликовой, А. Гутана, Я. Астафьева, С. Малышевой,
А. Милютиной, открытых интернет-источников.*

На обложке:

М. Лисиченко. Карьер. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – *Светлана Сударикова*

«Поэзия» – *Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Андрей Баранов*

«Культурное наследие» – *Ольга Грушевская, Светлана Сударикова*

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова

«Детское чтение» – Ольга Уваркина

«Собираем чемоданы» - Анастасия Милютина

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

www.moscowbazar.com

© МОССАЛИТ

Мария Лисиченко. Дерево в лучах. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

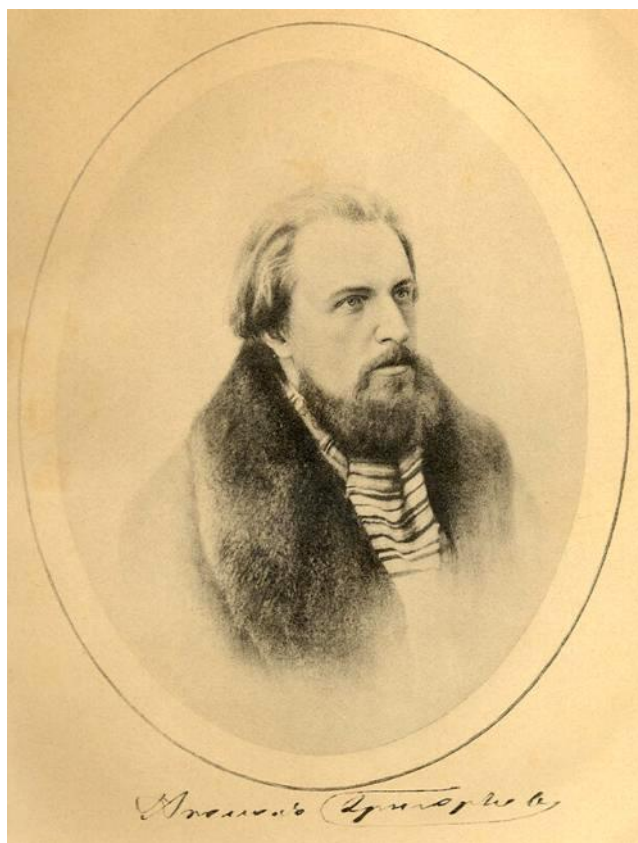
К 200-летию со дня рождения Аполлона Григорьева, выдающегося русскогго поэта, барда, театрального и литературного критика, мыслителя, философа

Светлана Куликова

(МОССАЛИТ, Москва)

ПЕРВЫЙ БАРД, ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Аполлон Григорьев (1822–1864)

Жизнь, метеором сверкнувшая в Вечности, убогие похороны и забвение. Но забвение не полное, не глухое. Редко, но вспоминают в веках «странного человека» (наиболее часто повторяющееся определение) Аполлона Александровича Григорьева. К 35-летию его смерти вышел очерк Шах-Пароньянца «Критик-самобытник Аполлон Григорьев», в 1916 году к 50-летию той же даты Александр Блок – большой ценитель творчества Аполлона Александровича, почитатель его не только как литератора, но как русского мыслителя – издал сборник стихов Ап. Ал. Григорьева, сопроводив его статьей «Судьба Аполлона Григорьева». Наиболее значительные труды создали американский ученый Ричард Виттакер («Последний русский романтик: Аполлон Григорьев», пер. с англ. М. А. Шерешевской. Санкт-Петербург, Академический проект, 2000 г.) и российский литературовед историк Борис Федорович Егоров («Аполлон Григорьев», изд. Молодая гвардия, серия ЖЗЛ, 2000 г.).

Публиковались также рефераты и статьи, нередко с противоречивыми данными и произвольно расставленными акцентами. Авторы их словно расчленили многогранную, но цельную натуру Ап. Ал. Григорьева на отдельные элементы: кто-то видел в нем поэта, первого русского барда и только, кто-то критика – основателя органической критики, ныне забытой, а кто-то пропившего свой талант несчастливца. Но все помнили и цитировали известное высказывание Ап. Григорьева о Пушкине: «Пушкин – наше всё», забывая раскрыть смысл этого «всего», не замечая, что и об Аполлоне Александровиче можно сказать то же, что сказал он об Александре Сергеевиче: «...представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами...

Григорьев Владимир Юрьевич (1927–1997), скрипач, педагог, музыкальный ученый, методист. Заслуженный деятель искусств РФ, доктор искусствоведения. Профессор кафедры теории и истории исполнительского искусства Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского (1984–1997). Автор множества научных трудов.

Не писатель выбирает тему, тема сама выбирает писателя

Сфера душевных сочувствий его не исключает ничего до него бывшего и ничего, что после него было и будет правильного и органически нашего...»

Найдется ли когда-нибудь исследователь, который возьмется рассмотреть Ап. Ал. Григорьева как русского философа, далекого от политики, но предсказавшего ужасные последствия созревания в русской монархической системе семян западноевропейской идеологии? О глубоком, провидческом осмыслении Григорьевым исторического пути России нет ни одной серьезной публикации. Пытливому читателю придется пройти по всем доступным источникам, чтобы найти сердцевинное зерно григорьевской мысли и оценить значение того – не проросшего, увы – зерна. Только и этот читательский труд вряд ли будет полным, поскольку мистическим образом было утрачено литературное наследие (а если и сохранилось, то обладатель его пока помалкивает), собранное издателем В. С. Спиридоновым для полного собрания сочинений Аполлона Григорьева.

Мое знакомство с Аполлоном Григорьевым началось с интригующего телефонного звонка:

– Здравствуйте, меня зовут Ирина Григорьева. Мне сказали, вы занимаетесь цыганской культурой...

Все мои «занятия цыганской культурой» заключались в декламации в разных компаниях со слезой и надрывом стихов цыгана Талисмана (как эти стихи попали в мои руки – отдельная история). Я попыталась было откреститься от присвоенной мне народной молвой компетентности, но история, рассказанная внезапной телефонной собеседницей, увлекла всерьез и надолго.

Согласно семейной легенде, муж Ирины – Владимир Григорьев, известный в прошлом веке московский музыковед и философ, автор книги о великом скрипаче Яше Хейфице – был потомком внебрачного сына Аполлона Григорьева от некоей безымянной цыганки. Несколько поколений этой, не известной ни одному литературоведу ветви рода Аполлона Григорьева, верили легенде и не искали ей документальных подтверждений, им достаточно было серебряного с черным камнем кольца, якобы подаренного лично Аполлоном своему незаконнорожденному отпрыску.

Кольцо передавалось по мужской линии вместе с уверенностью в происхождении рода от того самого знаменитого Аполлона. Почему бы и нет? Ведь общеизвестно, что Аполлон Александрович был большим любителем цыганского исполнительства, вместе с другом Афанасием Фетом много времени проводил у цыган в Грузинах, где выступал хор известного Ивана Васильева. Также биографы отмечали влюбчивую, страстную натуру поэта и его любимый тип женской красоты: брюнетка с голубыми глазами. Такие красавицы у Васильева в хоре, несомненно, были. Почему бы не состояться той романтической связи, после которой

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

появилась «незаконные» Григорьевы? Но, видимо, сомнения все-таки посещали последнего из мужчин рода, Владимира Юрьевича, если, умирая, он завещал своей жене найти следы той самой грешной цыганки.

К моменту нашего знакомства Ирина Дмитриевна уже более 10 лет занималась поисками, попутно организуя ежегодные научно-практические конференции и литературно-музыкальные вечера, посвященные памяти Аполлона Григорьева и – в содружестве с Московским музыкальным обществом – своего мужа Владимира Григорьева.

История тайной любви юного поэта и неведомой цыганки восхитила и зацепила меня. Я погрузилась в биографию и творчество Аполлона, попутно узнавая множество интереснейших фактов о российской истории времен монархии, цыганской культуре, о судьбах незаконнорожденных детей, к которым относились Аполлон, его друг Фет, поэт и воспитатель царских детей Василий Жуковский, многие другие известные деятели прошлых веков. Незаконным сыном генерал-фельдмаршала князя Трубецкого был Иван Иванович Бецкой – создатель Московского Императорского благотворительного учебно-воспитательного учреждения для сирот, подкидышей и беспризорников (Воспитательный дом), где у крепостной девушки Татьяны появится на свет сын Аполлон, Полошенька – плод греховной связи с баринном Александром Ивановичем Григорьевым.

За четыре года совместных с Ириной поисков ни подтвердить, ни опровергнуть миф семьи московских Григорьевых не удалось, открытия не случилось, однако Аполлон Григорьев остался со мной навсегда: в моем доме – книгами, в сердце – чувствами, в уме – мыслями. Как использовать огромный объем собранной информации, еще не знаю, но тема выбрала меня и отступить не позволит.

Однако в преддверии большой юбилейной даты, на страницах этого журнала хочется не свое слово сказать, а предоставить его законным потомкам Ап. Ал. Григорьева: внуку Владимиру Александровичу Григорьеву (сын старшего сына Аполлона Александровича – Александра) и праправнуку Александру Сергеевичу Гутану (сын дочери Владимира Александровича – Ольги).

«Словно глаза у памятника открылись...»

Александр Сергеевич Гутан – потомок трех известных русских родов: литератора Ап. Ал. Григорьева, архитектора А. Ф. Красовского и капитана 2 ранга, командира корабля, на котором А. П. Чехов путешествовал на Сахалин (упомянут в рассказе Чехова «Гусев») Р. Е. Гутана. Познакомились мы благодаря все той же Ирине Дмитриевне Григорьевой, отыскивающей родовые связи своего мужа с Аполлоном, и встретились в Санкт-Петербурге.

В тот год восьмидесятилетний Александр Сергеевич заканчивал книгу о своем двоюродном дедушке – русском адмирале А. А. Эберггарде и сокрушался, что на внимание к прапрадеду Аполлону Григорьеву не хватает ни времени, ни сил. А как хотелось бы установить на его надгробии православную икону, ведь Аполлон Александрович был человеком верующим, хотя и не слишком религиозным.

При перезахоронении в смутные 30-е годы праха Ап. Ал. Григорьева с Митрофаньевского кладбища Санкт-Петербурга на Волковское, «родной» надгробный крест советские власти заменили колонной римско-католической архитектуры (по слухам, взятой из разобранного на чужой могиле мемориала). И нет никакой возможности возвести нечто близкое Григорьеву по духу и вере взамен этого чужеродного памятника, потому что погребение Аполлона Александровича (как и многих других русских литераторов) находится на охраняемой

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

государством территории филиала музея Городской скульптуры «Литераторские мостки», а фотография надгробия с колонной занесена во все путеводители по Санкт-Петербургу...

Не иначе как с благословения самого Аполлона Григорьева, при его поддержке *оттуда*, мы с Александром Сергеевичем все-таки получили разрешение властей и при помощи реставраторов Музея установили на надгробие Аполлона Александровича образ «Спаса Нерукотворного». Иконка работы ростовских эмальеров легла в маленькую круглую нишу на колонне – как тут и была.

«Словно глаза у памятника открылись! – сказал расчувствовавшийся Александр Сергеевич Гутан, когда работы на могиле его прапрадеда были закончены. – Надеюсь, еще будут поняты и высоко оценены нашими современниками пророческие мысли и чувства Аполлона Александровича. Ведь все события сегодняшних дней лежат в русле его предсказаний...»

Санкт-Петербург, Волковское кладбище, мемориал «Литераторские мостки». Иконку Спаса Нерукотворного работы ростовских эмальеров на надгробие Аполлона Григорьева установил реставратор Музея городской скульптуры Владимир Панфилов

Род Аполлона Григорьева продолжается. У сына Александра Сергеевича Гутана, Сергея, пятеро детей: четверо сыновей и дочка. Они еще молоды, мало интересуются своим известным предком, но неисповедимы пути Господни, неведом замысел Его кому и как продолжать Историю. Наша забота – не забывать ее уроки.

Предлагаемые ниже очерки – тот первоисточник, к которому ничего не требуется добавлять. В них сказано многое, что взволнует и заинтересует мыслящего читателя, подскажет ответы на вопросы о судьбе подлинно русского критика, мыслителя и поэта, поможет ощутить дух его эпохи и осознать путь российской истории. А еще в них проглядывает литературный талант предка авторов, и ощущаются интонации деликатной душевности истинных интеллигентов, потомков русских дворянин, интонации, с которыми современная российская литература уже, кажется, окончательно рассталась.

В очерке «Потревоженные тени», написанном внуком к первому полному собранию сочинений деда, самая полная и достоверная информация о происхождении Аполлона Григорьева, судьбе его детей и произведений; очерк праправнука «Крик из огня» – о взглядах и мыслях Ап. Григорьева, революционных событиях в России и судьбе правнучки поэта, Ольги Гутан, в свете истории нашей страны.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 200-летию со дня рождения Аполлона Григорьева

Владимир Григорьев,
внук Аполлона Григорьева

ПОТРЕВОЖЕННЫЕ ТЕНИ¹

1876 год

*Братья-писатели! В нашей судьбе
Что-то лежит роковое.*

Н. Некрасов

Известные имена обязывают. Лестное для меня приглашение – принять посильное участие в издании сочинений моего покойного деда, критика Аполлона Александровича Григорьева, поставило меня в крайне затруднительное положение. Родившись через 13 лет после смерти деда, я, естественно, не могу иметь о нем личных воспоминаний. Мой покойный отец едва его помнил, оставшись после смерти деда лет двенадцати от роду. Остается семейная традиция, обрывки кое-каких впечатлений детства, да и то не моего, а отцовского, разговоры старших, знавших деда лично, ныне уже умерших... Все это туманно, бледно, главное – дает так мало материала, который можно было бы и стоило сохранять для будущего. Мелкие, чисто интимные даже не черты, а черточки, а скорее штрихи, массу которых помнил покойный отец, вращаясь всю жизнь в литературных кругах, утрачивают всю красочность, когда их запечатлеваешь на бумаге. Сочные и характерные для людей, лично знавших тех, к кому относятся воспоминания, они или невольно покажутся плоскими анекдотами, или просто ничего не скажут тем, кто, как современное мне поколение, не застал уже в живых былых корифеев русской литературы XIX века. И воспроизводить по памяти эти штрихи, чтобы только сказать что-нибудь о великих людях, приплести так или иначе свое имя, я не решаюсь. Из уважения к памяти того, чье имя я привык читать с детства, я предпочитаю последовать примеру отца, который унес в могилу свои литературные воспоминания, не считая себя вправе сделать достоянием гласности то, что ему было известно случайно по литературной традиции, как своему человеку в известной среде. Но чтобы не остаться безучастным к близкому мне делу издания сочинений Ап. Ал. Григорьева, остановлюсь на трех, доступных для меня, как юриста-историка и внука критика, вопросах: о его происхождении, о судьбе его детей и о неудавшихся попытках издания его сочинений за последние двадцать пять лет.

¹ Примечание: при переводе в электронный формат очерка В. А. Григорьева, использован современный вариант написания слов и букв. – Светлана Куликова.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Среди многих неясностей и темных мест, которыми донныне страдает биография Аполлона Александровича Григорьева, несмотря на полу столетие, истекшее со дня его смерти, бросается в глаза отсутствие точных сведений о времени его рождения.

Немногочисленные биографы его, не исключая сына, не говорят, когда именно он родился. На первый взгляд этот факт кажется

Дом Григорьевых в Москве на ул. Полянка, 12

непростительной оплошностью, граничащей с неуважением.

Сам Ап. Ал. Григорьев в автобиографии, которая является важнейшим источником наших сведений о его происхождении, детстве и юности, упоминает кратко, что он родился в 1822 году. Видимо, или он считал точную дату своего рождения настолько незначительным фактом, что о ней не стоило, по его мнению, упоминать, или она не была в точности известна ему самому. Как ни странно последнее предположение, оно имеет под собой некоторую долю вероятности. Ап. Ал. Григорьев в автобиографии останавливается подчас на столь незначительных подробностях и мелочах, чисто внешних, в особенности если они относятся к его детству, что отсутствие точных указаний на день собственного рождения невольно бросается в глаза. А между тем могу удостоверить, что даже сын критика, т. е. мой отец, не знал даты его рождения. (Он догадывался о незаконном происхождении Ап. Ал. Григорьева, но точных сведений о нем не имел.) Пора, наконец, ее установить.

Из автобиографии деда и сохранившихся документов (в моем распоряжении имеется копия формулярного списка о службе А. И. Григорьева, любезно предоставленная мне В. Н. Княжниним, за что и приношу ему сердечную благодарность) видно, что отец критика, Александр Иванович Григорьев, был незначительным чиновником, секретарем Московского магистрата и имел всего лишь чин титулярного советника, но по происхождению принадлежал к дворянскому сословию. Он воспитывался в университетском Благородном пансионе и был мелким помещиком Владимирской губернии. Дворянство это, однако, было невысокого калибра. Оно было приобретено всего лишь его отцом, Иваном Григорьевичем, так сказать, родоначальником фамилии Григорьевых, происхождение которого неизвестно. (В родословной книге дворянства Московской губернии, изд. под ред. Савелова (ч. III, Дворянство, полученное по чинам гражданским или по орденам, стр. 414), имеется такая запись: «Григорьевы, 1803 г. I Иван Григорьевич, из обер-офицерских детей, род. 1762 г., в службе с 1777 г., колл. сов. 1806 г. Жена из дворян Марина Николаевна Скобельцына. II. Александр Иванович, род. 1788 г., тит. сов., умер 1863 г. ...» Далее упомянуты две сестры А. И. и его брат Николай с детьми. Жена Александра Ивановича и сын (критик) в книгу не внесены. Дата – 1803 год в начале, после фамилии, по-видимому, показывает если не год приобретения дворянства, то, во всяком случае, год внесения в родословную книгу. В упомянутом в предыдущем примечании формулярном списке А. И. Григорьев показан дворянином Владимирской губернии, имеющем во Владимирском уезде 10 душ родового имения лично и там же 10 душ за мать; в графе о семейном положении отмечено: женат, имеет сына Аполлона, 7 лет. (Список имеет дату –

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

1829 г.) Перечисление из дворян Московской губернии во Владимирскую объясняется, вероятно, приобретением имения.)

По семейным преданиям, Иван Григорьевич пришел в Москву в нагольном полушубке и пробил себе дорогу службой. Чего он достиг на службе, где и как служил, сведений не сохранилось. Вряд ли тут было что-нибудь крупное. Но дворянство он приобрел, как приобрел и некоторый достаток, разрушенный в 1812 г. Впрочем, по тогдашним законам, дворянство давал всего лишь чин коллежского асессора или орден Владимира 4 ст. Как бы то ни было, но критик, его прямой внук, должен был быть дворянином. Между тем по документам Ап. Ал. Григорьев считался происходящим из мещанского сословия. Так значится в аттестате об отставке, выданном ему из 1-ой Московской гимназии 4 мая 1860 г. за № 667. (Этот документ найден в архиве гимназии В. С. Спиридоновым, который любезно сообщил его мне, за что считаю приятным долгом выразить ему мою искреннюю благодарность.) Кроме того, в архиве Московского университета хранится копия свидетельства, выданного 2-м департаментом Московского магистрата 4 мая 1833 г. № 4609: «Московскому мещанину Аполлону Александровичу Григорьеву об увольнении его из мещанского общества “на поступление по ученой части”». (Упомянутое свидетельство, как и другое, приводимое ниже, в тексте, найдено в архиве Московского университета и получено мною благодаря любезному содействию ректора Московского университета, профессора М. К. Любавского, и секретаря совета С. Преображенского. Приношу здесь почтительную благодарность нашему маститому историку за помощь, оказанную младшему собрату, и выражаю душевную признательность секретарю университетского совета за его хлопоты по этому делу.)

Некоторый свет для разъяснения указанного противоречия, что сын потомственного дворянина и помещика Владимирской губернии оказался Московским мещанином, проливает другой документ, также хранящийся в архиве Московского университета, с помощью которого, может быть, удастся установить и день рождения критика.

Привожу его текст целиком: «Императорского Воспитательного Дома Московский Опекунский Совет сим свидетельствует: Императорского Московского Воспитательного Дома в число Воспитанников принят июля 24 дня 1822 г. Числившийся под № 2714 Аполлон Александров, которому ныне от роду девять месяцев и двадцать семь дней, и по представленному доказательству, что он родной сын Титулярному Советнику Александру Григорьеву, отдан в сходственность поданного от него прошения упомянутому родителю, который, признав его за своего родного сына и обещав взять совсем на свое содержание и попечение, вступает во всем в родительское право; а посему реченный воспитанник и не считается уже в числе питомцев Воспитательного Дома и не пользуется более их преимуществами. Дано в Москве за подписанием Управляющих Экспедицею о Воспитанниках обою пола Воспитательного Дома с приложением печати Воспитательного Дома Мая 17-го дня в лето от Рождества Христова 1823 г. Подписали Вице-адмирал Сенатор Саблин, главный надзиратель Петр Шредер, экспедитор Т. Захаров. Оное свидетельство выдано мая 30 дня 1823 года. Сия копия выдана из Московской казенной палаты вследствие поданного от г. Григорьева прошения и состоявшегося по оному определения для предоставления в какое-либо Учебное Заведение. Подписал асессор, сверил столоначальник (подпись), приложена Московской Казенной палаты печать».

Чтобы понять смысл этого свидетельства, надо сопоставить тогдашние правила и порядки Московского Воспитательного Дома с известными по биографии критика фактами из жизни его родителей.

Московский императорский воспитательный дом – благотворительное закрытое учебно-воспитательное учреждение для сирот, подкидышей и беспризорников. Основан внебрачным сыном князя Трубецкого Иваном Бецким при покровительстве императрицы Екатерины II. Помещённые сюда незаконнорожденные дети крепостных автоматически исключались из крепости и получали статус мещан.

По-видимому, в семействе Григорьевых, в связи с рождением критика, произошла семейная драма. Сохранились сведения, что его отец увлекся дочерью крепостного кучера своих родителей, но, вследствие препятствия их к браку, «запил» и потерял место в сенате. Впоследствии же, прижив с возлюбленной сына, он был поставлен в необходимость с ней обвенчаться. (А. А. Григорьев «Одинокий критик» (кн. «Недели» 1895 г., август, стр. 6). Судя по характеристике, которую Ап. Ал. Григорьев дает своему деду – Ивану Григорьеву в «Скитальчествах», можно предполагать, что он-то и был главным противником брака. Правда, сам Ап. Ал. Григорьев говорит, что его дед умер за год до его рождения. (Н. том, стр. 9).) Но если не гнаться за математической точностью, это обстоятельство не только не противоречит сказанному выше, а скорее его подтверждает.

Как увидим ниже, Ап. Ал. Григорьев родился в конце июля 1822 г. Вопрос о браке его родителей мог возникнуть в конце 1821 г., когда так или иначе обнаружилось плоды увлечения А. И. Григорьева. Вероятно, повторилась история отца Лаврецкого в Тургеневском «Дворянском гнезде», т. е. разрыв отца с сыном на почве проекта брака последнего с крепостной. Отец его, и без того уже старый человек, да еще потрясенный ранее разорением, причиненным ему нашествием французов в 1812 г., вероятно, не перенес нового горя и умер. Если все это произошло в конце 1821 г., маленькому Аполлону в детстве без большой лжи говорили, что дед умер за год до его рождения, так как сам Аполлон родился в 1822 году. Смерть отца и связанные с ней траур и хлопоты по наследству внесли новую отсрочку для брака Александра Ивановича.

Между тем приблизилось время появления на свет будущего критика. По тогдашним законам (о закреплении незаконных детей крепостных см. Иволгин. «История российских гражданских законов» 1851 г., т. 1, стр. 372-374) ему, как незаконному сыну крепостной, угрожала опасность остаться крепостным. Средством спасения явился Воспитательный Дом, воспитанники которого не только пользовались свободой, но ни в коем случае не могли быть закрепощаемы. (Выс. утв. генеральный план Воспитательного Дома 26 августа 1763 г., гл. VI, ст. 4: «Все воспитанные в сем доме обоюго пола и дети их и потомки в вечные роды остаются вольными, и никому из партикулярных людей ни под каким видом закабалены или укреплены быть не могут». П. С. 3 т. XVI, № 11908, стр. 360.) Вместе с тем тогдашние порядки и правила Воспитательного Дома, в основании которых лежали еще туманные законы Екатерины II, облегчали положение всех матерей, находящихся, подобно матери будущего критика, в момент родов в неловком положении (П. Ш. «История основания и открытия Императорского

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Московского Воспитательного Дома» 1836 г. – «Очерк Императорского Московского Воспитательного Дома 1856 г. – «Материалы для истории Императорского Московского Воспитательного Дома». Юбил. изд. 1863 г.).

В Воспитательном Доме было особое отделение для секретных родильниц, где, по правилам, запрещалось допытываться об имени и звании поступивших женщин. (Ст. 1, гл. III Генерального Плана 1763 г. (П. С. З. т. XVI, стр. 356-357).) Императрица Мария Федоровна, под главным начальством которой находился Воспитательный Дом, дозволила в 1816 году матерям, разрешившимся в секретном отделении, оставлять детей при себе и велела платить им так же жалованье, какое платилось кормилицам. (Назв. «Материалы», отд. 1, стр. 70.) Кроме того, по отношению к детям, принятым в Дом, широко применялась отдача на воспитание и родственникам, если, конечно, они оба об этом просили (Преимущество отдавалось родителям. Особых формальностей не требовалось. Кроме прошения надо было представить контрамарку, выданную при приеме младенца в Воспитательный Дом, удостоверение трех благородных свидетелей о родстве с просимым ребенком и удостоверение в доброй нравственности и достаточном состоянии просителя. Разрешение давалось, по крайней мере в интересующий нас в данном случае период, самой Императрицей Марией Федоровной по докладом Опекунского Совета. Число случаев передачи воспитанников родителям и родственникам, было, однако же, не велико. Так, за 1822 г. было возвращено 5 мальчиков и 13 девочек, за 1823 г. – 3 мальчика и 8 девочек – Назв. «Материалы», отд. II, стр. 47 и 50.) Таким образом, для крепостной девушки было прямо выгодно разрешиться в Воспитательном Доме или поместить туда новорожденного ребенка. Помимо медицинской помощи ей была гарантирована свобода для будущего ребенка и заработок в период кормления; кроме того, она не подвергалась неприятности расстаться со своим ребенком и при благоприятных условиях в будущем имела возможность взять его домой навсегда.

Все это, конечно, было известно А. И. Григорьеву, и, вероятно, он решил прибегнуть к помощи Воспитательного Дома до того времени, когда у него явится возможность обвенчаться с матерью его ребенка.

По прямому смыслу приведенного выше свидетельства, день рождения Ап. Ал. Григорьева придется на 20 июля 1822 года. Для этого достаточно сопоставить дату свидетельства «17 мая 1823 г.» с указанием в тексте, что упоминаемому в нем ребенку «ныне», т. е., очевидно, 17 мая 1823 г., от роду «девять месяцев и двадцать семь дней»; отсюда путем вычитания узнаем день рождения ребенка, который придется на 20 июля 1822 года.

В том же свидетельстве есть указание, что ребенок был принят в Воспитательный Дом 24 июля 1822 г. Отсюда прямой вывод, что отдали его в Воспитательный Дом через 4 дня после рождения, и, следовательно, он родился вне Воспитательного Дома. Упоминание в свидетельстве возраста ребенка, очевидно, было бы излишне, если бы день рождения и принятия в Воспитательный Дом совпали.

Кроме того, косвенное указание на то, что мать критика разрешилась вне Воспитательного Дома, можно видеть в следующем. Для крещения незаконных детей, появившихся на свет в секретно-родильном отделении, при Воспитательном Доме состоял священник. На детей, которых матери брали на свое попечение, выдавались свидетельства, подписанные главным акушером и священником. (Назв. «Материалы», отд. I, стр. 75.) У Ап. Ал. Григорьева такого свидетельства не было. Ему было выдано другое, приведенное выше, причем повод к выдаче свидетельства был иной: не желание матери, разрешившейся от бремени в Воспитательном Доме, взять к себе своего ребенка, а просьба отца, подкрепленная доказательствами происхождения ребенка именно от него. Причина понятна. Матери Ап. Ал. Григорьева, где бы она ни родила, было опасно заявлять о происхождении ребенка от нее или просить возвратит

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

его ей, т. к. возвращенные родителям питомцы Воспитательного Дома лишались своих привилегий и ребенку угрожало попасть в крепостные. А отец, будучи дворянином, повредить делу не мог. Незаконнорожденные дети дворян дворянством не пользовались, но свободы не теряли.

Поэтому следует признать, что Ап. Ал. родился вне Воспитательного Дома, был отдан в Воспитательный Дом после появления на свет, и дата его рождения 20 июля 1822 г. Впоследствии же, когда брак родителей состоялся, ребенка взяли из Воспитательного Дома, выполнив установленные формальности, и получили свидетельство, а потом отец занес его и в свой послужной список.

Что же касается сословного положения Ап. Ал. Григорьева, вопрос осложнился. За отсутствием в то время общего закона об узаконении незаконнорожденных детей последующим браком родителей (впервые такой закон был издан 12 марта 1891 г.) на практике отдельные случаи такого рода разрешались всякий раз особыми Высочайшими повелениями (Загоровский «О незаконнорожденных по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву». «Журн. Мин. юст.» 1898, №5, стр. 14-15). В начале XIX века практика эта складывалась довольно благоприятно; она шла по пути, намеченному руководящим суждением Государственного Совета 13 июня 1801 г. (Неволин – назв. соч., стр. 381-382), которое хотя и не было обнародовано, вряд ли осталось неизвестным в чиновничьей среде, к которой принадлежал А. И. Григорьев. Возможно, что он основывал на этом известные надежды, чтобы улучшить положение сына. Но указ 23 июля 1829 г. (П. С. З. № 3027), воспретивший подачу всяких просьб об узаконении, резко изменил направление правительства в этом вопросе. О сопричтении сына к дворянству А. И. Григорьеву нечего было и думать. Пришлось, очевидно, приписать его к мещанству. Отчество дано было ему по отцу еще в Воспитательном Доме, а фамилию сохранили, вероятно, по ее ординарности. Может быть, помогли тут и кое-какие связи посреди мелкого и среднего чиновничества. Таким образом, критик остался незаконным сыном своего отца, хотя и носил его фамилию, и оказался московским мещанином, принадлежа по рождению к дворянству.

Впоследствии, когда сын подрос, в 1833 г. А. И. Григорьев, может быть, предполагая отдать его в какое-либо учебное заведение, устроил его увольнение из мещанского общества «на поступление по ученой части», как сказано в сохранившемся свидетельстве, выданном из 2-го Департамента Московского магистрата 4 мая 1833 г. За № 4609 (как указано выше, хранится в архиве Московского университета).

Окончание курса в университете и поступление на государственную службу окончательно развязало Ап. Ал. Григорьева с мещанским сословием. Хотя он не достиг на службе высоких степеней и умер всего лишь коллежским ассессором, но по тогдашним законам, впрочем, сохранившим свою силу до сих пор, уже предыдущий чин титулярного советника давал личное дворянство (Ман. 11 июня 1845 г. Ст. 1, 3 (П. С. З. №19086), ср. ст. 47 п. 1 Зак. Сост. Т. IX, Св. Зак. (изд. 1899 г.)) Образование и служба отчасти возместили то, чего он был лишен по случайности рождения и из-за проблем в законодательстве.

Судьба обоих оставшихся в живых сыновей Аполлона Григорьева была различна. Заброшенные с детства родителями (по составлению Ап. Григорьевым семьи его жена была вынуждена поступить в гувернантки, почему детей и взяла к себе ее мать. Л. Ф. Григорьева умерла незадолго до смерти мужа в глубокой бедности в одной из московских больниц), они были воспитаны своей бабушкой со стороны матери – С. А. Корш. Оба первоначально были помещены в Москве в Нибилковский дом призрения бедных сирот, откуда старший, Петр, был определен в гимназию, а младший, Александр, в Константиновский межевой институт, где в то время существовали еще общеобразовательные классы.

Александр Аполлонович Григорьев – старший сын Аполлона Александровича

Петр гимназии однако не кончил и, не получив дальнейшего образования, перебивался уроками, корректурами и самым мелким литературным заработком. Рано обнаружившаяся в нем наследственная слабость к спиртным напиткам помешала ему устроиться более или менее сносно в жизни, несмотря на недюжинные природные способности. Он умер в середине 90-х годов прошлого столетия 44-45 лет от роду простым корректором какой-то маленькой типографии в Москве.

Несколько иначе сложилась судьба его младшего брата Александра. Успешно окончив общеобразовательные классы межевого института, но не чувствуя склонности к математическим наукам, он вышел из института не без размолвки с родными, перебивался целый год один, подготовился к выпускному экзамену в гимназию (без древних языков) и поступил в преобразованное военно-юридическое училище, где в то время преподавание велось лучшими научными силами эпохи. Достаточно назвать имена Н. С. Таганцева, Н. А. Неклюдова, К. Д. Кавелина. Успешное окончание курса и поддержка двух дядей: Кавелина и В. Ф. Корша,

редактора «СПб. Ведомостей», открыли молодому человеку дорогу на службу по министерству финансов, где служил Кавелин, и в литературу, куда его влекла наследственная склонность. Первые опыты беспритязательной скромной работы в газете под руководством Корша могли бы впоследствии развиться во что-нибудь более крупное. К сожалению, переход газеты в другие руки и смерть Корша, в связи с изменившимися материальными условиями, приковали А. А. Григорьева к самой черной литературной работе. Безымянные статьи от редакции, небольшие заметки, отзывы о книгах, хроника, театральные рецензии – вот к чему свелась по необходимости его литературная деятельность.

Кроме «СПб. Ведомостей» он работал в «Порядке», «Новостях», «Минуте», «Севере», «Неделе», «Московском листке», «Мировых отголосках», «Новом времени». Но крупного ничего не дал. Юношеская повесть «Порывы и надрывы» в «СПб. Ведомостях», биографическая статья об отце в книжках «Недели», заглавие которой, кстати сказать, было самовольно изменено редакцией, юбилейная статья о Писемском в «Севере», несколько фельетонов о Лермонтове, о польской литературе и т. п. в «Новом времени», вот все, что можно указать более или менее заметного из его литературных трудов.

Сам он смотрел на свою литературную деятельность исключительно как на побочный заработок, необходимый при скромном жаловании чиновника, не придавая ей ровно никакого значения. Вращаясь всю жизнь в литературных кругах, лично знакомый с такими корифеями, как Некрасов, Тургенев, Достоевский, Островский, тонкий и глубокий знаток литературы, отзывчивый и впечатлительный от природы, он в высшей степени скромно относился к своим собственным способностям и силам.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Неизмеримое величие виденного и прочитанного как бы подавило его. А личное знакомство с авторами и, в особенности, глубокое уважение, которое А. А. питал к памяти своего отца, удерживали его, может быть, до излишества от каких-либо самостоятельных выступлений в литературе. Все написанное им самим вне пределов узко деловой фактической сферы, казалось ему мелким, бледным и обычно уничтожалось. Даже литературные воспоминания свои, этот огромный запас мелких и крупных черт из жизни великих людей, виденных им лично в разнообразной обстановке, он унес с собой в могилу. Врожденная деликатность и тонкое понимание требований литературы доброго старого времени не позволили ему предать их гласности.

Не более удачна была и служба. Выдвинувшись вначале благодаря участию в известной Комиссии сведущих людей 1882 г. и довольно скоро назначенный начальником отделения департамента неокладных сборов, А. А. Григорьев дальше по службе не пошел. Смерть Кавелина лишила его столь нужной на службе поддержки, а унаследованное, вероятно, от отца неумение ладить с сильными мира сего закрыло

**Дочь Александра Аполлоновича,
внучка Аполлона Григорьева
Надежда Александровна**

ему пути к дальнейшему движению. 22-х лет служебной ляжки, литературного «негритянства» и семейных дрязг, без которых не обходится ни одна жизнь, оказалось достаточно. На 45-м году жизни А. А. Григорьев сошел с ума и, проболев около 2-х лет, умер в больнице Всех Скорбящих 22 марта 1898 г.

Мне необходимо остановиться еще на одном вопросе *pro domo sua*.

На мне, как и на моем покойном отце, тяготеет невысказанное явно обвинение в том, что за столько лет мы не издали сочинений Ап. Ал. Григорьева. Обстоятельства на первый взгляд, казалось, складывались благоприятно. Интерес к произведениям деда, по общему убеждению, возрастал с каждым годом, а развитие книгоиздательства в России шло таким ходом, что, кажется, не осталось ни одного старого писателя, которого не переиздали бы вновь в последнюю четверть XIX столетия.

Первая попытка издать сочинения Ап. Ал. Григорьева, как известно, была сделана покойным Н. Н. Страховым в 1876 г. Историю ее нет надобности напоминать. Но она имеет свое печальное продолжение, которое следует, наконец, рассказать.

Издание сочинений деда, можно сказать, было мечтою моего отца всю жизнь. В детстве я узнал печальную судьбу страховского издания, помню разговоры взрослых на эту тему, горькие слова людей, лично знавших деда, которых я застал еще в живых: драматурга Д. В. Аверкиева, этнографа С. В. Максимова, артистов М. И. Писарева и И. Ф. Горбунова, поэта К. К. Случевского и других, всегда отзывавшихся о нем с восхищением и скорбевших душой, что не только память его предана забвению, но и сами труды его лежат под спудом и не доступны для читающей публики. И от этих же людей я узнал причину окончательной и бесповоротной гибели страховского издания.

Николай Николаевич Страхов (1828–1826) – выдающийся литературный критик, философ, публицист, издатель и переводчик

Искренне любящий Ап. Ал. Григорьева Н. Н. Страхов со свойственной ему методичностью и аккуратностью тщательно собрал с великим трудом все материалы для полного собрания его сочинений. Кто знал покойного Н. Н. Страхова, тот поймет, что и как он мог сделать в такой работе. Труд был прямо-таки колоссальный, если принять во внимание, что Ап. Ал. Григорьев, преследуемый всю жизнь литературными недругами, был вынужден вечно менять журналы, в которых он писал, и сотрудничать в таких изданиях, о существовании которых мы узнаём только теперь после специальных изысканий. Все это Страхов собрал, но для своего издания, ограничившегося по недостатку средств одним первым томом, использовал только часть, примерно одну четверть, так как полное собрание сочинений предполагалось в четырех томах. Впоследствии же, когда оживился интерес к имени Ап. Ал. Григорьева, и возник вопрос о новом издании его сочинений.

Н. Н. Страхов, по просьбе моего отца, передал полный комплект материалов одному, в то время уже крупному издателю, а тот их затерял. Издание не состоялось, но материалы пропали.

Н. Н. Страхов был огорчен страшно и не мог утешиться до конца жизни. Но ни он, ни мой отец ничего не могли сделать с сильным своим положением и средствами издателем. Да и не в характере обоих были сильные, решительные меры. Понятно, как отразилась пропаша материалов на всех дальнейших попытках издания. Теперь уже издание требовало прежде всего особого издателя, достаточно опытного, чтобы разыскать материалы, и достаточно авторитетного, чтобы на него положиться. Это обстоятельство сильно увеличивало расходы и устраняло всех небогатых издателей. Прибавив сюда трудность найти подходящего редактора, так как истинных знатоков истории нашей литературы всегда было немного, станет понятным, отчего дело тормозилось больше и больше.

Чтобы спасти положение, строились разные проекты. Кто предлагал объявить вперед подписку, чтобы выяснить действительное отношение публики, кто советовал ограничиться перепечаткой первого тома, изданного Страховым, кто-то, наконец, выдумал пустить сокращенное издание, выбрав одни критические статьи о наиболее крупных писателях. Словом, проектов возникало довольно. Артист М. И. Писарев, один из учеников деда по 1-й Московской гимназии, сам знаток и любитель литературы, библиофил, раздобыл с большим трудом некоторые старые журналы («Московитянин», «Время», «Эпоху»), где были напечатаны весьма важные статьи Ап. Ал. Григорьева, и составил из них целый второй том, так что материала набралось довольно, чтобы начать издание. Но и это не помогло.

Мой отец умер в 1898 г., так и не дождавшись издания. Дело попало в мои руки. Со свойственной молодости энергией я решил сделать попытку вернуть собранные Страховым

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

материалы. По молодости лет я не знал тогда, что в литературе есть свои генералы, не хуже настоящих, и что доступ к этим господам так же труден, как и в бюрократических сферах. Несмотря на ряд настойчивых попыток, мне не удалось добиться личного свидания. Тогда я рискнул написать таинственному незнакомцу. Ответ превзошел всякие ожидания: автор письма категорически отрицал даже сам факт получения каких бы то ни было материалов для издания сочинения Ап. Ал. Григорьева. Я обошел с этим письмом в руках всех оставшихся в живых лиц, знавших историю дела, и убедился лишний раз в человеческой низости и трусости. Все мне сочувствовали, все бранили виновника дела, и никто не решился мне помочь. Каждый ссылался на ту или иную степень своей зависимости от сильного человека, но никто не рискнул выступить на мою защиту. Я не называю имен – люди эти почти все умерли:

*Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.*

Точно так же я никогда не говорил об этом эпизоде публично. И если теперь я его оглашаю, делаю это с единственной целью – снять невольный укор с семьи в том, что она не озаботилась почтить память писателя изданием его сочинений.

О дальнейшей истории издания говорить много не приходится. Это было продолжение все тех же утомительных и бесплодных переговоров, которые вел мой отец, с вечными жалобами на недостаток материалов, на трудность найти редактора, дороговизну издания и недостаток интереса к критическим произведениям у широкой публики. Одно время я хотел помочь делу своим трудом, собрать хотя бы библиографию, сделать нечто вроде указателя сочинений Ап. Ал. Григорьева, но скоро убедился, что при современных научных требованиях такая работа требует специальной подготовки, которой у меня не было. В конце концов у меня сложилось убеждение, что как над жизнью, так и над литературным наследием Ап. Ал. Григорьева тяготеет какой-то *fatum*, и я отказался от мысли об издании его сочинений.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 200-летию со дня рождения Аполлона Григорьева

Александр Гутан,

правнук Аполлона Григорьева

КРИК ИЗ ОГНЯ

1997 год

**Александр Сергеевич Гутан,
праправнук Аполлона Григорьева,
писатель, поэт.
Живет в Санкт-Петербурге**

I

Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) – поэт, мыслитель, критик. Спросить сегодня: кто что знает о нем? Ответят: он написал «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная!» Он первым в России спел страстно авторскую песню «Две гитары, зазвенев, жалобно заныли...» Кто-то прибавит: среди его друзей Фет, Достоевский, Островский. Кто-то скажет: славянофил. И обязательно: спился, потерял все, умер в Яме («долгушке», доме Тарасова). И всё.

А была стремительная жизнь, обреченная на самосжигающий путь поиска сути горения, цели движения Неба, звезд и страны. Такой путь невыносим для человека. Горение летящего в российском пространстве чуждо поиску славы, покою и удаче. Горящие не выбирают дороги – им светло и в попутной тьме. Потом другие вспоминают – что, помимо крика боли, неслось из огня. Расслышанные слова любви называют откровением. Иногда и поверят услышанному, понимая, что из огня кричат необходимое и беспредельное.

Долговая яма, независимость, провалы на равнинной местности, нищета и загулы, и бездомность Григорьева запомнились. Запомнилась обреченность, а слова любви и обозначения цели сглотнула Яма.

Но был знак на похоронах Григорьева, вспомнил Боборыкин: «В церкви заметили актрису г-жу Владимирову. Она приехала проводить в могилу критика, который относился к ней более чем снисходительно, находил даже задатки большого дарования. И оказалось, что Владимирова никогда даже не видела в лицо покойного, почему и попросила одного из распорядителей похорон приподнять крышку гроба: гроб стоял в церкви закрытым».

Страшно, что не театр, не спектакль это были, и не играла актриса Россию – но все было так, как потом, когда Блок в 1914 захотел взглянуть в лицо умершего, чьи слова *из огня* он слышал.

В пронзительном сентябре 1914-го Блок записал: «Пятьдесят лет смерти Ап. Григорьева... На могиле Григорьева сегодня были: Княжнин, внук Григорьева с женой, Шах-Пароньянц, еще кто-то, всего же пять человек». Могила – на Митрофаньевском кладбище, Княжнин – поэт, литературовед, Шах-Пароньянц – автор книги о Григорьеве, внук – дядя моей матери, «дядя

Володя», Владимир Александрович, погибший в блокаду. За полвека до того у раскрытой могилы стоял Достоевский среди нескольких человек, которые и обрушили комья.

Достоевскому принадлежат знаменательные слова: «Григорьев был бесспорный и страстный поэт». Блок, как никто, может быть, после Достоевского, это знал. Мы говорим теперь – зерна поэзии Григорьева проросли в поэтической системе Блока. Точнее бы – в поэзии, еще точнее – душе. Запись Блока коротка. О чем говорилось на могиле – не сказано. Владимир Александрович, внук Аполлона, ни семейного рассказа, ни записи об этом не оставил. Я бы постарался оставить. И яснее, чем чьи бы то ни было мысли из числа людей, упомянутых Блоком (и неупомянутых жителей того Петербурга, и воевавших на первых фронтах великой войны), – яснее сейчас нам мысли Блока о Григорьеве, судьбах России, судьбе страны.

«В наши дни (1914 г.) “вопрос о нашей самостоятельности” (выражение Григорьева) встал перед нами в столь ярком блеске, что отвернуться от него уже невозможно», – сказано Блоком в начале статьи «Судьба Аполлона Григорьева», предпосланной сборнику собранных Блоком по старым журналам стихотворений Аполлона. «Теперь, – продолжает Блок, – когда твердыни косности и партийности начинают шататься под неустанным напором сил и событий, имеющих всемирный смысл, – приходится уделить внимание явлениям, не только стоящим под знаком “правости” и “левости”, на очереди – явления более сложные, соединения труднее разложимые, люди, личная судьба которых связана не с одними “славными постами”, но и с “подземным ходом гад” и “прозябанием дальней лозы”». В разительном сходстве слов старых цитат с сегодняшними всегда подвох: это всего лишь портретное сходство двух лиц из разных эпох. Но и сходство лиц тревожит проявлением цикличности времен и судеб.

Окончание XX российского века встревожено своим сходством с началом.

II

Тронем тревогу начала. Стоял нештучный 1914 год. Задышала стихия. По масштабу сил, задействованных в прологе, по нарастанию дыхания событий – для тех, кто мог оценить размер их, предугадать последствия (умом ли, гением ли, как Блок) – неизбежность вовлечения России в небывалое многоактное действие стала очевидной. Происходящее не было историей (прошлым), звалось пока *только* войной, – опыт войн имелся у России, – и не *войны* гибельность была почуяна.

Своих названий грядущие события еще не объявляли. Томило только предчувствие их, неназванных. Томление требует поиска опоры. Действительность опоры не давала. Опору могла обещать вера. Во что? В кого? В самостоятельность русского народа и, значит, в самостоятельность его пути. Статья Блока начата с григорьевского выражения «самостоятельность». Григорьев одним из первых это понятие выделил и осмыслил – одновременно с Достоевским. Может быть, чуть и пораньше Достоевского, до 1861 года, и, уж конечно, до «Дневника писателя», где Достоевский ввел его в созданную им систему. И еще у Блока в тот миг на устах имя Григорьева оттого, что он его лучше, как поэт поэта, слышит. И Блоку, и тем, к кому он обращался, становилось ясно, что самостоятельность – это единственное то, что даст народу силы себя отстоять, что способно противостоять нашествию, что не позволит инородному влиянию извне и изнутри разрушить себя.

Поэту Григорьеву в выражении мысли было сподручнее всего обратиться к символу – притягательному, таинственному, ослепительному человеку – символу России – к Пушкину. И он сделал это: «Поэты суть голоса масс, народностей, местностей, глашатаи великих истин и великих тайн жизни, носители слов, которые служат ключами к уразумению эпох – организмов во времени, и народов – организмов в пространстве...» «Пушкин – наше всё; Пушкин –

представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами». И дальше – об особенном: «Пушкин все наше предчувствовал... от любви к загнанной старине (“Родословная моего героя”) до сочувствий реформе (“Медный всадник”), от наших страстных увлечений эгоистически-обаятельными идеалами до смиренного служения Савелия (“Капитанская дочка”), от нашего разгула до нашей жажды самоуглубления...» (мы после Григорьева и Блока – обожженные последующим – прочли в Пушкине и новые диапазоны: от «Во глубине сибирских руд...» до «Нет, я не льстец, когда царю...», от оды «Вольность» до записки «О народном восстании»).

И дальше, и выше идет Григорьев, собирая зримую им пушкинскую широту в кульминации значения символа: «Пушкин был чистым, возвышенным и гармоническим эхом всего, все претворяя в красоту и гармонию». Претворил в гармонию, будучи эхом *всего* внутри себя так, как призван, может быть, обрести гармонию народ. И еще шире и выше глянул Григорьев, а за ним – в этот миг, и мир – Блок: «Теория и жизнь вот Запад и Восток. Запад дошел до мысли, что человечество существует само для себя, для своего счастья, стало быть должно определиться теоретически, успокоиться в конечной цели, в возможно полном пользовании. Восток (*здесь: мы. – А. Г.*) внутренне носит в себе живую мысль, что человечество существует в свидетельство неистощенных еще и неистощимых чудес Великого Художника, наслаждаться призвано светом и тенями Его картин; отсюда и грань. Запад дошел до отвлеченного лица – человечества. Восток верует только в душу живу...» Возмущенный возникшим *великим художником*, Блок замечает: «Григорьев готов произнести имя, он все время – на грани... прозрений... Какая глубина мысли! Еще немного – и настанет тишина, невозможность познания... И какая близость с самой яркой современностью...»

Все это понял, взглянув в лицо Григорьева на развилке дороги России «1914–1917», Блок, еще веривший в способность самостоятельной России самостоятельно обрести гармонию в своей безбрежной широте. «Еще веривший» говорю потому, что мог уже не верить, ибо 50 лет назад до того была на дороге России еще одна развилка, на которой в снегу постоял Григорьев, пытаюсь указать путь пролетевшей тройке, мимо пролетевшей. Там, на развилке, изученным нами до «пятерок» в школе революционным демократам их *теория* диктовала общую цель: критика должна не только объяснить жизнь, но произнести *приговор*, но сделать социально-политические выводы, но *переделать* жизнь. Создателям *теории* о вине «темного царства» требовалось подписание, зачтение и исполнение приговора над жизнью – во имя блага народа. «Кого любить? Кому верить?» – стоя одиноко в снегу на развилке спросил Григорьев и ответил себе: «Жизнь любить и в жизнь одну верить, подслушивать биение ее пульса в массах, внимать голосам ее в созданиях искусства и религиозно радоваться, когда она приподнимает свои покровы... и разрушает старые теории... Иначе, без смирения перед жизнью, мы станем непризванными учителями жизни, непрошенными печальниками народного благоденствия, – а главное, будем поставляемы в постоянно ложные положения перед жизнью» (1860 г.). Не услышали его, тройка пролетела мимо. Власти, сил или права на изменение маршрута у него не было. «Но разве, – спросил Блок, – обладали такой властью и более могучие, чем он, Достоевский и Толстой? Нет, не обладали. Григорьев с ними».

Что власть? – говорим мы. Зачем она была ему, когда именно право *власти* человеческой чьей бы то ни было над жизнью Григорьев не признавал. Только б услышали... Мимо!.. Блок завершает статью картиной: «Сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво; и все это величаво, торжественно до слез: это – наше,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

русское». На развилке 1917-го года статья Блока не была услышана. Наше, русское и в такой картине: Петроград, 1921 год, за окном время приведения приговоров в исполнение, голод, смущенный, томимый Блок – с предсмертными словами к матери: «Спасибо за хлеб... настоящий, русский, почти без примеси, я очень давно не ел такого».

III

Осенью 1917 года П. П. фон Дервиз пригласил в свое имение под Рязанью петербургского архитектора А. Ф. Красовского на перестройку своего конного завода. Оба, очевидно, недооценили глубины разлома российской почвы. Дервиз, вскоре поняв, ушел в тень, а Красовскому и его дочерям было суждено, оставшись, внимать набату сходов деревни Старожилово, видеть разграбление усадьбы, услышать темноватым вечерком 1918 г. торопливый, прячущийся за крылечком голос девушки-крестьянки: «Спрячьте ваших барышень, мужики сейчас пойдут всех господ резать». Чуть позже архитектора Общество потребовало на сходку, где толпа, готовая на все, обступив, спросила в упор: «Ты зачем и о ком сказал – “стрелять надо”, и за попа

заступался – зачем?» В гуле самосуда он, уже неизлечимо больной, заговорив что-то о своем труде – строить, а не разрушать, пошатнулся, начал терять сознание, и все построенное им – Бестужевские курсы, Химлаборатория, Народный дом, десятки домов по городам России, его прорыв в художники из недр крепостных мастеров Императорского фарфорового завода, – кончалось здесь, сейчас, этим.

Дочь Ольга семнадцати лет, пошедшая с ним, подхватила отца под обмякшие руки, вывела из нараставшей тесноты и обернулась лицом к толпе – на миг осекшейся:

– Мерзавцы, – крикнула на пределе, – мерзавцы! Напали все на одного!

– Задрать бы юбочку да выпороть! – сказали отпускающе в толпе.

Край миновал, были спасены.

Красовский умер в Старожилово в декабре на руках у дочерей и был похоронен у церкви своей постройки.

А для одной из дочерей Ольги – моей матери Ольги Александровны Красовской (в замужестве Гутан) в памяти на всю жизнь остановилась рязанская «снежная, – непривычно, – зима с дымом, красными закатами».

Матери ее с ними не было. Отец был в разводе с нею – внучкой Аполлона Григорьева – Надеждой Александровной, унаследовавшей от деда незаурядность и все черты характера человека, невмещаемого в готовое русло жизни.

И ее брата Владимира Александровича, встретившегося с Блоком на Митрофаньевском в 1914, юриста, имевшего профиль деда со степенью сходства 1:1 (почему и снимался часто в профиль) тоже не было в Старожилово, когда Ольга, правнучка Аполлона, почувствовалась кровь, спасла отца. Ее движение было произвольным – в ее семнадцать лет расстояния от народа

**Ольга Александровна Гутан
(Красовская), правнучка
Аполлона Григорьева, мать
автора очерка Александра Гутана**

до нее не существовало – родство исключает расстояния: мерзавцами были именно те, кто жег усадьбы и творил самосуд, это было настолько очевидным, что произносилось принародно в глаза – тем. Отцу и дочери повезло, а это – поджоги и самосуд – шли уже по России восемнадцатого года гражданской войной, и невнятицей, а то и кощунством, для гибнущих веяло от недавно горевших слов, ценою жизни купленных Григорьевым и другими, о высокой самостоятельности и широте пути русского народа, ибо для гибнущих нет иной правды, чем их гибель.

Несамостоятельность заключалась в роковой человеческой неволе каждого в гражданских войнах, когда, помимо личного выбора и взгляда, пролитая родная кровь по неясным законам взаимодействия вины, страха за содеянное и инстинкта самосохранения, подавляя личность, выводит народ в область наваждения и горя. Сегодня кажется потерянной правда о колоссальном 1918-м, о изначальной причине взрыва гнева и отчаяния народа, но историк обязан помнить, что повело его – то, что названо свидетелем Блоком: *социальное неравенство*. О великом смысле этих двух слов он просил помнить тех, кто жил тогда: «Знание о социальном неравенстве это знание высокое, холодное и гневное».

О гармонии теперь речь не шла, но убитому Пушкину места в России еще было: число убитых (изгнанных) еще не превышало число живущих в стране. Но кто бы знал, что теперь дело дошло до *теории*, теперь пришли *теоретики*. «Является теория, построенная на произвольном критерии, и на основании ее произносятся *окончательные* приговоры» (Ап. Григорьев, 1858 год).

В ноябре 1918-го в Петербурге открывался Институт Живого Слова. Основатель его, театровед В. Н. Всеволодский, произнес: «Только сейчас наступает, наконец, та эра, которая дает возможность культивировать живое слово...» Тут же предоставили слово Луначарскому (стенограмма): «У нас НЕТ (*выделено мной, А. Г.*) никаких ГАРАНТИЙ того, что слово... вызывает ПРАВИЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ, что оно находит ИМЕННО ТОТ резонанс, которого МЫ ХОТИМ. При социализме... когда сотрудничество сменит собою борьбу, то именно тогда возможно слияние отдельных индивидуумов в один ОБЩИЙ ПОТОК мысли и чувства. Сначала это делается глубокой ТОСКЛИВОЙ потребностью, и потом, по МЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ, все больше... будет делаться источником радости». Луначарского слушали в зале приглашенные Всеволодским для чтения своих курсов А. Ф. Кони, Н. С. Гумилев, Ф. Ф. Зелинский и другие, верившие в возможность обновления и наследования культуры. И неужели не расслышали ничего? И не нашлось такой девушки, которая шепнула бы Всеволоду Николаевичу у входа: «Спрячьте ваших барышень!»? Не услышали, не нашлось. А и поняли бы, – что могли? Бóльшим расплатиться, чем расплатились – жизнью – не могли, бóльшего у них просто не было.

IV

Холодным вечером 1922 г. две студентки этого института поехали на Фонтанку, где жило еще Живое Слово – пригласить Ахматову почитать у них на вечере. Запись студентки: «Она лежит в кровати больная. Покрыта одеялом и каким-то мехом. В комнате холодно – зима... Очень красивая рука только на мгновение показывается из-под меха. Она говорит... что читать стихов не может, и просит ее имени не ставить, “как-нибудь в другой раз”...» Автор записки – студентка Ольга Красовская, вышедшая в 1921 году замуж за С. Р. Гутана, замурованного в молчанье. Ему в русской поэзии принадлежит стихотворение 1926 года:

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Арап Петра, угрюмый прадед
 Поэта ясного, как день,
 В глуши эстонских деревень
 Не спал ночами, страха ради.
 В шлафроке, темный, со свечой
 Он колокольчик мимоезжий,
 Сливающийся с тишиной,
 Внимал и ждал, чтоб день забрезжил.
 Будили розыск, кнут, Сибирь
 В нем древний ужас африканский,
 И, сняв ночной колпак фламандский,
 Крестьясь, он раскрывал Псалтирь.

Времен других жилец невольный,
 Не посмеюсь я, Ганнибал,
 Над долею твоей бездольной
 И над тобой – как ты дрожал!
 Ах, мне известен, как и многим,
 Сон прерванный, когда в ночи
 Мотор под окнами рычит
 И бьется поршнями в тревоге...

Когда за звуком звук растет,
 Как свет прожектора на снеге,
 Когда хлоп дверец, лязг ворот
 Выводят нас из теплой неги.
 И мы угрюмо жаждем дня
 С его здоровою заботой,
 С трамваем, мчащимся звеня,
 С работой, как и не-работой.
 И с проникающей кругом
 Паскудною российской сплетней,
 И с дикостью тысячелетней,
 Не изменившейся ни в чем!

Осень 1926 г.

(Сергей Гутан (1892–1959). «Судьба иная», книга стихов, ИХЛ, Л., 1990).

Для Сергея Гутана среди дикости тысячелетней в 1926 году – Пушкин еще тут, тот, который «наше всё». Более того в этом емком стихе глубинный, второго плана смысл – надежда: Ганнибалу, обожженному африканским ужасом в снегу России, еще неизвестно то, что знаем мы – впереди рождение Пушкина, *весь* Пушкин впереди. Гармония впереди.

Институт Живого Слова, конечно, изжил себя в условиях нарастания центростремительной идеологии, сошел на нет, остался притчей.

В 1934 г. «в светлом – освещенном сентябрьском солнцем коридоре (здания петровских 12 коллегий) шла высокая, прямо держащаяся, немолодая и некокетливая женщина с шарфом на шее, гладкими стриженными волосами, крупная, с крупными чертами лица, большими глазами. Я подошла... она разрешила посещать занятия на ее кафедре...» Кафедра –

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

классической филологии, разрешившая – завкафедры Ольга Михайловна Фрейденберг, двоюродная сестра Бориса Пастернака, подошедшая – Ольга Гутан, сдавшая вступительные экзамены, но почему-то незачисляемая.

Если Институт Живого Слова возможно было уподобить реке, идущей в живых берегах навстречу экологической катастрофе, то ЛГУ 30-х годов ближе образ искусственного моря с расчетным составом воды и регулируемым уровнем. Блистательным авторам лекций на филфаке – флагманам С. Жебелеву, Г. Гуковскому, Б. Эйхенбауму, В. Жирмунскому и другим был отдан приказ: море – настоящее, полный вперед! Судя по О. Фрейденберг, они все понимали и... жили наукой, в которую верили.

Шла жизнь и в трюмах кораблей – группах: «состав (групп) пестрейший, время тяжелейшее (убийство Кирова), – пишет О. Гутан, – общий страх, время доносов, арестов и высылки. Все боролись со всеми – как в научных взглядах, так и в проявлениях себя». По Луначарскому – «тонкое и плотное слияние индивидуумов в один общий поток мысли и чувства» вершилось, но, однако, «тоскливая потребность по мере удовлетворения» не делалась «источником радости». Общественность филфака не раз всерьез озабочивалась соцпроисхождением, обручальным кольцом и иконами в доме моей матери. «Ольга Михайловна, – пишет она, – даже не ставя меня в известность, боролась за меня, дошла до Смольного... Обошлось для меня лично – благодаря ей...»

Положение отца – его «серебряная» ноша из века в век, пресловутое происхождение, его родство (из морской семьи) – все подпадало под любой пункт 58-й расстрельной статьи. В 1935 г. Он поставил на землю свою «серебряную» ношу, остановил стихи.

В его круглосуточном ожидании ареста смысл происходящего был невнятен. За окном теперь стояла убыль. Может быть, кто-то один Всеобъемлющий и вел незримый счет большой народной убыли, отделяя имена в растущую минусовую часть реестра: убитую часть народа в войну 1914 года, убитую в гражданской войне, убитую голодом, убитую в крестьянском истреблении – сколько это, какая доля от единицы? И эта, следующая часть, пожираемая ГУЛАГом – их сколько? А все вместе – половина народного тела, менее? Душа – делима? И что, народное живое тело, будучи рассеченным, сохранит жизненные свойства в отсечении? И может ли жить отсеченная половина, если другая убита? Или переходят свойства убитой к оставшейся, и *ничего* не теряется, кроме жизней? Но если уходят жизни, то разве не уходит Россия? И какие свойства (и как трансформированные) от убитых переходят к оставленным? Виделось так, что всепоглощающая давняя, глубинная российская вера в «святое государство», слитое с верой в Бога, не смогла отойти к убитым. И не было в тот миг пути в будущее устройство жизни в сознании мятущегося отсечения кроме того, который вел в подобие первого устройства – в такое же сильное, хоть и новое, хоть и справедливое, довлеющее над личными судьбами – государство, сохраняющее в камнях своего фундамента гневную запись о холодном знании навек преодоленного *социального неравенства*. И идеология (теория) так построенного государства, пряча тела, называя взамен убитых новые имена – строителей, писателей, ученых (которые, преодолев преграду социального неравенства для себя, творя и дыша, не могли не считать себя достойными жить), лишала народ раскаяния, утверждая безнаказанность живых за убитых в глобальной гражданской войне, отрезая народ от своей истории, – скрывала от народа безжалостную правду о том, что гармоничное *самопостроение* оставленной части народа в новом его историческом поле без участия воли убитых – тех, с которыми в 1917 году народ составлял «единицу» – *состояться справедливо не могло*. Отсеченная половина – и мертвая – владела голосом, который должен был звучать в самопостроении. Но мертвые гóлоса не имеют. Теория (и практика) на островах архипелага

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

теперь уничтожала и следующие новые голоса, потенциально похожие на голоса убитых в требованиях раскаяния во имя органической самоорганизации народа.

И только потому, что отсечения следовали одно за другим, теория, не допускавшая самопостроения, была – инородной, инородной – буквально, а не потому, что пришла из Германии. И только потому хотя бы лжет кощунственный миф о рабстве русского народа, что число убитых – несогласных быть рабом – меряется миллионами и миллионами.

Видавший воочию энергию строек и духовные дарования живой части народа мог только догадываться, что *тот* народ жив, но места себе в нем уже не видел, ибо любые многобуквенные суждения, похожие на эти, ничего не стоили в сравнении со всего одной буквой крика из изоляторов: «ааа-а-аААА!» Господи, помни о них!

И какое место оставалось, скажем, за Ап. Григорьевым посреди ГУЛАГа? Никакого. Говорил о широте российского поля духа и недопустимости исполнения на нем приговоров во имя всеобщего блага? Да?.. Пушкин стоял срезанным, убитым цветком, растившая его почва сгорела.

Мой отец, ощутивший дикость тысячелетий в крике из камер, был обречен. Мать, не пытаясь объяснить крик посредством исторических рефлексий, сказала только: «Это делали уголовники, стоящие у власти». Окончить в ЛГУ аспирантуру она не успела – война, блокада. Отца, работника Кировского завода, в ноябре 41-го направили в Челябинск. От лодейнопольского эвакуопункта – поезд. В рванувшем внезапно воздухе – единении судеб и жизни с человеческой (в боях) смертью едва завязывались узлы сопротивления нашествию, к ним стягивались силы, разрушаемые и восстанавливаемые гибелью и жизнью. Наш поезд в темном холоде дней встречал эшелоны сибирских дивизий, стягиваемых к Москве. Солдаты выходили из вагонов, смотрели нам вслед, мы смотрели на их идущие на Запад огни и дымы. Отец успевал поговорить с некоторыми, смотрел им в глаза – особенные, скованные целью – он мне рассказывал о них и о том, как они смеялись, когда я лопотал им стишки.

Теплушка, простои, маневровые толчки – и страшный толчок на станции Лянгасово – мама упала отвесно (с полки) спиной на кованый угольный совок. И лежала мертво (надлом позвоночника, паралич), кровь, скользнув изо рта, остановилась на полу, и отец, побежав за носилками, отстал от пошедшего вдруг состава, унесшего нас с мамой. В Кирове маму сняли с поезда, ее сознание вернулось, и возникло мое: я увидел и на жизнь вперед запомнил – глаза, направленные в мое трехлетнее плачущее лицо (отбирали в детдом) – и не раз еще потом в их темных глубинах я видел выражение 41-го года – материнства на краю утраты его. Отец догнал нашу теплушку много восточнее Кирова и, бросившись на о мороженных товарняках назад, успел застать наши жизни на исходе и вернуть их...

V

Потом был Челябинск – город горя, света, бедности и надежды (Танкоград). Были города, как Сталинград – узлы сопротивления нашествию, и безмерные, закрытые телами холмы, курганы и рвы других городов, деревень и дорог, было то, что 20 миллионов раз исчезало в глазах желавших – пусть хоть такую ценой – достичь победы для остающихся. И была Победа – и внутри людского моря, ощутившего себя вновь народом в сказанном и несказанном своем, и – вне каждого (но для всех) – в выходе русских в Европу.

Отец спросил себя в конце войны: «Так что, он (*народ* – А. Г.) простил ему свою кровь?..» И не ответил себе.

**Ольга Михайловна Фрейденберг
(1890, Одесса–1955) –
советский филолог-классик, антиковед,
культуролог-фольклорист**

Кассир в заводской челябинской столовой, бухгалтер спичечного цеха – Ольга Гутан в 1946 г. вызванная Ольгой Фрейденберг в ЛГУ, окончила аспирантуру, стала преподавать латынь и греческий. В ЛГУ быстро возрождались довоенный дух борьбы, и не раз ее, в числе прочих, увольняли, и ректор Вознесенский (брат кремлевского), когда кто-то в 1947-м вступился за мать, помянув имя Аполлона, крикнул ей (буквально): «Григорьев был злейший реакционер! Какое мне дело до вас!»

Лишь благодаря настойчивым ходам Фрейденберг мать восстановили, но диссертации защитить не дали, а она годы положила на нее, руководимая О. Фрейденберг – посмертно обретшей мировое научное имя.

В 1951 г. по приказу: «Открыть кингстоны на судах... (имена кораблей)!\», т. е. согласно сталинской директиве «Вопросы

языкознания» О. Фрейденберг отстранили от руководства кафедрой, затем – от Университета. Причина: ее следование в филологии палеонтологическому методу Марра и любая взятая наугад хотя бы одна эта фраза из ее блистательной «Поэтики сюжета и жанра»: «В процессе истории одно и то же различно оформляется».

Потеря Университета для абсолютно одинокой шестидесятиоднолетней женщины была гибелью. «Она, – пишет О. Гутан, – измерила всю глубину отступничества от наставника – от учения, от научных взглядов – учеников. Все старались опередить один другого – спешили отречься от учения, показать свою «лояльность», и лягали, и казнили того, кто ближе – ее».

Так сбилось «тонкое и плотное слияние индивидуумов в общий поток мыслей и чувств».

Что требовалось Ольге Михайловне Фрейденберг в четыре последних года ее затвора? От людей – немного – хотя бы участия, речи, ответа. Дав ей это в той мере, в какой могла, мать точно повторила свой сторожилковский вскрик: «Мерзавцы! Напали все на одного!»

Борис Пастернак (его жизнь) на похороны сестры приехать не смог. На погребении «исследовательницы античности и глубокого мыслителя» (место и имя, данное ей сегодняшней книгой о Пастернаке) у гроба постояло всего несколько человек, в их числе – мои мать с отцом. Классическая филология.

Каждый имеет право на интерес к судьбе кого-то еще, кроме Бога. Да, так.

И завершит портрет матери неожиданный для меня положительный ответ на мой же вопрос: была ли счастлива моя мать – правнучка Аполлона Григорьева – никогда, конечно, не мерявшаяся с ним судьбой, но лишь прошедшая его пространственной местностью во времени следом за ним? Она – блистательная ученица и первая танцовщица Константиновской гимназии, открывавшая балы в присутствии покровителя гимназии Великого Князя Константина Константиновича – поэта К. Р., слова которого помнила живой памятью до 1990 года; она – увидевшая Ленина в 1917 году (как бы для выпрямления оси симметрии в восприятии истории в лицах), стоявшего на балконе дома Кшесинской над толпой и, одновременно, в толпе; она – в мучительном разладе семьи ее отца, мастера, испытавшего ослепительное счастье – строить

Петербург; она – в Старожилово, где крестьянин Никитин присылал за ней сватов, где звучал набат, а рязанская Родина впервые – закатами, снегом, яблоками и дорогой – захлестнула сердце бунинской терзающей любовью-утратой; она – в Институте Живого Слова у Всеволодского, занятая в постановке обряда народной свадьбы в роли безгласной подружки невесты; она – обучающая студентов (дело жизни) мертвым языкам на кафедре классической филологии, оказавшейся, как и Живое Слово, в зоне пролива крови; она – категоричностью своих оценок ранившая, как знаю, многих, чаще близких, предъявляя счет к которым, выраженный в максимальном – по праву раненой любви – исчислении, в итоге за них оплачивала сама?.. Была ли она счастлива? Говорю: была. После 1921 года. В любви (пожизненной) к мужу – человеку, обреченному на казнь, в знании его тайных стихов, его любви к ней, в том, что он умер у нее на руках, а не в камере; в материнстве; в вере; в верности Учителю. В том, что защитила в 1967 году кандидатскую диссертацию, тема – «Творчество Кратина» («Должна же я добить это дело!»); в любви к стихам Гумилева – читала (пронзительно) почти всегда на память многим и в годы, когда за одно только упоминание имени Н. С. Гумилева давали срок; в любви к ученикам, в их – к ней. В том, что дожила до лет, когда вышла книга и о ее отце («Эрмитаж»), вернулось имя Гумилева, была опубликована гениальная переписка О. Фрейденберг с братом, Борисом Пастернаком, напечатан у нас «Архипелаг», были услышаны поспешные шаги возвышения Церкви, мелькнула попытка отстраненного взгляда на цареубийство («Главное – детей!» – она), когда недолго подержала в руках гранки книги стихов своего мужа С. Гутана и узнала о рождении правнука.

В России надо жить долго, чтобы досмотреть и дослышать. Конечно, она ощутила и тень от этих возвратов на наших лицах, поняв, что *им тем* – возврата, все-таки, нет. По моей просьбе она написала «Памятки» – об Ахматовой, Кони, Шалапине, Фрейденберг, других – после инфаркта, после реанимации, в бреду (транквилизаторы, боль) решила, что вот теперь-то и настиг ее тот самый 1935(?) год, и сын, конечно, убит (иначе – «почему здесь нет Саши?»), а в реанимацию меня, конечно, не пускали, этого не понимала), а кругом не врачи, а *другие*, и у нее осталось одно – тот самый крик в отторжении насилия.

VI

Прошло все. Стоит день декабря 1993. Подойдем – это нужно сейчас – к лицу Ап. Григорьева, нужно в третий раз: «Теории все-таки к чему-нибудь ведут и самую свою несостоятельностью раскрывают нам шире и шире значение таинственной нашей жизни» (1860).

«Таинственной» – запомним хоть это.

Продвинулись ли мы за 10-30-70 лет по пути самопознания, осознали глубже свою самостоятельность? Не смогли. Обрели ли опыт самоорганизации? Нет, и откуда ему взяться при тоталитаризме? Открыли в себе, как народе, новое достоинство, любим свое?.. Опять Григорьев: «Полагать, что в нас, как в племени, кроме абсолютной гнусности ничего нет, значит, подавать руку централизации, т. е. деспотизму – все равно николаевскому или робеспьеровскому, что равно гадко» (1860). Запомним и это, входя в круг сегодняшнего, кажущегося реальным выбора пути. Все, что слышится в спорах сегодня – по сути повторяет (в новых словах и одеждах) столетиями стоящий вопрос – «Запад» или «Восток»?

Не славянофил и не западник,
 Григорьев сказал лишь о

**Надгробие Аполлона Григорьева
на мемориальном кладбище
«Литераторские мостки»
в Санкт-Петербурге**

самостоятельности нашего племени, обозначив его как *достоинство*. И в сегодняшнем круге выбора уже очевидно, что

для нас правда – не Запад, не Восток, и она – для нас – не посередине, она смещена. Она смещена в сторону нашей самостоятельности. От того, как скоро осознаем ее, – дай Бог! – зависит путь. Главное: запомним из опыта гражданской всего XX века войны у нас то, что не будет осознания, да и нового пути не будет, если мы, как недавно, лишим голоса тех, кто живет сейчас, пролив *свою* кровь.

Или действительно за всю историю у нас обрел гармонию в снегах один лишь Пушкин? А Пушкин (видно было и мне еще в 1971 г.), помня все, до сих пор – «наше всё».

Как снег, порезанный полозьями,
Поблескивал в шестом часу!
Как лица проступали розово,
И коврик бился на весу!
Они приехали чуть позже.
Их голоса упали в снег.
И в снег уроненные вожжи
Под выстрел вздернул человек...
В тот миг – мой бред – поэт безвестный
С собой покончить поспешил.
Он вдруг, измерив вечер тесный,
Исход дуэли предрешил.
Он так спросил судьбу над свечкой:
«А если – не его, а – он?
Что если вдруг на Черной речке

Француз им будет умерщвлен –
Что будет с ним? Убийца-гений?
Да может ли такое быть? –
И если даже кровь омыть
Любовью поздних поколений?..
Да не пролей людскую кровь,
Да жизнь не запятнай убийством –
Единственный, моя любовь,
Один в России. Мой единственный.
И продыши еще три дня!
Три!.. Будь убит. Прерви дыханье.
За приговор прости меня...»

И застрелил свое сознанье.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 200-летию со дня рождения Аполлона Григорьева

Анна Анфимова
(Москва)

СТРАСТЬ И ГАРМОНИЯ

Влияние хорового цыганского исполнительства
в России на творчество Аполлона Григорьева

Анфимова Анна Юльевна (сценическое имя Аннэт Галактионова) – певица, актриса, режиссер, журналист (МГИК), исследователь старинных романсов и цыганских народных песен. С 2008 года – преподаватель. Кандидат экономических наук (аспирантура РАНХиГС).

Родилась в Казахской ССР, городе Целинограде (сейчас столица Нур-Султан). Окончила Московский государственный институт культуры (факультеты режиссуры и журналистики) и Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Лауреат и дипломант всероссийских и международных конкурсов и фестивалей русского романса и цыганского искусства, почетный член Клуба старинного романса «Хризантема», им. засл. арт. РФ А. Титова при Центральном Доме актера им. А. Яблочкиной.

Выступает с авторскими программами романсов и цыганских песен, посвященных известным историческим личностям XIX–XX вв., в том числе на памятных вечерах, посвященных А. А. Григорьеву, организуемых ежегодно И. Д. Григорьевой – представительницей династии Ап. Григорьева.

Настоящая статья подготовлена по просьбе Б. Ф. Егорова – ведущего исследователя творчества А. А. Григорьева. На ее основе в 2020 году на форуме в МГУ, посвященном памяти Аполлона Григорьева, был сделан доклад.

Публикуется впервые.

«Было время, когда на Руси ни одной музыки не любили больше цыганской; когда цыгане пели русские старинные хорошие песни: «Не одна», «Слышишь», «Молодость», «Прости» и т. д. и когда любить слушать цыган и предпочитать их итальянцам не казалось странным».

Л. Н. Толстой. Святочная ночь. 1853 г.

Увлечение цыганским исполнительством в России началось с выступлений первого цыганского хора под руководством Ивана Трофимовича Соколова (1740-е–1807) в конце XVIII века и достигло своего пика к концу XIX столетия.

Законодателем моды на цыганское хоровое исполнительство стал граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737–1807)², прославивший себя в Чесменском сражении с турками. Именно там, на Балканах, во время русско-турецкой войны, граф впервые услышал необычное для России вокальное цыганское исполнительство. Он был так поражен услышанным, что, выйдя в отставку, выписал из Молдавии цыганскую хоровую капеллу, состоящую из 5-6 вокалистов, как вспоминали современники графа. Позже на ее основе был сформирован первый цыганский хор, хореводем стал Иван Трофимович Соколов – прекрасный гитарист и страстный собиратель русской народной песни. Необычные стиль и манера исполнения поражали неискушенную русскую публику, и цыганское исполнительство становилось все более и более популярным.

К концу XVIII века уже многие знатные вельможи приглашали к себе выступать известный хор и даже «заводили» собственные. Но истинного расцвета популярности хор И. Т. Соколова достиг при его преемнике – племяннике Илье Осиповиче Соколове (1777–1848). Большинство тех, кто слышал цыганское хоровое пение того времени отмечали, что оно никого оставляло равнодушным. Русскую душу покоряли: открытость цыганской души, неподдельность чувств, живая страстность манеры исполнения. Неприкрытая чувственность в пении и танцах солисток будоражили сердца и умы закрепощенного этикетом дворянского общества. Именно в то время возникла поговорка: «Русский человек умирает дважды: один раз за Родину, второй – когда слушает цыган».

Под воздействием неведанной ранее манеры исполнения творческой интеллигенцией создавались музыкальные, живописные, литературные и драматические произведения, отражавшие художественное восприятие мира цыганского исполнительского творчества. «Недели две тому назад я, наконец, в первый раз слышал... тот хор цыган, в котором примадонствует Татьяна Дмитриевна³, и признаюсь, что мало слышал подобного! Едва ли... есть русский, который бы мог равнодушно их слышать. Есть что-то такое в их пении, что иностранцу должно быть непонятно и потому не понравится: но, может быть, тем оно лучше»⁴, – писал видный деятель пушкинского времени П. Киреевский.

Александр Куприн с восхищением описывал старинную манеру цыганского исполнения: «Бог знает, из каких прошедших тысячелетий, из каких южных стран вынес их этот загадочный, таинственный народ, это фараоново племя, как называют его в Средней России! Из Индии? Египта? Южной Европы? В бродячей жизни, среди чуждых языков, менялись и мешались слова, выпадали строки и строфы, но какой горячей кровью, страстной тоской и пламенной любовью, какой древней, первобытной красотой веет от восточной вязи этих песен... Именно в этой экзотической прелести и заключалось обаяние цыганских песен, действовавших, как колдовство, в этих песнях, подобных красным розам на снегу»⁵.

Возникло целое движение – увлечение цыганским творчеством и цыганами, названное позже Львом Николаевичем Толстым (1828–1910) «цыганерством». Сам Толстой писал: «Кто водился с цыганами, тот не может не иметь привычки напевать цыганские песни, дурно ли, хорошо ли, но всегда это доставляет удовольствие, потому что живо напоминает. Одна характеристическая черта воспроизводит для нас много воспоминаний о случаях, связанных с

² М. И. Пыляев. Старый Петербург. 1887 г. Глава XVII.

³ Татьяна Дмитриевна Демьянова (1808–1877) – солистка хора Ильи Соколова – любимица Москвы и А. С. Пушкина.

⁴ П. Киреевский – Н. М. Языкову (из письма от 10 января 1833 года).

⁵ А. Куприн. Фараоново племя. 1911.

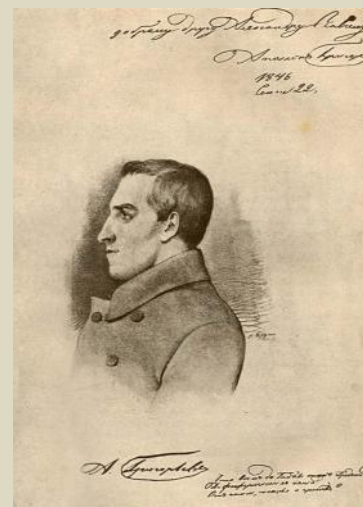
Молодой Аполлон Григорьев

Рисунок карандашом на бумаге работы А. К. Бруни.

Наверху дарственная надпись: «Доброму другу Александру Славину. Аполлон Григорьев. 1846. Сент. 22». (прим.: А. П. Славин – московский и петербургский актер). Внизу автографическая подпись Григорьева и автоцитата из стихотворения «Тайна скуки» (1843):

«Что вам до тайны тех страданий,
До фосфорических сияний
От гнили, тленья и гробов?»

Находится в Государственной Третьяковской галерее

этой чертою. В цыганском пенье эту черту определить трудно; она состоит в выговоре слов, в особом роде украшений (фиоритур) и ударений»⁶.

В течение XIX – начале XX столетия в России не было, наверно, ни одного видного деятеля искусств, кто бы не отдал дань цыганскому образу. Поэты посвящали стихи, поэмы и песни цыганским певицам и простым цыганкам, композиторы сочиняли оперы и романсы, писатели описывали цыганскую жизнь и страсть во всех формах и жанрах литературных произведений – от рассказов до романов, художники писали картины.

Почти сто лет держалось в России увлечение цыганской песней. И неслучайно ему отдали искреннюю и страстную дань два самых великих русских человека девятнадцатого столетия: один – озаривший его начало, другой – увенчавший его конец. Один – Пушкин, другой – Толстой.⁷

Не обошло своим вниманием цыганскую тему и творчество молодого Аполлона Григорьева.

В ранней юности Аполлон познакомился с учеником знаменитого Ильи Соколова, известным цыганским хореводем середины XIX столетия Иваном Васильевичем Васильевым (1810–1875) на уроках игры на семиструнной гитаре у выдающегося мастера-гитариста того времени Михаила Тимофеевича Высотского (ок. 1791–1837), у которого учился и сам Васильев.

Усвоив коренные основы искусства Высотского, цыганские гитаристы внесли в манеру исполнения, по словам Ап. Григорьева, «свой знойный, страстный характер», и созданное ими ответвление отечественного искусства семиструнной гитары дало богатые плоды.⁸

Московские цыгане и гениальный гитарист-импровизатор Михаил Высотский неразрывны в сознании почитателей русской старины. Влияние их было обоюдным. По словам Аполлона Григорьева, «все до дерзости смелые ходы голосов, все безумные порывы лиризма, все беснование дикого хора, все оскорбляющие фешенебельный слух резкости покойный Высотский перенес в свои композиции».⁹ Аполлон Григорьев по воспоминаниям современников и сам был прекрасным гитаристом. «Л. Н. Толстой знал Григорьева, а также

⁶ Л. Н. Толстой. Дневники. 1851. С. 48.

⁷ А. Куприн. Фараоново племя. 1911.

⁸ Вадим Кожин. Победы и беды России. Глава четвертая. «Что за звуки! неподвижен, внемлю...». К 200-летию русской гитары. 2002.

⁹ Родионов Виталий Константинович. Гитара в литературе реализма. Аполлон Григорьев.

Высотский Михаил Тимофеевич (1791–1837) – русский гитарист-виртуоз, гитарный композитор, создатель фантазий и вариаций на темы русских песен, переложил для гитары произведения Моцарта, Бетховена, Баха; автор «Школы теории и практики гитары». Учил Аполлона Григорьева игре на семиструнной гитаре

неоднократно слушал Ивана Васильева и его хор – впечатления писателя отразились в «Двух гусарах», «Живом трупе» и других толстовских произведениях.¹⁰

В детстве Аполлон обучался у известного музыканта и педагога игре на фортепиано и хорошо играл на этом инструменте, но позднее освоил гитару и все бросил ради «подруги семиструнной», с которой почти не расставался. «Певал он целыми вечерами, – писал Фет. – Он доставлял искренностью и мастерством своего пения действительное наслаждение. Он собственно не пел, а как бы пунктиром обозначал музыкальный контур пьесы... Репертуар его был разнообразен, но любимой песней была «венгерка», в которой прорывался тоскливый разгул погибшего счастья»¹¹. Именно гитарная музыка сблизила двух современников – руководителя лучшего цыганского хора того времени Ивана Васильева и уже известного в своих кругах литератора, критика и переводчика Аполлона Григорьева.

Григорьев стал другом и частым гостем в цыганском доме Васильева в Грузинах, где регулярно слушал пение самых известных в то время цыганских исполнителей. Надо отметить, что в своем узком кругу и в кругу близких друзей цыганские артисты были более раскрепощены и более откровенны в передаче через песню своей чувственности, своих переживаний.

Об одном из таких эпизодов повествует в своем рассказе «Кактус» (1881) студенческий друг Ап. Григорьева Афанасий Афанасьевич Фет (1820–1892), который снимал у Григорьевых комнату и вместе с Аполлоном слушал у Васильевых замечательную певицу, молодую солистку хора Стешу. Фет был так потрясен исполнением Стешы, что любовь к цыганской музыке поселилась в нем на всю жизнь. Позже он выкупил в известном в то время тульском хоре красавицу-солистку Ольгу Михайловну Шишкину, с которой прожил несколько лет и имел общую дочь Гликерию¹². Чуть позже брат Л. Н. Толстого Сергей также выкупил цыганку – сестру Ольги Михайловны Машу, с которой впоследствии обвенчался.

Афанасию Фету Ап. Григорьев посвятил рассказ в стихах «Встреча» (1846), где не обошел вниманием увлечение цыганами московской публики того времени.

¹⁰ Вадим Кожин. Победы и беды России. Глава четвертая. «Что за звуки! Неподвижен, внемлю...». К 200-летию русской гитары. 2002.

¹¹ А. Фет. Кактус (1881).

¹² Сорокина Е. А. Записки цыганской певицы / Литературная запись Р. Волковыской. – Наш современник. – 1966. – № 3. – С. 93–102.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Противоречивая мозаика взглядов и черт Григорьева имела под собой некие глубинные основы его характера; они, возможно, и связывали различное воедино, и в то же время способствовали самой раздробленности. Прежде всего, это страстность натуры... Страсти помогали созданию новых грандиозных концепций и быстрому разрушению старых, способствовали художественному творчеству, чрезвычайно запутывали человеческие отношения, особенно любовные...¹³

Причины мощного эмоционального воздействия драматического пения цыганских певиц А. А. Фет, А. А. Григорьев, Л. Н. Толстой объясняли важной ролью личностного начала в их пении.

Наиболее талантливые из них – прирожденные, они были способны полностью слиться с исполняемым, «жить только в той песне, которая поется»¹⁴. Цыганское таборное исполнительство отличалось от сценического пения замкнутостью на собственных чувствах. Певец или певица пели не для зрителя, а для себя, полностью уходя в свои эмоции.

Цыганская кочевая жизнь – не романтическое приключение, как рисовалось в творческих грезах многим художникам, а, как правило, тяжелое, насыщенное драматизмом жизненное испытание. Поэтому большинство таборных песен – это драматические сюжеты. А. И. Герцен, слушая хор Ильи Соколова, писал: «Музыка цыган, их пение не есть просто пение, а драма, в которой солист увлекает хор – безгранично и буйно»¹⁵. Но цыгане с оптимизмом смотрели на жизнь, и это выливалось в безудержное веселье, граничащее с экстазом, сопровождающееся всеобщей пляской и угаром. Однако даже во всеобщем таборном угаре каждый существовал сам по себе, сам «в себе». Именно эта манера – умение отключаться от окружающего мира, жить своими переживаниями, своими страстями, сомнениями, так завораживали неискушенную дворянскую публику. Первые цыганские хоры еще сохраняли ту самобытную таборную манеру, которая со временем исчезла, и о чем многие любители цыганского искусства горько сожалели.

О воздействии на его душу гитарной музыки А. Григорьев писал в своих воспоминаниях: «И сижу я это, бывало, тогда по целым вечерам зимним над «психологическими очерками» ... А за стеной вдруг, как на смех,

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли,

**Акварель работы князя Г. Г. Гагарина
«Цыганский хор Ильи Соколова». Москва, 1833 г.
Хранится в библиотеке
Всероссийского музея А. С. Пушкина**

¹³ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. 2014.

¹⁴ Щербакова Т. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М., 1984. С. 14.

¹⁵ А. И. Герцен. Дневник. 1842–1845. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954, Т. 2. С. 279.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

и мятежная дрожь венгерки бежит по их струнам, или шелест девственно-легких шагов раздается над потолком, и образы встают вслед за звуками и шелестом, и жадно начинает душа просить жизни, жизни и все жизни...»¹⁶

Можно лишь представить, какие бури проносились в душе сентиментального юноши Аполлона Григорьева ежедневно, когда он, часами пропадая у цыган, слушал завораживающее его трепетную душу пение. Ап. Григорьев сам, будучи очень впечатлительным и чутким мастером и музыки и слова, не мог не попасть под влияние волнующего и страстного душеизлияния цыганской песни. Аккомпанируя певцам и певицам, он сам сливался с их музыкой и песней и жил неведомыми ранее русской душе страстями.

В 1847 году в «Московском городском листке» А. А. Григорьев восклицал: «В Москве, если “вам хочется звуков”, вам хочется выражения для этой неопределенной, непонятной, тоскливой хандры – и благо вам, если у вас есть две, три, четыре сотни рублей, которые вы можете кинуть задаром, – о! тогда, уверяю вас честью порядочного зеваки – вы кинетесь к цыганам, броситесь в ураган этих диких, странных, томительно-странных песен, и пусть тяготело на вас самое полное разочарование, я готов прозакладывать мою голову, если вас не будет подергивать (свойство русской природы), когда Маша станет томить вашу душу странною песнею, или когда бешеный, неистовый хор подхватит последние звуки чистого, звонкого, серебряного Стешина: “Ах! ты слышишь ли, разумеешь ли?..” Не эван, не эвоэ, – но другое, скажете вы, распутивши русскую душу во всю распашку...»¹⁷.

Феномен цыганского вокального исполнительства увлекал и глубоко интересовал философа и мыслителя Ап. Григорьева. В своих очерках, рецензиях на выступления цыганских артистов, заметках он неоднократно возвращался к теме оригинальности цыганского исполнительства, особенностям цыганской трактовки русского фольклора, импровизационному музыкальному стилю цыганских артистов.

В статье «Русские народные песни» Ап. Григорьев уверял читателя: «Цыгане – племя с врожденною музыкально-гармоническою, заметьте, гармоническою, а не мелодическою способностью; и я думаю, что роль их в отношении к племенам славянским заключается в инструментовке славянских мелодий, что они и делают или, по крайней мере, делали до сих пор. Всякий мотив они особенным образом гармонизируют, и у них, кроме удивительно оригинальных, иногда удивительно прекрасных ходов голосов и особенности в движении или ходах голосов, также ничего нет, хотя именно эти ходы и это особенное движение, которое можно уподобить явно слышному биению пульса, то задержанному, то лихорадочно-тревожному, но всегда удивительно правильному в своей тревоге, составляют для многих обаяние цыганской растительной гармонии.

...Ни одного романса, хорошего или пошлого, будет ли это “Скажи, зачем?”, “Не отходи от меня” Варламова, или безобразие вроде романса “Ножка”, не поют они таким, каким создал его автор: сохраняя мотив, они гармонизируют его по-своему, придадут самой пошлости аккордами, вариациями голосов или особым биением пульса свой знойный, страстный характер, и на эти-то аккорды отзывается всегда их одушевление, этой вибрацией дрожат их груди и плечи, это биение пульса переходит в целый хор...

¹⁶ А. А. Григорьев. Воспоминания. Литературные памятники. Глава IV. Нечто весьма скандальное о веяниях вообще. Ленинград, Наука, 1980.

¹⁷ А. А. Григорьев. Москва и Петербург. Заметки зеваки. 1. Вечера и ночи кочующего варяга в Москве и Петербурге. Московский городской листок. 1847 г.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Из этого следует, что цыгане важны как элемент в отношении к разработке музыкальной стороны нашей песни... Их манера придает некоторым из наших песен особенный страстный колорит.

...Племя бродячее, племя, хранившее одну только свою натуру чистою и неприкосновенною, – цыгане по дороге ли странствий, на местах ли, где они остепенились, как у нас, захватывали и усваивали себе то, что находили у разных народов.

...Певцы, то есть поющие с некоторым искусством, обыкновенно аккомпанируют себе на каком-то инструменте, на балалайке или на семиструнной гитаре, до игры на которых, равно как и до некоторой степени искусства в пении, доходят они большей частью самоучкою...»¹⁸.

В 50-е годы XIX столетия поэт переживал серьезную душевную драму на почве неразделенной любви к Леониде Визард.

Захватившая его ранимую душу стихия выливалась в поэтические произведения, созвучные цыганскому аккомпанементу. Переплетаясь с личными сердечными страданиями поэта, цыганская музыка становилась основой для его поэтического творчества. Так родились наиболее известные сегодня произведения А. Григорьева: «Две гитары» («О, говори хоть ты со мной...») (1857) и «Цыганская венгерка» (1857). «Широкая и хватающая за душу, стонущая, поющая и горько-юмористическая», по признанию самого поэта. Он нашел свою щемяще-искреннюю ноту: чувство неразделенной любви поэт возвел в трагизм существования.¹⁹

Блок назвал эти песни «единственными в своем роде перлами русской лирики» по их приближению к стихии народной поэзии. Не надо, правда, забывать, что народная песня, создававшаяся долго, коллективно, всегда сохраняет меру, равновесие, стыдливую сдержанность чувств. Кульминационные же стихотворения Григорьева безмерны, беспредельны, чрезвычайно страстны; как он сам выразился в очерке «Беседы с Иваном Ивановичем...» (1860), говоря о себе в третьем лице: «Стихи его – это какие-то клочки живого мяса, вырванного прямо с кровью из живого тела.»²⁰

Михаил Иванович Пыляев (1842–1899), в «Старом Петербурге», утверждает, что «Цыганскую венгерку» Григорьев написал за беседою у известного цыганского певца Ивана Васильева, положившего стихотворение на музыку. В музыкальной обработке Васильева песня стала популярной благодаря салонному цыганскому танцу – венгерке, появившемуся на российской сцене в середине XIX столетия и получившему широкое распространение в цыганских хорах Москвы, а затем Петербурга. Григорьев сам пел ее под аккомпанемент гитары. «Венгерка» была его любимой песней.²¹

¹⁸ А. А. Григорьев. Русские народные песни. Москвитянин. № 15, 1854, с. 44–48.

¹⁹ Геннадий Евграфов. Аполлон Григорьев. Гамлет из Замоскворечья. Независимая газета. 09.08.2007.

²⁰ Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. Леонида Яковлевна Визард. Цикл стихотворений «Борьба». 2014.

²¹ В. Н. Княжнин. Аполлон Григорьев и цыганы. // Столица и усадьба, 1917 г. № 73, с. 21–23.

Для своего друга Ивана Васильева и солисток его хора Аполлон Григорьев также писал песни и романсы. До наших дней дошли романсы, положенные на музыку известным московским композитором Александром Ивановичем Дюбюком (1812–1898), который также был другом Ивана Васильева, страстным почитателем цыганского пения и написал для хора множество произведений. Одно из них – «Нет, нет... он меня не любит» (подстрочно – «Песня цыганки») – был издан в нотном сборнике произведений А. Дюбюка в 1854 году.²²

Наибольшую известность получил «цыганский» романс, созданный Александром Дюбюком на стихотворение Аполлона Григорьева «Любовь цыганки» (1857) специально для хора Ивана Васильева. Романс посвящается «пламенным красавицам соколовского цыганского хора». Сюжет отражает, вероятно, реальные события и перекликается с печально известной историей официальной женитьбы П. Нащокина, ради которой он оставил свою гражданскую жену – цыганскую певицу Ольгу Андреевну Солдатову, дочь известной певицы Степаниды Солдатовой (1784–1822), с которой прожил вместе много лет и имел двух детей. После ухода Нащокина Ольга вернулась в хор, и дальнейшая ее судьба затерялась в истории.

Но чаще этот популярный романс исполнялся на мелодию арии Герцога «Сердце красавицы» из оперы Д. Верди «Риголетто».²³

В начале 1860-х годов Ап. Григорьев перевел немецкое либретто оперы А. Рубинштейна «Дети степей, или Украинские цыгане». В рассказе «Великий трагик» он так говорит о себе: «Для него, четверть жизни проведшего с цыганскими хорами, знавшего их все, от знаменитых хоров Марьиной рощи и до диких таборов, кочующих иногда около Москвы, за Серпуховскою заставою, нарочно выучившегося говорить по-цыгански до того, что он мог безопасно ходить в эти таборы и быть там принимаемым как истинный «романэ чаво» – для него это была одна из любимых тем разговоров».²⁴

А. Дюбюк, верный дружбе с поэтом и цыганскому исполнительству, уже после смерти Ап. Григорьева, сочиняет романс на одно из ранних его стихотворений «Нет, за тебя молиться я не мог» и посвящает его цыганской певице Татьяне Николаевне Залетовой. Видимо, она его исполняла.²⁵

Цыганские хоровые исполнители не только популяризировали творчество Аполлона Григорьева, но и сохранили и донесли до наших дней его лучшие произведения, положенные на музыку. Несмотря на то что жанр мелодекламации, популярный в конце XIX – начале XX века, когда была написана «Цыганская венгерка», почти не известен в веке XXI, цыганские артисты, следуя своей многовековой импровизации, исполняют стихотворения А. Григорьева в виде песен.

Куплеты часто сокращаются, переставляются местами, что свойственно цыганскому творчеству, но драматизм стиха сохраняется в манере исполнения и по-прежнему волнует зрителя. Сама же мелодия салонного танца «Цыганская венгерка» настолько популярна, что практически ни одно выступление цыганских артистов не обходится без нее. И всякий раз, когда зритель слышит первые аккорды цыганской венгерки, в мыслях проносятся бессмертные строчки поэта Аполлона Григорьева.

²² Романс опубликован в сборнике «Романсы московского гуляки» стр. 188–189. Собрание старинных русских романсов. Антология. Авторы составители Е. Л. Уколова, В. С. Уколов. «МАИ», Москва, 1997г., т. II.

²³ Т. В. Чередниченко. Цыганский романс. Музыкальная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор. Под ред. Ю. В. Келдыша. 1973–1982.

²⁴ Егоров Б. Ф. Леонида Яковлевна Визард. Цикл стихотворений «Борьба». 2014.

²⁵ Собрание старинных русских романсов: Антология/ Авт.-сост Е. Л. Уколова, В. С. Уколов. Том 2. Романсы московского гуляки. М.: Изд-во МАИ, 1997, стр. 46.

Источники:

1. Герцен А.И. Дневник. 1842–1845. Собр. соч. в 30-ти т.М., 1954, Т. 2. С. 279.
2. Григорьев А.А. Воспоминания. Литературные памятники. IV. Нечто весьма скандальное о вейниях вообще Ленинград, Наука, 1980.
3. Григорьев А.А. Москва и Петербург. Заметки зеваки. 1. Вечера и ночи кочующего варяга в Москве и Петербурге. Московский городской листок. 1847 г.
4. Григорьев А.А. Русские народные песни. Москвитянин. № 15, 1854, стр. 44–48.
5. Евграфов Геннадий. Аполлон Григорьев. Гамлет из Замоскворечья. Независимая газета. 09.08.2007.
6. Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев. Леонида Яковлевна Визард. Цикл стихотворений «Борьба». 2014.
7. Киреевский П. – Н.М. Языкову из письма от 10 января 1833 года.
8. Толстой Л. Н. Дневники 1851, стр. 48.
9. Княжнин В. Н. Аполлон Григорьев и цыганы. // Столица и усадьба, 1917 г. № 73, с. 21–23.
10. Кожин Вадим. Победы и беды России. Глава четвертая. «Что за звуки! Неподвижен, внемлю...». К 200-летию русской гитары. 2002.
11. Куприн А.И. Фараоново племя. – Куприн А.И. Собрание сочинений. М., 1973. т. 9. С. 129, 132, 133.
12. Пыляев М.И. Старый Петербург. 1887 г. Глава XVII.
13. Родионов Виталий Константинович. Гитара в литературе реализма. Аполлон Григорьев.
14. Собрание старинных русских романсов: Антология/ Авт.-сост Е.Л. Уколова, В.С. Уколов. Том 2. Романсы московского гуляки. М.: Изд-во МАИ, 1997, стр. 46.
15. Сорокина Е. А. Записки цыганской певицы / Литературная запись Р. Волковыской. – Наш современник. – 1966. – № 3. – С. 93–102.
16. Фет А.А. Кактус (1881).
17. Чередниченко Т. В. Цыганский романс. Музыкальная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор. Под ред. Ю. В. Келдыша. 1973–1982.
18. Щербакова Т. Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России. М., 1984. С. 14.

Примечание редактора: иллюстрации к статье взяты из открытых интернет-источников.

Мария Лисиченко. Три дерева. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

BazART

Знакомьтесь:

художник Мария Лисиченко

(Москва)

Член Творческого союза художников России

«РУКА ПОСЛУШНА МАСТЕРСТВУ И ВДОХНОВЕНИЮ...»

18 июня 2022 в культурном центре «Внуково-МВТ» открылась выставка молодого художника Марии Лисиченко. Представленные работы отличаются яркостью, смелостью и профессионализмом и сразу цепляют внимание посетителей.

Это предельно искренние движения послушной руки, подчиненной поэтическому вдохновению и мастерству.

Мария видит жизнь в контексте искусства и культуры, что позволяет ее творчеству стать живым, а жизни – наполненной смыслом. Такой опыт дает возможность без оглядки на стили и направления появляться на холсте образами, в которых однозначно ценны как натурные, личные наблюдения, так и общечеловеческие смыслы и символы.

Это образы-видения, созданные личными воспоминаниями и впечатлениями: символы, которые пережиты авторским сердцем и по-своему обобщены до общечеловеческих переживаний.

Мария Лисиченко родилась в 1977 г. в городе Лыткарино Московской области. В 1997 году окончила Московское академическое художественное училище памяти (МАХУ) памяти 1905 года, а в 2005 году – МГАХИ им. В. И. Сурикова. Мария не только удивительный художник, но и имеет большой опыт обучения живописи: преподавала в МАХУ памяти 1905 года, в Школе живописи и рисунка при МГАХИ им. Сурикова; является автором методических разработок и награждена дипломом МСХ «За педагогическую и творческую деятельность».

С 1996 года Мария неоднократно участвовала в различных российских выставках, организованных Российской академией художеств, ЦДХ, МСХ. В 2017 году в ДК «МИР» прошла первая персональная выставка картин Марии Лисиченко «Ретроспектива».

Мы рады, что гости творческой мастерской «МОССАЛИТ» смогут воочию познакомиться с работами художника в нашей галерее «BazART», а читатели МВ увидят на страницах текущего выпуска репродукции выставленных картин из цикла «Поля».

BazART

Мария Сидлер

(МОССАЛИТ, Москва)

ВРУБЕЛЬ.

ВЕСТНИК ИНЫХ МИРОВ

Александр Блок над могилой Врубеля сказал: «Он оставил нам своих Демонов, как заклинателей против лилового зла, против ночи. Перед тем, что Врубель и ему подобные приоткрывают человечеству раз в столетие, я умею лишь трепетать. Тех миров, которые видели они, мы не видим».

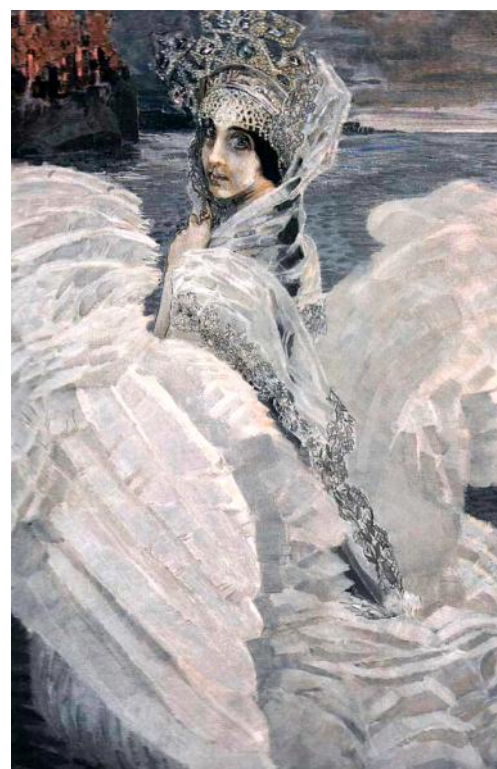
Демоны ли овладели Михаилом Врубелем или ему действительно было подвластно заглянуть в темную вселенную – точного ответа, увы, никто уже не даст. Одно несомненно: гений художника неповторим.

В прошлом, 2021, году исполнилось 165 лет со дня рождения Михаила Александровича. Я не оговорила – пока живы картины мастера, жив и он сам. В честь юбилея Новая Третьяковка представила выставку-ретроспективу работ Врубеля. Более трехсот картин собрались в едином пространстве музея. Это и работы из коллекции самой Третьяковки, часть полотен была привезена из Русского музея Санкт-Петербурга, а также из частных собраний, других российских и зарубежных музеев. Впервые в истории в одном зале встретились все три Демона, возвысившие и одновременно погубившие художника.

Выставка нетрадиционна – экспозиция выстроена не по хронологическому принципу, а представляет собой движение по основным мотивам, пронизывающими творчество Врубеля.

Впечатлили «окна», которые, как машина времени, прорывали материю из одного творческого периода в другой. Кураторам удалось погрузить посетителей в жизнь художника, показать то, что служило для него вдохновением, то, ради чего он жил.

Недаром выставка начинается с картины «Царевна Лебедь». В ней апогей творческого начала Михаила Врубеля, переплетение всех нитей его судьбы и его творчества. В чертах Царевны видится не только образ жены художника, Надежды Забелы в роли Царевны Лебеди, сыгранной ею в сказке-опере «О царе Салтане», но проскальзывают и Демон, и Эмилия

Царевна-лебедь. 1890

Демон сидящий. 1890

Прахова, в которую безответно был влюблен художник в киевский период своей жизни. Лично для меня эта картина символизирует процесс перерождения душ.

Следующий зал является центром не только выставки, но и вселенной Врубеля. Его Демоны. В зале три картины: «Демон сидящий» (1890), «Демон летящий» (1899) и «Демон поверженный» (1902). Но внимательный зритель найдет и четвертого. Сквозь «окно времени» в зал с демонами незримо и лукаво заглядывает Демон с картины «Сирень» (1901). Тот самый, которого долгое время скрывали, загибая верхнюю часть холста. Но демон на то и мистическое существо, чтобы не исчезнуть навсегда, а лишь притаиться на время.

Удивительно, но когда находишься в эпицентре демонической силы, нет страха. Врубел не вкладывал в своих демонов ничего дьявольского. Он и сам говорил, что «Демон – дух не столько злобный, сколько

Демон летящий. 1899

страдающий и скорбный, при всем этом дух властный, величавый». И зритель видит дремлющую силу в Демоне сидящем, великую мощь в Демоне летящем и блеск былого величия в Демоне поверженном. Зритель участвует в судьбе Демона и, как мне кажется, даже сочувствует.

Очень интересны наброски Врубеля к картинам с демонами, эскизы с ломаными позами. На некоторых он сгибал бумагу гармошкой, меняя пропорции фигур, пытаясь найти тот самый, одному ему ясный искомый вид. Однако наибольшее впечатление на меня произвели наброски женщины-демона. Да-да, говоря современным языком, у Демона вполне могла быть подружка. Однако планам не суждено было сбыться, картины не были написаны. А ведь один из набросков, сделанных Врубелем в психиатрической клинике, так и называется – «Демон влюбленный». И пусть этот рисунок выглядит как всего лишь несколько переплетенных друг с другом линий, но рукой художника выведен лейтмотив сцены.

Демоническая тема прекрасно раскрыта Врубелем и в иллюстрациях к лермонтовской поэме «Демон». Ни одному иллюстратору, ни до, ни после Врубеля, не удалось воплотить с такой силой мятущуюся безысходность, тоску и ожесточенность этого неземного существа.

Демон поверженный. 1902

Говоря о творчестве Врубеля, нельзя пройти мимо и другой картины – «Сирень» (1900). Если будете смотреть на картину лично – проведите такой эксперимент: медленно подходите и отходите от картины, не отрывая взгляда. Вы увидите, как полотно меняет общую цветовую колористику от темного зеленого в приближении до нежно-сиреневого в отдалении. Филигранная техника смешения красок дает потрясающий оптический эффект. Это настоящее волшебство! Или магия иного мира. Мира красок Врубеля.

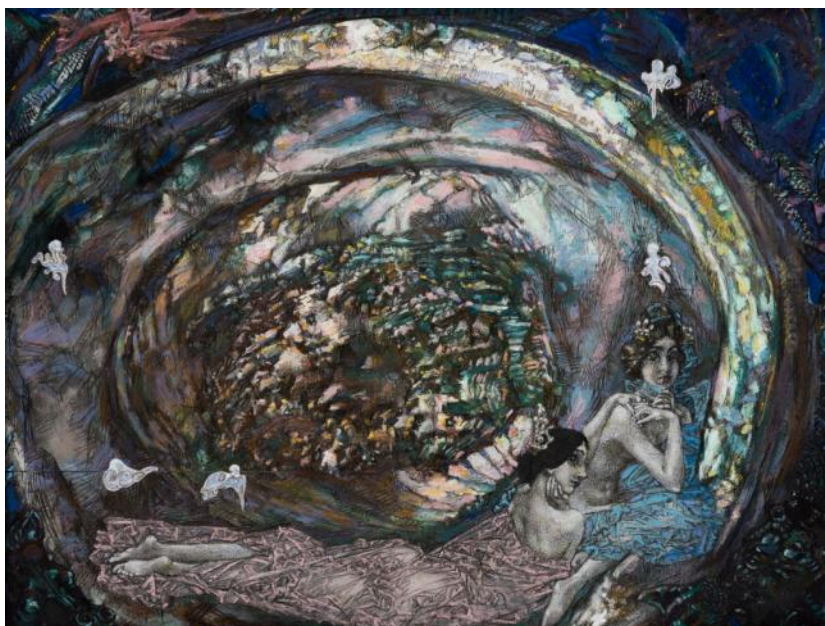
И здесь нельзя не сказать пару слов о том, как художник работал с цветом.

В знаменитой акварели «Жемчужина» (1904) он виртуозно передает перламутровые оттенки. «Эта удивительная игра переливов, – говорил мастер, – заключается не в красках, а в сложности структуры и состоянии светотени, в другой раз я передам цвет только белым и черным». Он ставил перед собой цель показать перламутр. И надо сказать, ему это удалось. Подобно выдающимся колористам, он стремился искать силу цвета не в пестроте, не в резких диссонансах, а в гармоничных сочетаниях.

Из большого количества портретов жены художника, Надежды Забелы, мне хочется выделить самый первый и самый известный. О последнем я уже упомянула, это «Царевна Лебедь». Первый также связан с театральным образом жены, это «Гензель и Грета» (1896), портрет, с которого началась их любовь. Врубель увидел певицу на репетиции одноименной оперы, влюбился сразу и, не изменяя страстной творческой натуре, сделал ей предложение руки и сердца. Но Надежда не торопилась, игриво пообещав, что согласится, только если он напишет ее портрет, который ей понравится. К слову, Врубель написал два парных портрета будущей жены в этом образе. На одном Надежда игрива, на другом – задумчива. Судя по тому, что свадьба последовала в том же году, художник угодил девушке.

Отдельной статьи заслуживают майолики и статуэтки, театральные костюмы и панно. Это все миры Врубеля, его вселенные, наделенные самостоятельными героями, живыми и загадочными. Надо ходить часами по одному залу, чтобы хотя бы прикоснуться к этим мирам. Познать тайну их мироздания просто невозможно. Проще всего списать на сумасшествие художника, но его почти академические рисунки и наброски из психбольниц опровергают теорию, что дело лишь в помутнении рассудка.

Мне видится, что Врубелю был открыт некий портал в мир, где живут Снегурочка, Царевна Волхова, Пан, Демоны, Нимфы и Серафимы. Возможно, дверь в него была открыта в его киевские годы (1884–1889), когда он работал в русле церковного искусства.

Жемчужина. 1904

Шестикрылый Серафим. 1904

Не зря же завершает выставку последнее большое полотно художника «Шестикрылый Серафим» (1904), которое снова переносит нас в божественный мир. Это иллюстрация к стихотворению Александра Сергеевича Пушкина «Пророк».

«Серафим в переводе с древнееврейского означает "пылающий", "горящий", "сжигающий". Серафимы – это ангелы, предстоящие престолу Божьему и упоминаемые только в видении Исаии (Ис 6:1-7), когда его призывал Господь. Они имеют человеческий образ (упомянуты лицо, руки и ноги) и "по шести крыл". Один из них коснулся губ Исаии горящим углем с жертвенника и таким образом очистил пророка от греха.»²⁶

Картина похожа на сон, в котором то и дело появляются вспышки красного, синего и зеленого огня. Серафим притягивает к себе взгляды зрителей и не спешит отпустить. В нем сплелись воедино мазки, имеющие вид яркого витража. Кажется, будто картина собрана из тысяч частиц разноцветной мозаики. Одновременно она холодная, отталкивающая и завораживающая, наделенная глубокими переживаниями автора.

Картина имеет и второе название – «Азраил»²⁷. Вполне возможно, что сам ангел смерти позировал Врубелю, в жизни которого так все переплелось: мистическое и романтическое, любовь и трагедии, ангелы и демоны.

²⁶ Библейская энциклопедия Брокгауза. Ф. Ринкер, Г. Майер (1994).

²⁷ Азраил, Азраэль – ангел смерти в еврейской и исламской традиции. Он помогает людям перейти в иной мир.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

«Дорогая моя женщина, чудесная женщина, спаси меня от моих демонов...», – пишет Врубель своей жене, находясь в больнице. Да и кто выдержит разумом соприкосновение с иными материями?

Последний из его «потусторонних сюжетов» – «Видения пророка Иезекииля» – остается незавершенным: в начале 1906 года художника Врубеля не стало – он ослеп.

Вместо послесловия

Я вышла из залов потрясенная, наполненная и опустошенная одновременно. Наверное, мне бы хватило и одного зала с Демонами, чтобы соприкоснуться с миром художника. Но волею кураторов зрителя погружают в судьбу и творчество Врубеля настолько плотно, что требуется несколько дней, чтобы унять в себе те эмоции, которые вызывает выставка.

Это прекрасно и страшно одновременно. Ведь уже несколько дней мне снятся демоны.

Сирень. 1900

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

BazART

Ефим Гаммер
(Израиль)

Из цикла «11 КОСМИЧЕСКИХ СЕКУНД»

*Американские ученые установили:
жизнь человеческая равна 11 космическим секундам.
Что ж, нам скорости не занимать –
махнем вдоль по космическим секундам.*

Первая космическая секунда

2
Мне рассказали о песне.
Пел ее поводырь.
Он вел слепого на виселицу
и в такт малоподвижных ног
выводил:
– Лето встречают по запаху
ягод лесных и грибов.
Осень встречают по шелесту
листьев, спадающих с веток.
Будет зима, поднатужишься,
снег напружинишь и вырвешься
к дальней, весной расцвеченной,
вербе на том бережку.
– Деду! Скажи, а где тот бережок?
– Он в лето восходит под запах
ягод лесных и грибов.
В осень вступает под шелест
листьев, спадающих с веток.
И в свете к тебе приближается,

ступеньки навстречу мостя.
– И долго еще мне, незрячему, до света
идти по ступенькам, ведущим наверх,
и чувствовать не опору,
а шаткую тьму под ногой?
– Будет зима, поднатужишься,
снег напружинишь и вырвешься.
– Деду! Я вижу! Весеннее
солнце восходит и светится.
Верба ветвями тянется.
И берег – рукою подать!
– Прости, я не слышу тебя.
– Деду! Гляди! Я на том берегу.
Здесь лето с весной одновременно,
Зима здесь иль осень – без разницы.
Здесь шелест и запах и... вижу я!
Здесь вижу что-то прекрасное,
наверное, новый мир.
Деду! Ты меня слышишь?
– Я тебя не слышу, сынок.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

3

– Шаг в сторону – расстрел!
 А он не мог. Дыханье через раз.
 – Начальник!
 – Замолчи, урод!
 – Я по нужде... по маленькой... позволь.
 – Мочи в штаны!
 Колонна хохотнула.
 И голос издали, простуженный, в хрипотце:
 – Профессор он. В штаны лить не по чину.
 Гундосый отклик эхом подхватил:
 – Учиться никогда не поздно, пусть профессор!
 Но поздно оказалось поучать.
 Шаг в сторону.
 Струя буравит землю.
 И выстрел в спину.

Вторая космическая секунда

7

Контрасты:
 черное на белом.
 Контрасты:
 белое на черном.
 И зайчик солнечный
 забежал,
 игрою детской
 увлеченный...

8

Игрушка:
 пляшет человек.
 На нитке, бедного,
 таскают
 А он,
 калека средь калек,
 за счастье
 это почитает.
 Игрушка:
 пляшет человек...

Пятая космическая секунда

1
Изболевшее слово,
многослойный расклад.
Пули снова и снова,
и все наугад.
Не пройти, не проехать.
Не вернуться назад.
Многословное эхо.
Невпопад. Невпопад.
Было. Будет. И снова
повторится стократ –
изболевшее слово,
многослойный расклад.

2
Если совесть, значит, совесть.
Точек нет и запятых.
Человек – не то, что повесть,
он скорей короткий стих.
Прожил, дожил, обнаружил
хоровод болячек разных.
И устроил себе ужин
в час, когда и пить опасно.
Выпил, допил и накрылся
долевой лепешкой пресной.
И сквозь смерть ему приснился
сон, что прожил интересно.

4
Смерть каждого,
живущего по духу и по родству,
начинается с тоннеля.
Тыходишь в тоннель,
и тебя впервые

несет пространство –
то ли мира,
то ли души.
Но в конце тоннеля –
свет,
белое пятно.
Все оно – целиком –
круговое расстояние
от «Я» – доступного пониманию
до «Я» недоступного.
И не разъехаться!
Доступное «Я»
вклиняется в недоступное,
наделенное
магнетическими свойствами.
Тянет тебя –
не сгинуть в пути.
Тянет тебя...
А там – впереди...

5

Видели мы
и такие сказки.
Но лучше назад,
чтобы жить по указке.
Всякие разные
наши реченья
выйдут нам боком,
как обличенье.
Мы все привычны
бороться с магнитом.
Что нам тот свет?
И без света мы сыты.

6

А там, впереди...
Там – бельмо
и неясная доля.
Но лучше –
неволя,
земная:
свой дом, свое поле,
и камушек гладкий
в зеленом ручье,
и солнце –
яичным желтком в куличе.

Седьмая космическая секунда

3

Рано – поздно – никогда.
Да и нет. Сейчас – тогда.
Провожаем поезда –
не туда.
Была выдача – аванс.
Есть надежда – будет шанс.
Слово за слово, но к ночи
с каждым днем вся жизнь короче.

4

Все, что ниспослано в протест,
убито.
Закрыты ставни.
Свет длиною в луч
скользит себе,
пылинки подминая,
к угрюмой вешалке,
где тяжкое пальто
ждет своего попутчика.
Куда?
Подскажет небо.

8

Путевой обходчик
 сошел с колеи.
 Теперь ищут его
 в придорожных кустах.
 А он в том временном
 отрезке Земли,
 где надежнее слов,
 чем «режь!» и «коли!»
 не найти,
 коль гложет смертельный страх.
 Справа – враг, слева – друг,
 чуть подальше – стукач.
 А душа в самоволку рвется –
 домой.
 Но домой – ни ногой!
 И ни шагу назад.
 Стой! Стой! Стой!
 И не плачь!
 А ведь он – путевой обходчик.
 Ему
 не стоять,
 а ходить – не сходить с колеи.

Однако: «Ни шагу назад!»
 «Режь – коли, режь – коли!»
 Никакого движенья,
 а уходишь во тьму
 где все кувырком:
 морг – гром,
 мод – дом,
 гол – лог,
 год – дог,
 му – ум,
 мук – кум.

9

Когда
 взрывается автобус,
 осколки неба преломляются
 подобно стеклу.
 Кому-то в рай
 выправляется пропуск,
 а времени нашему –
 в кромешную мглу.

Восьмая космическая секунда

1

Сколько бы ни было, мы не одни.
 С нами Луна, с нами Солнце, а наши дни
 завернуты в тканый тайгою халат
 из шкуры зверя, ходящего наугад
 то в область преданий, то в праздник бомжей,
 где крутит пластинки пришелец-диджей,
 где треп из мечтаний, танцы, кино,
 где весело жить, попивая вино.
 Должно быть, ноги устроены так,
 что нам незнаком здравомыслия страх.
 А может, шкура всему причина,
 что сердце – не камень, лицо – не личина,
 что ходим – находим, купаемся в слове,
 и живы покуда... снова и снова.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

2

Ржавый кусок гвоздя,
рваный клочок бумаги.
Память – теперь – судья,
а не полночные страхи.
Что было в том давнем письме,
прибитом к стене для понта?
Придумать, коль жив, сумеи.
Но память в бездумье уперта.
И только рисуется дождь,
унесший расцвет звездопада.
И слышится: «Если уйдешь,
не будет тебе возврата!»

8

Сотворение мира, жизнь по спирали.
Те же ошибки на каждом витке.
Сколько бы память нам ни стирали,

с прошлым по-прежнему накоротке.
Вроде бы детство. Но где ностальгия?
Мечется, бедная – зонт не найти.
Дождь бесконечный, струи тугие,
очередь к хлебу, и с ней по пути
год и другой, дальше – третий и пятый,
жизнь подминается склочной толпой.
Зомбируют разум: лишь те виноваты,
кто прежде вели вас вперед за собой.

9

В подлесе мнений спрятана иголка.
Булавкой скреплен рваный кругозор.
В упавшем небе звук немеет долго,
а в нем любви отвергнутой укор.
Чего хочу? Простой житейской доли,
рюмашку водки, песни под баян.
И чтобы записной носитель едкой соли
не промывал моих житейских ран.

Девятая космическая секунда

– Им виднее – в какой...

Но и там не купили,

пояснив с высоты положения:

– С чего вдруг платить?

ЭТО каждому человеку бесплатно положено!

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! –

откликнулся он и понуро пошел восвояси,

оставшись при РАЗУМЕ,

который никому не нужен,

что он понял внезапно,

как и Вольтер, когда в сердцах произнес:

«Отчаянье выигрывает бой».

2

Я прошел по улицам бессилья,

под осенним сумрачным дождем.

– Где-то здесь, – сказали мне, – Россия.

– Где-то здесь, – сказали, – ты рожден.

Огляделся: где же здесь граница?

Скрыл туман, виденья вороша.

Присмотрелся: в нем земные лица –

неземного неба сторожа.

1

При обмене серого вещества

на мозговую извилину

обнаружил толику разума

и решил поделиться с другом.

Послал эсэмэску по адресу,

получил эсэмэску в ответ:

– Не пойму, что даешь мне РАЗОМ?

Дай за два РАЗА – шутка, старик.

Подивился на глупость, и двинул с досады

в близлежащий ломбард,

чтоб с умом заложить находку

на месяц-другой, пока не понадобится.

Но приемщик, посмотрев сквозь очки

на толику разума, деньгами не стал сорить,

а предложил снести в парламент:

– Ваш товар там в цене,

в особенности, когда вносят поправки в Закон.

– Божий?

Зов души, и слышится: «До срока

не спеши переступить порог.

Будет жить в тебе эпоха,

а с нею Бог».

3

Жизнь влачит сквозь недомыслы суть.

Слову – смерть, коль пулей быть достойно.

Все от Бога. И знаменье – путь,

то ли крестный, то ль запойный.

Тлеет сумрак в гнили эполет,

сучит нить судеб в болезном зуде.

И лицует наизнанку свет,

измышляя не пророков – судий.

Сведена до обезлички высь

в торгах пустоты и благозвучья.

Но пасут себя – Иерусалима близь –

горным небом вспоенные тучи.

Не званы на зачумленный пир.

Но в срока прольют дожди косые.

И земной откормленный сатир,

трепеща, поникнет пред Мессией.

ПОЭЗИЯ

Михаил Захаров

(Москва)

Зимняя открытка

Кошачьи следы на балконе.
Цветок на холодном окне.
Картина подобна иконе,
Где ты улыбаешься мне.

Улыбчивый дивный художник
Украсил, устроил, убрал
Одно из чудес невозможных,
Чтоб я пред тобой умирал.
Ну умер, ну ожил, ну что же:
Умылся и спрыгнул с окна.
Не чаял. За господи-боже
Спасать ты меня не должна.
В узорочье вышивки тонкой
Любимого цвета растёт
Твой образ малиново-звонкий
По два-три листочка за год.
Я в мире спасен заиконном,
И в лире, и в розе, и в ней.
Мой кот по тропинкам гулёным
Отправится к кошке своей.
И так я тобою обучен.
И так он тобою храним.
А если однажды наскучим –
Тобой поменяемся с ним.

О Мать, о дочь, о Дева,
Последняя в первом ряду!
Отрежь мне, пожалуйста... неба.
Пока я за хлебом иду.

Его архив...

Его архив. Растрепанные строки.
О прожитом, о юности, о роке:
Не том – всемогучем.
Было бы полезней
Хранить вот так рецепты от болезней,
Письмо-улику, ценные бумаги,
Нагрудный знак свидетельством отваги...
Лежат стихи. Их не было в помине.
Могли расплыться, скорчиться в камине.
Он не забыл – он мучился над ними.

Таманский берег. Вечер

Прибой старается, со дна
Морскую пыль метет.
Выходит заспанно луна
На сизый небосвод.
Разбухло солнце, студит жар
Белесою водой.
Такое марево... А жаль.
Мы встретимся с тобой,
Когда угаснут под волной
Закатные лучи
И даль сольется с глубиной
В созвездии Керчи.

Я море увидел с такой высоты, высоты

Я море увидел с такой высоты, высоты,
Что словом нельзя передать. И душа не вольна...
Я молча вгляделся в его водяные черты.
Оно... потонуло в очах. Глубина, глубина.
Потом, разливаясь, слилось в бесконечную нить.
Казалось, что море способно и небо вместить.
И катер, и чайку, поверхностью влажных зыбей,
И завтрашний ливень, и позавчерашний ручей.
Мне трудно представить недавний его уют,
Когда эти волны созвучную песню поют.
Пьянящий мой холод, парное мое молоко.
Чарующий голос, дающийся мне нелегко.
Мне странно подумать, что ты не была с ним ни дня.
Я верю, что скоро поедешь к нему без меня.
Там воды залива, там берег приветливый дан.
Возможно ль любить океан, океан, океан...
В такой колыбели любовь пропадет, пропадет.
Поэтому Бог к человеку младенцем идет.
Себя ли, тебя ли с младенцем держа на плаву,
Его не вмещая, его ощущая, живу.
Вдыхай эти выдохи, влагу соленую пей.
Качайся на лодочке, рыбкой ныряй средь зыбей.
Когда ты устанешь, отстанешь, тебя я пойму.
Когда ты меня, в свой черед, приревнуешь к нему...
Оставь уже море, ракушку ты мне привези.
В глаза мы друг другу, сощурясь, посмотрим вблизи.

Мария Лисиченко. Травы. 2021. Холст на картоне, масло. 40x60

ПОЭЗИЯ

Валерий Мазманян
(Москва)

***

В погожий день и небо выше,
и ветер от берез отстал,
в тени домов, надеясь выжить,
худой сугроб ползет к кустам.

Пока на суету роптали,
будил подлесок птичий гвалт,
и, оставляя след проталин,
прошелся по округе март.

Сквозняк развеет сумрак комнат,
мы календарь перевернем,
и у ограды снега комья
сверкнут разбитым хрусталем.

И в синеву опустят весла
под звон капли тополя...
Ушедшие считаем весны
и ждем прилета журавля.

***

На памяти – небо без звезд,
и сумрачных дней череда,
но золотом листья берез
сверкают под корочкой льда.

И воздух глотаю взхлеб,
и лужу глубокую вброд,
и талую воду сугроб
ладонями белыми пьет.

Февраль узелками связал
две ниточки наших следов,
недаром сегодня сизарь
воркует с утра про любовь.

Оставим с тобой на потом
и вздохи, и слово «увы»...
И облако белым китом
уйдет в глубину синевы.

***

Унылый день не станет датой,
забудь и зря не морщи лоб,
на простыне, ветрами смятой,
уснул калачиком сугроб.

Раздвинешь шторы – тени в коме,
на сером – белые штрихи,
ночных воспоминаний промельк
тревожит старые грехи.

Былое тронешь ненароком,
не вороши, что там, внизу,
худой фонарь у темных окон
пускает желтую слезу.

И сколько от себя ни бегай,
найдется повод для тоски...
С березой, облаком и снегом
роднятся белизной виски.

***

По лужам облака плывут,
последний снег зачах,
и сосны держат синеву
на бронзовых плечах.

На все лады поют ручьи,
что все в твоих руках,
гуляют важные грачи
в потертых сюртуках.

Дождям – в жемчужную росу,
метелям – в память лет,
я, как огонь любви, несусь
багряных роз букет.

Возьмешь цветы, я, не дыша,
услышу – горячо...
и сизым голубем душа –
на белое плечо.

***

Клен с костлявыми плечами
знает – март вернут грачи,
сядешь рядом с чашкой чая,
повздыхаем, помолчим.

Посидим с тобой без света,
пахнет в комнате сосной,
узелками черных веток
зимы связаны с весной.

Белый снег – на серый сумрак,
на дворы, на горизонт,
перетерпишь, если умный,
и однажды повезет.

И поймешь, когда мы вместе,
время – только горсть песка...
А зима – строка из песни
и седая прядь виска.

***

Весна уже уходит в прошлое –
густой травой, на зорьке скошенной,
грозой, вишневыми метелями,
туманом яблонь и капелями.

Цветок жасминовый закружится
и льдинкой поплывет по лужице,
и белый иней одуванчика
накроет солнечного зайчика.

Шмелю, стрекозам и соцветиям
три летних месяца – столетия,
порхает бабочка-капустница,
где желтый лист на снег опустится.

Прошу тебя – не надо мучиться,
что поздняя любовь – разлучница...
Поверь – спасет от неизбежности
простое слово с жестом нежности.

***

А вчера журавлиная стая
разбудила с утра синеву,
одуванчики золото мая
уронили в сырую траву.

Поначалу и ты оробела,
я в тумане черемух пропал.
Поцелованный бабочкой белой,
лепестки осыпает тюльпан.

Оказалась душа твоя чуткой,
поняла мою нежность рука,
прилетевшие дикие утки
отбелили в пруду облака.

И не верь, если фразу услышим –
выбираем дороги не мы...
В седине – и цветение вишен,
и нестертая память зимы.

***

Смахнула роща чахлая
последний снег с плеча,
проснулась мать-и-мачеха
от пения ручья.

За дымкой первой зелени
зеркальная вода,
крупицу солнца селезень
достал со дна пруда.

С обидами покончено,
твоя улыбка – знак,
цветущей вербы облачко
накрыло березняк.

Любви простая истина –
от слова горячо...
Тюльпан над палым листиком
затеплился свечой.

***

Уже проснулись почки,
зима осталась в снах,
из серебра цепочки
у вербы на руках.

Любовь и память святы
на наш короткий век,
в кустах бумагой мятой
лежит последний снег.

Листочка рваный парус
качает сонный пруд,
пока былым я маюсь,
ты создаешь уют.

Худых берез рубахи
заношены до дыр,
дожди, невзгоды... Птахи
весенний славят мир.

***

Стареем – никак без таблеток,
без вздохов и глупых обид,
в фонтанах березовых веток
апрельское небо рябит.

Не сетуй – судьба не скупая,
и дней не так много пустых,
тепло воробьи покупают
за медь прошлогодней листвы.

И нечем особо хвалиться,
и плакаться повода нет,
на грудке у каждой синицы
блестит золотой амулет.

Запомнило сердце – любили,
и радости лучше врачей...
Худые лодыжки рябины
заботливо моет ручей.

ПОЭЗИЯ

Ольга Каменецкая
(Москва)

***

Маленький дом у широкой реки,
Тихий рассвет, лодка в тумане,
Где-то неслышно плывут рыбаки.
Нас разбудила иволга ранняя.
В теплом рассветном луче золотом
Просто лежим, ощущая друг друга.
И уплывает наш маленький дом
В зыбкое марево летнего луга.

***

На старой заброшенной станции,
Где все заросло бузиной,
С тобою хочу затеряться
Морозной и снежной зимой.

Откроем избушку хромую,
Старинную печь разожжем
И робким смешным поцелуем
Историю нашу начнем.

А хлопья пушистого снега
Спасут состраданьем своим.
Над нами раскроется небо,
В которое мы улетим.

***

А в Риме дождь тихонько плакал,
Когда в Москве плыла жара.
Летел бокал хрустальный на пол...

Ты улетел еще вчера.
Сказал «пока!» – вот все прощанье,
Да из такси махнул рукой.
Не стоит верить в обещанья,
Давно забытые тобой.
Сомненья, ревность, недомолвки
Потоком Тибра унесло.
Осталось собирать осколки
И пальцы резать о стекло.

***

Последняя наша встреча.
Мы оба об этом знаем.
Оранжево-яркий вечер,
Аллея парка пустая.
Мы слов уже не находим,
Касаться друг друга больно,
Но третий час уже бродим...
Когда же выстрел контрольный,
Который поставит точку
Безумно-прекрасной саге,
Связавшей нас так непрочно,
Сгоревшей, как лист бумаги?
– Ну что, мне пора...

– Мне тоже...

– Пиши, если что...

– Возможно...

Обоим становится тошно
От лживости слов ничтожных.

– А если...

– Уже проходили...

– Ну, изредка?

– Очень больно.

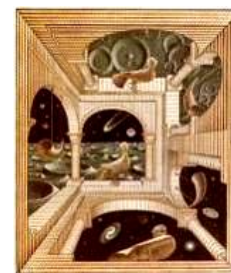
Нет, видно не всё мы убили.

Остался выстрел контрольный.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

ПОЭЗИЯ

Татьяна Ланьшина
(Москва)

Не мы

Не немые не мы от немоты не изнемогали,
Не мыли немощные мысли –
Немыслимое напевали,
Не мытарствовали, не мыкались, не пресмыкались –
Не меркли, не мешкались,
Душераздирающим поездом не мычали,

Немытые яблоки для мышей не мылили
(Мы ли – были ли? – воду с дитем вылили),
Не немые не мы не мызы на мысу выстроили –
И стали счастливы, и стали истовы –

Без нас.

Почтальон в темноте

Где-то солнце встает так рано, как будто и не садилось.
Где-то волны такие холодные, что икры жжет.
Где-то никто не слышал о карантине и вирусе.
Где-то я жду телеграмму, которая никогда не придет.

Где-то ты бежишь по пляжу, и одежда на тебе под ливнем промокла.
Где-то я смеюсь так сильно, что не могу ничего сказать.
Где-то есть такая грань, за которой битые стекла.
Где-то на остановке написано важное, но почерк не разобрать.

Где-то есть такая невидимая линия между водой и воздухом.
Где-то я стою посреди леса – страха нет, но пора назад.
Где-то лежат как живые, но полые и поросшие мхом березы.
Почему-то когда начинаешь косить с усилием, то быстро тупеет коса.

Где-то ты выходишь в шторм, а шторма еще и не было.
Где-то я стою у окна, и видится почтальон в темноте.
Где-то такие сосны, что кажется, они держат небо.
Где-то, но я точно не знаю, где.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Вдрызг за клумбами

Не выходи из комнаты, не трогай дверную ручку!
 Сегодня пробежка в парке почти равносильна путчу.
 Немедля закрой окно от колкой мороси вторника,
 От всех половицких вестей, от всех эсэмэс любовника.

Покинь этот мир, где зуд и шорох слепых галёрок.
 Оставь только тонкий жгут просвета меж толстых шторок.
 Найди в себе внутренний свет, возрасти в себе внутренний стебель,
 Посмейся над тем, чего нет, поставь вверх ногами мебель.

Ликуй – не влюбиться вдрызг – за клумбами возле сквера
 Не врезаться напрямик в зеленый мопед курьера.
 В холодном поту, в запале – черкни на пустом конверте,
 Что люди всю жизнь умирали – и вдруг испугались смерти.

Представь, что тебе не тесно, войди в азарт карантина.
 Прыгай с дивана на кресло, из ниток плети паутину –
 От шкафа через карниз, цепляясь за край кровати,
 И далее вверх и вниз, вплетая носки и платья –

Пусть те, кто тебя найдут, в дверях уже побледнеют,
 Увидев такой абсолюте созревшей без смысла идеи.
 Не выходи из комнаты, не трогай дверную ручку.
 Сейчас, когда все перевернуто, внутри все же сильно лучше –

Чем вне.

Провода и воробьи

Знаешь, как устают провода
 Гудеть параллельно земле
 Под натиском ветра?
 Весь день все одно: па-да-да-да,
 А ночью чуть реже: пле-пле,
 Как будто: жизнь, где ты?

Правда, те провода, что смелей,
 Ветер треплет за пятерых –
 Со скоростью прялки.
 И когда озорной воробей
 Затеет порхать через них
 Как через скакалку,

Они тоже чувствуют себя немножечко воробьями,
 И от этого им веселей.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Московские прятки

Я выхожу из дома в понедельник –
 И понедельника не чувствую вокруг.
 И, кажется, невиданный затейник
 Затеял очень старую игру.
 Ее условия просты и всем понятны:
 Те, кто не спрятались, те сами виноваты.

И я иду на страх и риск без QR-кода –
 Признаться страшно – в дальний магазин.
 По счастью, мне благоволит погода,
 Поддерживая планетарный карантин:
 От снега так бело в преддверии апреля,
 Что даже голуби немного побелели.

Закрываются рестораны, парки. Детские площадки
 Замотаны сигнальной лентой для порядка.
 И если мэр сейчас распорядится
 Отлавливать всех жителей столицы,
 Бродящих без сопровождения собак,
 Не каждый разберется, что не так.

Я вглядываюсь в лица редких встречаемых,
 И среди них все меньше лиц, все меньше человечьих.
 Мне любопытна их температура.
 Рабочие меняют во дворах бордюры.

И можно быть уверенной вполне,
 Что светопреставления не будет, пока не
 Улучшат до конца инфраструктуру,
 И успокоят нефтяную конъюнктуру.

Я наконец-то дохожу до магазина.
 Навстречу – голуби. Один другому в спину
 Ворчливо, втягивая шею в плечи,
 Вдруг говорит: «Опять забыли гречку!»

Я спотыкаюсь и не попадаю в двери,
 И взгляд мой застывает на эклере,
 А голубь сизокрылый с надписью «Валерий»
 С собой геройски загораживает вход
 И спрашивает у меня какой-то код.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Жизнь на Марсе

Ночь глубокая, вязкая, темно-красная.
А планета моя рябая, щекастая.
Ни одна ученая ее ширь не мерила.
И ни юга на ней нет еще, и ни севера.

И отец мой – лава, и хаос – мать.
Мое правило – правила нарушать.

Никаких обычаев, никаких систем.
Я живу одна не в родстве ни с кем.
Если чудом в чью-то влилась струю,
То недолго вышагивать мне в строю.

Мне покой – как копоть, мне боль – как блажь.
И моей цены ты мне, бог, не дашь.
Ничего не дашь, потому что ты в изумлении.
Нет во мне печали и обиды нет.
Всех цветов вселенной краше марсов цвет –
Он почти совпадает с цветом каления.

Бог цены не даст – я его не сдам.
Мне на Марсе пятнадцать – лет или килограмм –
И иная жизнь на планете не найдена.
Еще некому преграждать мне путь.
И когда я навзничь упала и глотаю ртуть
На холодном дне глубочайшей впадины,

И когда я как к плюшу льну щекой ко льду,
Все равно я знаю, вопреки всему –
Утром встану и вверх неизбежно пойду –
Извлекать руду, торговать в аду,
Открывать неизведанные минералы.
И неважно, что именно бог имел в виду.
Важно то, что я будто не умирала.

Внутренний Казахстан

Белоруссия месяц в протестах, Карабах – в огне,
И твоя студентка на днях сказала: «У нас в Астане –
Нет, простите, не в Астане – в Нур-Султане».
И в каком бы году ты ни жил,
и в какой бы стране,
Даже если ты думаешь, что у тебя больше сил,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

что ты вообще вне –
Все равно ты во внутреннем Казахстане.

Там, возможно, неплохо – а может быть, хорошо.
Там возможно работать ночью на трех работах пока еще.
Там подрался – а после погладил кошку.
Там в цене только ум, что пытлив и достаточно изощрен,
Только знать не дано, какой шаг твой уже запрещен.
Что ж, за все есть свой счет,
Если так объяснить это проще.

Вот не хочется снова этого розового вранья –
Эта чертова правда нигде, она вообще ничья.
Хотя в целом в душе ты, конечно же, против двулчия.
Но не мы такие, а жизнь. Революцию стоит начать с себя.
Но заходит любовник – и вы для жены с ним как прежде друзья.
Катаклизмы, пожалуй, сегодня апокрифичны.

Припекает солнце, как в августе – в октябре,
И подростки кидают мяч в кольцо во дворе,
И соседка снова вонючую рыбу жарит.
И одна проблема – отец начинает стареть.
В остальном все нормально, все можно вполне терпеть
Тем, кто с детства привык к едкому привкусу гари.

Мария Лисиченко. Золотые поля. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

ПОЭЗИЯ

Мирослава Бессонова
(Уфа)

***

страх улетел с мизинца
словно коровка божья
мимо темниц зверинца
осени бездорожья
крылышками качает
целит в рассвет зыбучий
где от тепла легчает
даже тяжелый случай

***

глянь облака посажены на клей
летучести утратившие свойство
и у весны как у любви твоей
диагноз биполярное расстройство
и мчитесь вы с успехом на убой
дорожные не видящие знаки
где лица злых мерцают вразнобой
как призраки из мира Миядзаки

***

но предки и братья по крови
ошиблись в своей правоте:
мы здесь и всегда наготове
уйти на окраины, где
воздушная стихла тревога,
разбившись о черный базальт,
и ждать появления бога.
как будто нам есть что сказать.

***

над нами дураками зубоскаль
зачинщик весен в мантии и берцах
пусть грязный снег снимается как скальп
с парковок крышных чтобы лечь на сердце
пусть птицы в паутине и пыли
бросают в спешке норы-катакомбы
и от изнемогающей земли
как тромбы отрываются
как тромбы

***

что в итоге стряслось то в итоге
точно не было пробой пера
нам к лицу было небо тревоги
но прощаний не впору пора
где весны проступали детали
лед дыривил ее кимоно
мы о будущем громко рыдали
и настало
настало оно

***

где март размахивает битой
на лицах ржавчина и глина
уфимский воздух ядовитый
лишил меня серотонина
и все пошло под суд и лесом
но чую хлипкая основа
вот-вот расколется под весом
с балкона сброшенного слова

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

***

застыть от крепкого словца,
поняв что встреча состоится –
жизнь по-во-ра-чи-ва-ет-ся
с лицом озлобленного фрица.

молчит, но делает бобо,
слезами наполняет тары;
так бьет, как будто нам слабо
терпеть и требовать удары.

а после с плеточкой в руках
плетется прочь. а мы бескровно
стоим с улыбкой в синяках
во тьме по горло.

***

под тающим летом стояли
нас музыка грела другая
глазами с картин Модильяни
смотрели вперед не моргая
надеждой одной моросило
что сон ошибается вещей
не спустятся темные силы
не сбудутся страшные вещи

***

вышла вся прямая речь но
отыщи эквивалент
в ледящем бесконечном
переходе с да на нет
зная что на повороте
дымный порох пьяный чад
свяжут с тем кто будет против
никогда не разлучат

***

видели их среди штатских
в гуще сменивших окрас –
боже как много пиратских
копий улучшенных нас
смотрят внушают как будто
выпить еще по одной
чтобы уснуть беспробудно
с ужасом в клетке грудной

Мария Лисиченко. Летняя ночь. 2021. Холст на картоне, масло. 40 x 60

ПОЭЗИЯ

Валентин Нервин (Воронеж)

Музыка во сне

Ну, здравствуй,
своевольная весна! –
не в первый раз щебечешь и стрекочешь,
какого-то неясного рожна
ты человеку голову морочишь.
В который раз я слышу этих птиц,
вернувшихся к покинутому дому
поверх метафизических границ,
проложенных по шарикку земному.
Такая вдохновенная пора,
что чувствуешь иную перспективу,
когда сирень с Острожного бугра
без памяти бросается к обрыву.
Как будто до скончания времен,
в апофеозе вольности и силы,
возможно воскресать,
как этот клен,
зазеленевший на краю могилы.

Солнечный луч

Проснулся,
а в комнате солнцеворот! –
и чудится, что наступила весна,
в которую солнечный луч, от щедрот,
бросает повсюду свои семена.
Наверное, в этом и явлена суть
небесной любви и земного пути:
нельзя ничего повторить и вернуть,
но что-то хорошее можно спасти.
И сколько бы ни было в жизни потерь,
на памяти шрамов и на небе туч,
судьбу и погоду окрасил теперь
обычный улыбчивый
солнечный луч.

***

Важно это вам
или неважно,
даже если по фигу уже:
облака всегда многоэтажны –
я живу на верхнем этаже.
Ловко это вам
или неловко
подыматься прямо в облака –
у меня воздушная «хрущевка»,
непоколебимая пока.
Лепо это вам
или нелепо:
в пику фраерам и докторам,
у меня – на все четыре – небо
и на кухне свет по вечерам.

***

Кто сказал, что счастье –
это смертный грех,
кто сказал, что боги
вечно жаждут крови?
Я не понимаю
в этой жизни тех,
кто, на всякий случай,
сразу хмурит брови.
Даже в непогожий
сумеречный день
есть хороший повод
выглядеть счастливым,
если над обрывом
вызрела сирень
и захолонуло
сердце над обрывом.

***

Чуть авитаминозная,
гуляет по весне
душа моя бесхозная,
как музыка во сне.
Тем, у кого бессонница,
и тем, что влюблены,
пожизненно запомнится
мелодия весны.
Что у любви получится
в соавторстве со мной,
пока не улетучатся
все ноты до одной?

***

Не смолкает напев соловьиный...

А. Б.

По весне в соловьином саду
хорошо называться поэтом
и занять свое место в ряду,
где-нибудь между Блоком и Фетом.
Хорошо с переливом свистеть,
оголтело вставать спозаранку,
на рабочее место лететь
и тянуть соловьиную ляжку.
...Я живу на планете любви,
сочиня стихи по привычке,
по которой поют соловьи –
неприметные серые птички.

***

...а когда запоют соловьи,
то любые печали некстати.
Не о старости, а о любви
я хочу говорить на закате.
Ни печали, ни старости нет,
только вечные звезды мелькают.
Но, когда наступает рассвет,
соловьи, как назло, умолкают...

***

Жизнь иногда постольку хороша,
поскольку, разнородные по фазе,
еврейский ум
и русская душа
сливаются в лирическом экстазе.
Но просто караул и кара-кум,
когда сойдутся на большой дороге
еврейская душа
и русский ум –
и чёрт-те что получится в итоге!

Ре минор

Музыка
из дома, что напротив,
преодолевающая двор,
мается в оконном переплете,
потому что это ре минор.
Вот, сижу
без правильного дела,
тупо размышляя об одном:
как доселе не осточертела
музыка печали за окном?
Ре минор
всего большее ранит,
и, когда уже невоготу,
если кто-то с улицы заглянет,
в комнате увидит пустоту.

Территория фастфуда

1

Для чего тебе дана
жизнь, похожая на чудо,
ежели в душе одна
территория фастфуда?
Чудо не про нашу честь
и торопишься, как веник,
чтобы вовремя поесть.
Остальное – мимо денег.

Ты одна, и я один –
хороваемся под спудом.
Ежели родится сын,
назовем его фастфудом!

2

В наше время
стало моветоном
уповать на справедливый суд,
а по человеческим законам
разве только голуби живут.
Вот иду
и вглядываюсь в лица,
и невольно думаю про них:
я не голубь, ты не голубица –
так чего мы ждем от остальных?

***

От рождения сентиментален,
а заносит – незнамо куда:
я, как муж, не всегда идеален
и хороший отец – не всегда.
Не могу разобраться во многом,
но пожизненно горд оттого,
что стою перед Господом Богом
и читаю стихи
для него.

***

Не за совесть и не за страх,
на халяву да на авось –
кто живет на семи ветрах,
получается вкривь и вкось.
Не по делу и невпопад
говорим о добре и зле.
Переправа из рая в ад
начинается на Земле.
Примеряемся ко всему
неудельному и слегка
удивляемся, почему
пахнет серой издалека?

* * *

*...Не умереть, а именно
уснуть.
Владимир Высоцкий*

Я во сне по России кочую,
позабывшие песни пою:
то в почтовом вагоне ночую,
то в плацкарте до одури пью.
Жизнь летит впереди паровоза,
и по памяти стелется дым.
...Я сегодня усну без наркоза
и наутро проснусь молодым.

ПУБЛИЦИСТИКА

Янис Астафьев

(Москва)

МОЙ ПРАДЕД

Мой прадед по материнской линии, Владимир Семенович Астафьев, был офицером царской армии, из династии военных. Его отец, Семен Астафьев (семейное предание не сохранила отчества), якобы дослужился до генерала-аншефа Твери. То есть до полного генерала, главнокомандующего войсками губернского города, исторического соперника Москвы. Семен Астафьев был статным военным с громадными усами а ля Император Франц-Иосиф. Ему по должности полагался собственный поезд. Сохранилась фотография, правда очень маленькая, сделанная, видимо, во время инспекционной поездки, где он стоит на подножке своего вагона. Во время похорон его гроб везли на лафете, как это и было положено главнокомандующему.

В. С. Астафьев

Кроме фотографии, однако, никаких других исторических свидетельства существования прапрадеда я не нашел. Совсем иное дело его сын – Владимир Семенович Астафьев. В семейном архиве сохранились и многочисленные фотографии, и послужной список, и ленточка Георгиевского ордена. Но начнем с общедоступных источников.

О прадеде напечатано в трех книгах:

1. «Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии по 01.01.1909», СПб, 1909;
2. «Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии по 01.01.1910», СПб, 1910;
3. «Список подполковникам по старшинству. Часть I. Составлен по 15 мая 1913 г.», СПб, 1913.

Все, что есть, представлено в Интернете по адресу <http://www.gen-volga.ru/ast/astafev.htm>. Здесь написано:

«Астафьев Владимир Семенович – подполковник, смотритель зданий 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса (г.Москва).

Родился 17 июня 1865 года, вероисповедания православного.

В службу вступил 13 августа 1883; подпоручик – 13 ноября 1889; поручик – 13 ноября 1893; штабс-капитан – 6 мая 1900; капитан – 13 ноября 1901; подполковник – 1908.

Полученное образование: прогимназия и Московское пехотное юнкерское училище; зачислен в 8-й Московский гренадерский полк.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Занимал должности: командира роты – 3 года; заведующего обмундированием кадетов 3-го Московского кадетского корпуса – 9 месяцев; смотритель зданий 3-го Московского кадетского корпуса – с 7 июня 1907 года (числится по армейской пехоте).

Участник кампании 1904-1905 годов

Награды:

- Орден Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом
- Орден Св. Анны 4 ст.
- Орден Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом –

1905».

Это сведения на начало 1913 года. А вот что говорят семейные предания и хранящиеся у нас документы.

Всю жизнь прадед служил, участвовал в двух войнах. Был женат на Наталье Александровне Качкиной, дочери подполковника 2-го железнодорожного батальона Качкина, из «почетных граждан».

В 1896 году Владимир Астафьев находился в составе отряда по случаю «коронования их императорских величеств». В июле он был «командирован на охрану пути Николаевской железной дороги при высочайших путешествиях».

Известно, что прадед сопровождал Государя в вагоне от Твери до Москвы. От этого «путешествия» у нас в семье остались бокалы с Императорским вензелем, которые Николай II подарил своим спутникам.

В 1904 году Владимир Астафьев отправился на Русско-японскую войну. В войне тогда с нашей, российской стороны участвовали войска Сибирского военного округа. Из других регионов России туда призывались только офицеры. Но не все подряд, а только те, которые выбирались по жребию. Мой прадед имел право не участвовать в жребии, так как был человек семейный и на тот момент уже имел двоих детей – сына Андрея, моего деда, родившегося 20.06.1899 г. в Твери и умершего своей смертью 4 октября 1995 года в Москве, и дочь Лидию, родившуюся в 1903 году и трагически погибшую 10.08.1930 года в г. Пушкино под поездом,

**Владимир Семенович Астафьев
(1865–1918)**

Бокал из императорского сервиза, подарок Николая II своим сопровождающим. Бокал из тех, что до коронования, так что там нет эмблемы Николая II

Портсигар В. С. Астафьева

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

торопясь на последнюю электричку. Но он, как человек благородный, не стал уклоняться, и ему выпал жребий – ехать на войну. В послужном списке, составленном в июле 1917 года, сказано, что 31 мая 1904 года он был «командирован для укомплектования 220 Епифанского полка, отправляющегося в поход на Дальний Восток». Перед отъездом полковые товарищи подарили ему серебряный портсигар с русским воином на лицевой стороне. Внутри него было выгравировано: «Московские гренадеры своему сослуживцу Владимиру Семеновичу Астафьеву, 1904 г.». Этот портсигар прошел две войны и был с ним до самой смерти.

На войне с японцами мой прадед командовал 14 ротой 220 полка. В роте у него были одни татары. Это наложило свой отпечаток на взаимоотношения с подчиненными. Когда прадед принимал роту, у него состоялся примечательный разговор со старейшиной местной татарской общины. Старейшина предложил ему разделить полномочия, дескать, ты, начальник, командуй по военной части, а что касается наших внутренних дел, мы здесь будем разбираться сами, своим собственным сходом. Ты нам в этом не мешай, а мы тебя будем во всем слушаться в бою. Так они и порешили, о чем прадед ни разу не пожалел. Татары оказались очень порядочными людьми и ни разу не подвели своего командира.

В каких-то больших сражениях Владимир Астафьев вроде бы не участвовал, во всяком случае, мне об этом ничего не известно. Но отличился, о чем свидетельствуют награды. 11 декабря 1904 года приказом № 265 Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии, «за отличия в делах против японцев» был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом. 16 апреля 1905 года приказом № 90 командующего 3 Маньчжурской армией был жалован орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом. Наконец, 7 сентября этого же года приказом № 457 по 2-й Маньчжурской армии также «за отличия в делах против японцев» был награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

Сохранилось несколько писем Владимира Астафьева с войны жене Наталье (письма приведены в авторской пунктуации). Они написаны вполне разборчивым почерком.

Вот письмо от 7 октября 1904 года:

«Милая и дорогая моя Талюшечка! Не знаю, удастся ли послать это письмо, пишу на удачу хочу поделиться с тобой всем мной испытанным. Когда ты получишь это письмо, то Бог знает, что еще будет, я получил вчера твое письмо от 26 августа – ужасно долго. Но начну по порядку: с 25 сентября начались наши мытарства, был ночной поход и нам дали отдохнуть на мороженом песке у реки (если это называется отдыхом) мерзли часа 4 зуб на зуб нельзя было попасть, на рассвете пошли, пришли в 1 час думали бивак, но не тут то было, отдохнули 4 часа и сейчас же вперед. Прошли еще верст 6 остановили и заставили рыть окопы, до 7 ч. рыли, позволили разбить палатки, а костров не разрешили. Ночью холода такие что все покрывается инеем и с этих пор каждый день или на сторожевую или рыть окопы, а ночью ночной марш.

**Владимир Семенович
с женой Натальей Александровной
на фронте Германской войны,
предположительно 1915 год**

**Кампания 1904–1906 гг.
Манчжурия.
Владимир Семенович
с однополчанами**

Дожди часто, холодные, голодные (есть приходится редко из солдатского котла) мы к 29 сентября достигли позиции. Стрельба из орудий и ружей шла вовсю и мы заняли деревню, снаряды рвались в самой деревне и от грохота снарядов и пуль стоял ад. Моя рота была расположена в деревне и лежала вдоль улицы, прижавшись к глиняному забору. Я не боялся, а молился и ходил распоряжался, носили массу раненых мимо меня, приходилось устраивать носилки из ружей и шинелей и наряжать людей для отнесения раненых. Вот еле-еле плетется лошадь раненая в ногу, а из бока льется кровь струей, видно и в боку рана есть, вот еле движется какая-то тень (уже стемнело) оказывается солдат ранен в ногу и просит помощи. Ах да всего и не опишешь, это надо видеть и испытать, а мое перо не в силах передать всего ужаса, но это были только цветочки, а ягодки были впереди 1 октября. Почему-то мы отступили верст за 5 и проночевали на земле. С 26 сентября уже мы не ночуем на кроватях, так как обоз весь держат в тылу и спим, если удастся прямо на земле под открытым небом, укрывшись солдатской шинелью. 30-го сделали переход, батальон попал на ночную сторожевую службу и пролежавши ночь на земле нас двинули вперед в 5 утра прямо на позицию. Настало 1 октября, рота моя была в первой линии, два взвода в цепи и два в резерве, окопались залегли, пули и гранаты свистели над головой, недалеко разрываясь не принося вреда. Я лежал возле цепи и не обращал внимание на снаряды уже начал привыкать. Пролежали не долго и было приказано двинуться вперед. Разведок хорошенько не сделано было, не узнали о неприятеле, а приказано двигаться. Я пошел с цепью в середине, а Ян на правом фланге, прошли гаолян и вышли на открытую местность. Японцы не стреляют, велел двинуться дальше, пошли дальше и я приказал занять перегиб местности, как заняли, японцы открыли убийственный огонь ружейный, а главное картечью и сразу вокруг меня человек 20 раненых из роты и 3 убитых. Я не ложился так как заметил, что картечь стреляет все понизу и раны в голову и плечо. Цепь дрогнула и большинство солдат дало тягу. Я кричу мерзавцы не с места и возле меня осталось человек 30, а остальные показали тыл. Пришлось тут же под пулями самому перевязать раны 4 человекам. Свинцовый дождь сыпался во всю. Послал Яна за резервом, а сам вижу, что ни справа ни слева нет ни одной роты, пришлось отступить по гаоляну и опять залегли, открыли огонь и вдруг опять осыпало картечью, опять человек 20 раненых и 3 убитых. Тут собралось людей всех рот перемешались и открыли огонь залпами, я командовал и опять перевязал 4 раненых, распоровывая их шаровары своим ножом. Тут увидел Тарло раненого в ногу в двух местах. Рота

**Владимир Семенович с женой
Натальей Александровной
после кампании 1904–1906 гг.**

стала собираться и опять начали стрелять залпами, а потом тут же начали окапываться. Полил сильный дождь с градом, я в одной кожаной тужурке, вымок до костей, потом мне уже солдат принес шинель с убитого. Ночь провели под небом и дрог я как собака, приходилось на себе высушивать брюки и кожаную тужурку. Санитаров и докторов мы не видали. Огня разводить нельзя было, приходилось дрогнуть и быть на чеку. Бой длился с 6 утра до 7 вечера и ничего не ели даже и не вспомнили про еду.

На другой день я хоронил сам без всякого священника своих и чужих убитых, крестил их и закапывал. Пришел Лешкевич, принес флягу с водкой и я обнял его и поцеловал, нервы не выдержали и я заплакал. Как Господь меня сохранил в бою и сам не знаю, его святая воля. С тех пор сидим в окопах, японцы против нас в двух или полутора верстах, пули и гранаты свищут над головой, но я к ним привык и не обращаю внимание. Лешкевич вечером навещает меня, а днем опасно. Все бы ничего да дождь изводит а укрыться негде. Погибло из полка 1400 человек раненых и убитых, офицеров 3 убитых и 19 раненых. Матусевич ранен тремя пулями, Бучковский опасно ранен, Ратайский подполковник (помнишь чай у Сланских пил) ранен, Руднев ранен (у нас водку пил), Пономарев ранен в руку и ногу, вообще много. Когда отдых будет не знаю, ты там не плачь Господь поможет и я буду цел, отслужи молебен. Письмо прочти Папи и куму, писать отдельно не могу и так пишу лежа на земле. Всех целую и поклон. Я здоров и молюсь.

Впрок целую, благословляю, пусть молятся целую тебя дорогая твой Володя».

А вот письмо от 13 октября 1904 года:

«Дорогая, родная моя хорошая Талюша!

Я уже после боя послал тебе письмо, где описал вкратце свои пережитые чувства, да, Господь твоими молитвами и молитвами моих малюток (*моему деду Андрею было тогда 5 лет, а его сестре Лиде – год.* – Примечание Я. У. Астафьева) вынес меня из ада целым и невредимым, только японская пуля отбила у меня темляк, ударив по кисти. Как я остался цел, быв кругом в огне, под сильным перекрестным орудийным и ружейным огнем, одному Богу известно. Кругом и около меня валялись раненые и убитые и я не обращая внимание на сильный свинцовый дождь не потерял хладнокровия, распорядился, перевязывал раненых и облегчал чем мог их страдания. К этому всему надо еще прибавить сильный дождь с градом, грязь ужасная и холод тоже. Одному Богу я обязан своим спасением и вот где уверуешь, что

*Из семейного архива.
Астафьевы.
Владимир Семенович
с женой*

есть Святая Воля и если не молился то замолишься. Молись Тяля усерднее, да сохранит он меня и вернет в родное гнездо. Полк в лице Тарло достойно оценил мою храбрость и распорядительность и представил меня к награде к чину подполковника, ну конечно я этого не получу и штаб дивизии и корпуса уменьшит награду, но думаю что дадут что-нибудь. 1 октября для меня всегда будет памятен и с этого времени я особенно буду его чествовать молитвою. Кто не был в бою, тот не имеет понятие что такое он. Какой ужас только по окончании боя его сознаешь. Какие ужасные убитые с раздробленными черепами, с оторванными ногами, корчатся от боли стонут, а тут еще грязь. А, да всего не напишешь. С 1 октября мы сидим в окопах вот уже 14 дней, ничего не делаем и от скуки не знаешь как время убить; ждешь только вечера когда приедут солдатские кухни и поешь солдатской пищи (офицерская кухня еще хуже солдатской). Пульки, или как я их называю пчелки, жужжат, но на них не обращаешь внимание уже привык к ним. Японцы в версте или $1\frac{1}{2}$ и вот мы стоим друг против друга и ничего не предпринимаем.

5 или 6 октября я получил от тебя письмо, а сегодня сразу три последнее от 15 сентября. Спасибо моя родная за ласковые письма, я их читаю и всегда плачу, ведь это одна отрада мне знать как вы живете. Пиши дорогая, делай мне это удовольствие. Деньги послал второпях, просил казначея послать.

Мне милая ничего не нужно, моя шуба меня греет, из еды достаю кое-что втридорого, если можешь пошли папирос (в табаке не недостаток) может быть я их получу в декабре, ведь письма целый месяц идут.

Целую тебя твои ручки, глазки и всю мою дорогую ненаглядную. Не плачь, береги себя. Володя».

Что интересно в этих письмах? То, что они написаны без какого-либо внутреннего цензора. Владимир Семенович не пытается следовать какому-либо стилю описания войны, не пользуется клише. Наверное, это больше всего напоминает Льва Толстого, который тоже был русским офицером и участвовал в боевых действиях.

В начале 1906 года, когда закончилась Русско-японская война, прадеда перевели в Москву, в 8-й гренадерский Московский полк. К месту назначения он ехал через Владивосток. Там он встретился со своей семьей, которую вызвал к месту службы. Мой дед, тогда семилетний мальчик, побывал с отцом на крейсере «Аскольд», одном из немногих кораблей,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

оставшихся от 1-ой Тихоокеанской эскадры нашего флота после Цусимского сражения. На «Аскольде» деда Андрея поразила громадная толщина пятиметровой брони капитанской рубки. Кто хочет составить себе представление об этом корабле, может посмотреть на однотипный крейсер «Аврора», стоящий сегодня в Петербурге. Только у «Аскольда» не три трубы, как у «памятника революции», а пять, что в то время было уникальным явлением для российского флота. На «Аскольде», кстати, служил во время японской войны будущий адмирал Колчак, но был ли с ним знаком мой прадед, семейное предание умалчивает.

В Москве Владимир Астафьев пробыл вплоть до начала войны с Германией. Любопытно, что он присутствовал при праздновании 300-летия царствования дома Романовых, видимо, как участник «коронационного отряда». Дед Андрей рассказывал мне, что они всей семьей наблюдали царский поезд из нескольких карет, которые шли по специально построенному деревянному помосту через Красную площадь.

Незадолго перед Великой войной (Первой мировой) его перевели в 22-й Сибирский стрелковый полк, где 27 мая 1914 года он принял должность командира 1-го батальона «на законном основании». 18 октября он проследовал на театр военных действий через город Смоленск, а 10 ноября 1914 года был тяжело ранен в Польше у деревни Малшице под городом Ловичем. Сегодня Лович входит в Лодзинское воеводство. (В этом городке, кстати, родился известный польский актер Даниэль Ольбрыхский.) Это ранение, видимо, спасло моего прадеда от куда больших неприятностей. Спустя две недели наши части в этом месте потерпели чувствительное поражение и потеряли убитыми и ранеными до 2/3 офицерского состава и нижних чинов.

После ранения прадед долго болел. Выздоровел он только летом 1915 года и сразу прибыл на фронт. Здесь он в ночь с 23 по 24 июля подвергся действию удушливых газов, причем остался в строю. А уже через месяц, 21 августа, у деревни Большие Рожки был контужен близко пролетевшим снарядом. В это время велась позиционная, «окопная» война. Наши войска медленно отступали в Белоруссии под натиском германцев. В сентябре прадед вновь отличился в боях и был в очередной раз награжден, на этот раз орденом Св. Георгия. Среди бумаг семейного архива я даже нашел приказ с описанием подвига:

ПРИКАЗ
Войскам IV-й армии
26 февраля 1916 года
№ 2198

На основании ст. 25 Георгиевского Статута, награждаю, по удостоверению Георгиевской Думы,

Орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени:

22-го Сибирского стрелкового полка, подполковника *Астафьева Владимира Семеновича*, за то, что в бою у ф. Марисин, в ночь с 11 на 12 сентября 1915 года, командуя батальоном, вызванным из дивизионного резерва для оказания помощи отошедшему под натиском противника одному из полков, бывшему в окопах первой линии, лично повел свой батальон в атаку, выбил противника из оставленных окопов и восстановил положение, выручив тем дивизию от грозившей ей опасности и взяв при этом пленных одного офицера и 75 нижних чинов германцев.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

А вот как выглядят эти события в докладных записках на имя командира дивизии полковника Ушака ротных командиров подпоручика Кондратюка (1-я и 2-я роты), подпоручика Пильчевского (3-я рота) и прапорщика Шевнева (резервная рота):

1915 г. 21 ноября, место отправление деревня Лядки.

«Около 7 часов вечера, 11 сентября 1915 года сводный батальон 22 Сибирского стрелкового полка под командой подполковника Астафьева получил приказание выбить противника из занятых им окопов 21 Сибирского стрелкового полка. Батальон немедленно выступил из деревни Комаровичи и направился в сторону окопов. Не доходя до окопов на опушке рощи, подполковник Астафьев остановил батальон, объяснил задачу и выслал разведку, которая выяснила, что все окопы 21 полка заняты неприятелем.

Астафьев решил повести атаку сначала на окопы, расположенные впереди рощи между фольварком Марицын и деревней Милушева. 1 и 2 роты подпоручика Кондратюка и 3 рота подпоручика Пильчевского были двинуты вперед под общей командой подполковника Астафьева. Одна рота была оставлена в резерве.

Подойдя к роще, все три роты по приказанию Астафьева кинулись с криком «ура» на противника, штыками выбили его из окопов, причем много перекололи и взяли в плен.

Германцы очистили окопы нашей передней линии и отступили. Подполковник Астафьев приказал двигаться дальше и выбить противника из рощи. Роты, несмотря на сильный ружейный и артиллерийский огонь, бросились вперед и противник был опрокинут. Продолжая наступление, наши солдаты устремились на немецкие окопы, расположенные за рощей, и штыками выбили его из них.

Тем временем к германцам подошло подкрепление; они стали выдвигаться во фланг нашим ротам, причем противник усилил артиллерийский огонь.

Астафьев распорядился вызвать резерв на поддержку, и рота Шевнева была немедленно двинута. Подойдя к окопам, командир резервной роты увидел, что немцы окружают батальон. Прапорщик Шевнев бросился с ротой на обходящего противника и заставил его несколько отойти.

Немцы снова подтянули значительные резервы и опять стали предпринимать попытку окружения.

Тогда, оценив обстановку, подполковник Астафьев крикнул, чтобы люди не робели, приказал ротам штыками пробивать себе дорогу назад и во что бы то ни стало задержаться в уже пройденных окопах 21 полка.

Командир повел батальон в штыковую атаку, роты прорвались сквозь германцев и укрепились в окопах нашей первой линии, при этом вновь было много переколото и захвачено в плен противника, а также взято орудие и снаряжение.

Обходя цепи, подполковник Астафьев распорядился вынести всех раненых в тыл и отправить туда пленных и снаряжение.

Положение было восстановлено, причем противник не сумел захватить никаких трофеев и пленных».

Вот так-то! И прочтя все это, я вспомнил еще одно семейное предание: будто имя прадеда выбито на одной из колонн Георгиевского зала Кремля. Ведь там вроде как есть имена всех кавалеров офицерских орденов Георгия!

За бои с германцами прадед был пожалован орденами Св. Станислава 2 степени, Св. Анны 2 степени с мечами, Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, Св. Владимира 3 степени с мечами. В общем, целый иконостас.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

11 марта 1916 года за отличия в боях Владимир Астафьев был произведен в полковники. А 12 июня 1916 года у деревни Линевки он был ранен осколком тяжелого снаряда в стопу с повреждением костей без выходного отверстия. Рана оказалась тяжелой, его эвакуировали. Выздоровел Владимир Астафьев лишь в декабре, а в начале января 1917 года его командировали согласно предписанию начальника 6-й Сибирской стрелковой дивизии для формирования 2-го полка вновь создаваемой 158-й пехотной дивизии. 28 марта 1917 года он был утвержден в должности командира полка, но по состоянию здоровья дальше не смог оставаться в строю. В апреле он сдал полк и был зачислен в резерв чинов Киевского военного округа.

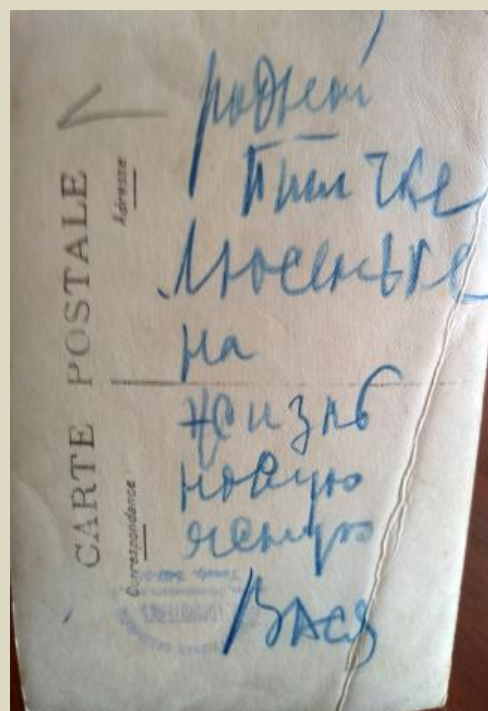
Наверное, Владимир Астафьев представлял собой портрет типичного русского офицера. В документах имеется запись: «В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишаящих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному, что подписью и приложением казенной печати удостоверяется». И нижние чины, и соратники его любили. На том же портсигаре в различное время появляются монограммы сослуживцев – в особенности трогает написанная золотой вязью подпись: «Вишенко».

Как типичный русский офицер, дворянин, он всегда с уважением отзывался о противнике. Нигде в его письмах нет слов ненависти или пренебрежения, которые широко будут представлены в речах комиссаров и политработников советской эпохи.

В 1918 году во время красного террора его расстреляли. Новая власть издала приказ, чтобы все офицеры явились такого-то числа по такому-то адресу. И он пошел. Затем родственникам выдали его портсигар: все, что от него осталось. Говорили, что его расстреляли во рву возле местной ЧК. Там же во рву и похоронили. Точнее, закидали землей, сделали одну общую могилу. Не знаю, было это в Киеве, или в Москве. Думаю, что все ж таки в столице, поскольку наша семья в то время проживала в Лефортове, в 10-й квартире 3-го кадетского корпуса, где прадед до войны служил смотрителем зданий и где учился мой дед, Андрей Владимирович Астафьев. Скорее всего, когда начался развал армии и государства, он вернулся домой, к семье, чтобы защищать в случае чего свое маленькое Отечество.

Из семейного архива.
Василий Каменский, 1918 г.

На обороте:
дарственная надпись дочери

Хотя корни, напомню, у нас тверские. Моя мама, Лидия Андреевна Астафьева, даже как-то рассказывала, что она столбовая дворянка (то есть ее семья была записана в специальные книги – «столбцы», существующие еще с XVI века), а во время фольклорной экспедиции в конце 1950-х даже побывала в родном поместье Тверской губернии. Там она встретила бывшую дворовую девку нашей семьи, тогда уже глубокую старушку, которая, приняв ее за бабушку, вскричала: «Голубушка! Матушка-барыня! Вернулись!»

Правда это или нет, не знаю. В книге Чернявского (Чернявский М. К. Генеалогия г.г. дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год с алфавитным указателем и приложениями. Тверь, [1869]) я нашел только Николая Астафьева за номером 49. Там о нем написано:

«Астафьев Николай (отчества в документах не показано), происходит из секретарских детей, получил гражданский чин в 1760 г.».

Возможно, это мой далекий предок, кто знает...

О фамильной деревеньке в письмах и прочих бумагах – ни слуху, ни духу. Впрочем, после революции от таких свидетельств лучше было поскорее избавиться.

Что еще осталось от прадеда? Как уже упоминал, от коронации 1896 года в нашем доме присутствуют несколько бокалов с монограммой императора Николая II. Их тогда раздали-подарили всем участникам праздника. С Русско-японской войны Владимир Астафьев привез самовар, из которого я до сих пор пью чай, несколько эмалированных вазочек, а также две костяные фигурки китайских старичков с непропорционально большими ушами: у одного левого, у другого правого. А с германской войны в нашем доме присутствует громадная по масштабам московских комнатух картина в золоченой раме. На ней изображена полуобнаженная купальщица, которая сидит у лесного ручья на камне. Она якобы принадлежит кисти Нефа. Мама говорила, что это одна из его авторских копий. Еще у нас есть парочка мейсенских фарфоровых настенных изображений сельских пастушков и ангелочков XVIII века. Все это мой прадед привез с германского фронта.

А вот наград ни одной не осталось. Семья боялась хранить такие откровенные реликвии русского офицера. Никогда не забуду, как дед Андрей однажды вошел ко мне в комнату и увидел открытые дверцы шкафа и выдвинутый ящик стола. Он потемнел лицом и попросил меня немедленно все закрыть, а ящик задвинуть. «Иначе выглядит, как обыск». В самом начале 1920-х годов мы оказались семьей «лишенцев», пока мой дед не подделал метрику и не пошел работать. А это тогда означало ущемление не только в избирательных правах, но и в возможности поступить на хорошую работу и получить карточки на питание.

До сегодняшнего дня из наград дожила лишь ленточка ордена Св. Георгия. Она украшает фотографию прадеда, полковника русской армии, участника двух таких непопулярных, но памятных войн.

ПРОЗА

Татьяна Соколова
(Москва)

МАЛИ, начало 80-х...

Часть 1. Жизнь провинциальная

Глава 1

Мы приехали работать в Африку через два месяца после получения университетских дипломов. Эдакие свежеепеченные «специалисты» с офигенным житейским опытом, в наши-то двадцать три года!

В Торгпредстве канителиться с нами особо не стали и отправили работать в провинцию – в самую жаркую точку Западной Африки, городок Каес. Послали одних, без полагавшегося сопровождения, просто в никуда – подальше от столицы.

Это местечко пользовалось недоброй славой не только потому, что бытовые и климатические условия там были невыносимы (температура воздуха по ночам редко опускалась ниже плюс сорока, а из-за жесточайшей засухи пересохла река Сенегал и остановилась гидроэлектростанция), но и потому, что город этот был местом ссылки.

В нашем лицее учились и работали ссыльные студенты и преподаватели, которые попали туда после студенческих волнений, разразившихся незадолго до нашего приезда.

Короче, добрые дяди из Торгпредства купили нам билеты на поезд в общий вагон и напрочь забыли о нашем существовании.

Мой муж тут же поменял эти билеты на первый класс. По крайней мере там были отдельные сидения. Ну, первый класс – это сильно сказано. Представьте себе вагон поезда Москва – Ленинград времен ранней индустриализации, только еще более грязный и уставший от жизни. Расстояние нам предстояло преодолеть примерно такое же, как от Москвы до Ленинграда, однако почему-то сразу стало понятно, что резвой езды с ветерком от обшарпанного поезда, на борту которого было написано загадочное слово «Бельдюга», ждать не приходится. И ведь мы не ошиблись!

В путь тронулись на рассвете, пока еще оставалась некая иллюзия ночной прохлады. Первые несколько станций были пройдены нормально. Люди в вагоне менялись, попадались даже европейские лица. На остановках в вагон заходили продавцы еды и напитков, отведать которые мы не решились. Только очень незаинтересованные в сохранении жизни люди способны пить из замурзанного пластикового ведра, в котором плавают сомнительной чистоты кружка – одна на всех...

Но вот более-менее обжитые пространства закончились и пошла абсолютно дикая безжизненная саванна (она же брусс, прерия, пампа, вельд или степь – кому как нравится).

В вагоне в основном остались местные жители. Позади нас сидела малийская семья: муж, жена и маленький ребенок. По их внешнему виду было понятно, что люди они состоятельные.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Патрон был одет в белоснежное гран-бубу из атласной ткани с теснением, богато украшенное золотой вышивкой у ворота и на манжетах. Мадам была в небесно-голубом. На ее пышной груди покоилось золотое ожерелье, центральный элемент которого был с хорошее чайное блюдце. Уши, пальцы и запястья – все было в золоте.

Их сынишка, лет трех-четырёх, был абсолютно потрясен диковинными существами, сидящими прямо перед ним. Он то и дело просовывал свою голову между нашими креслами и зачарованно разглядывал нас, шмыгая сопливым носом. Родители никак не реагировали. Мадам сморило от жары, а месье абстрагировался от житейской суеты и задумчиво мазал губы гигиенической помадой, глядя в окно.

Меж тем солнце начало нешуточно припекать. В вагоне, который никогда даже и не подозревал о существовании кондиционеров, открыли все окна, которые смогли. Не то чтобы это сильно помогло, но хоть слегка развеяло концентрированный запах пота, от которого уже начинало щипать глаза. Зато в открытые окна полетела сажа от горящей в саванне травы. Она еще больше добавила нам чумазости, но к тому моменту это было уже не важно – пытка жарой еще только начиналась.

Вдруг некоторые пассажиры стали вставать со своих мест и выходить в проход между рядами. Они стелили свои коврики на пол и прямо там совершали омовения из бутылок и маленьких чайников. Наступил час намаза. Вода тонкими струйками начала растекаться в разные стороны. Мы поджали ноги.

А поезд все катился и катился так же неспешно, как и сама африканская жизнь.

В Африке вообще никто никуда не спешит. Увидеть бегущего человека можно только в кино или на стадионе. В крайнем случае – на охоте, убегающим от разъяренного слона, если уж так повезет его встретить.

Но все проходит. Закончился и намаз. Все расселись по своим местам. От жары вода на полу быстро высохла, а мы заметили, что с некоторых пор поезд стал подолгу задерживаться на остановках. Приходилось ждать часами неведомо чего. Как потом нам объяснили, дальше шла всего одна колея и возникала вероятность встретиться с идущим навстречу составом в чистом поле, аккурат между станциями. Поэтому, чтобы этого не произошло, прежде чем отправлять поезд, из точки А в точку Б засылали гонца на велосипеде. Он должен был предупредить встречный поезд. Вот ведь гениальное решение!

А пока велосипедист неспешно двигался со своей важной миссией, вокруг поезда происходила непонятная движуха. Почти на каждой станции возле нашего вагона возникало странное существо, одетое в лохмотья, грязнее которых я в жизни не видывала. На них были нашиты какие-то камешки, бусины, косточки и кусочки зеркала. В руках он держал подобие плетки из ослиного хвоста и какую-то погремушку. Из-за чудного соломенного колпака лица почти не было видно.

Пока стоял поезд, он совершал вокруг него неистовый танец, выкрикивая то ли проклятья, то ли заклинания, то ли лозунги. Его сильный голос мог понижаться до густого баса, а потом переходить в резкий фальцет. Впечатление он производил довольно жуткое, но никто, кроме нас, не обращал на него никакого внимания. Мы решили, что этот псих – часть местного колорита.

Пока наша «Бельдюга» неторопливо, но неуклонно продвигалась в нужную сторону, стемнело. Мы поняли, что в лучшем случае прибудем на место глубокой ночью.

Оставалась всего пара остановок. На одной из них поезд застрял надолго. В крошечной тьме разглядеть хоть что-нибудь не представлялось возможным. Однако по звукам, доносившимся с перрона, было понятно, что люди там есть. Но мы были так измучены, что даже выглядывать из окна не хотелось.

С улицы послышался мужской крик: «Таня! Таня!»

Мой муж, находясь в какой-то полудреме, пробормотал: «Надо же, у них тоже есть Тани!» И вдруг вскочил со своего места и крикнул в темноту: «Эй, кто тут Таню ищет?»

– Мы! – радостно закричали из полного мрака.

Как оказалось, это были строители с цементного завода, которым мы везли почту. Из-за плохой телефонной связи с Торгпредством они смогли разобрать только то, что этим поездом едут двое преподавателей и что кого-то из них зовут Таня.

Мы передали им письма, но толком так и не разглядели друг друга в темноте.

Больше мы никогда с ними не встречались.

Глава 2

Нас поселили на огромной белой вилле, принадлежавшей президенту страны, который был уроженцем тех мест. Конечно, четырнадцать комнат, несколько санузлов и ванн – это просто сказка по сравнению с нашими московскими квартирами, но когда по ночам температура воздуха не опускается ниже плюс сорока, а воды и электричества нет и в помине, то это великолепие теряет всякий смысл.

К вилле прилагался постоянный сторож. И какой! Я буду помнить его всю жизнь. Это был маленький тщедушный старикашка с мутными от деменции глазами, но еще довольно бодрый. Звали его Мамаду. По самым скромным прикидкам лет ему было под девяносто. Во всяком случае, морщин у него было на все сто. Жил он тут же при вилле, в небольшом сарайчике во дворе.

Он носил широкие шаровары и бесформенную хламиду вместо рубахи. И на «груди его могучей одна медаль висела кучей». Медаль была такой старой и потускневшей, что понять, за какие заслуги и где он ее получил, не представлялось возможным, а посмотреть ее он никому не давал.

Дед имел скверный характер, однако обязанности свои, как он их себе представлял, исполнял исправно. Каждый вечер, совершив намаз, наш сторож закрывал входную дверь-калитку, стелил прямо на землю поперек входа соломенную циновку и укладывался спать. Рядом с собой старик клал кривую саблю, настоящую, между прочим.

Мы крупно рисковали всякий раз, когда возвращались домой поздно. Муж говорил, что когда-нибудь его окончательно переclinит и он порубает нас в капусту, а я всегда надеялась, что обойдется.

Но вишенкой на торте было старческое недержание мочи нашего градьена. Нам постоянно попадались на глаза мокрые шаровары, которые Мамаду раскладывал сушиться посреди двора. Стиркой он себя не обременял. Однако отказаться от его присутствия мы не могли – сторож подчинялся только владельцу виллы.

К колониальному быту приспособиться было непросто. Поскольку река Сенегал пересохла, то в городе не стало ни электричества, ни воды в водопроводе. По распоряжению директора лицея воду нам привозили в цистерне и сливали в специальный резервуар во дворе. Туда мы кидали обеззараживающие таблетки, а потом муж ручным насосом закачивал воду в баки на крыше. За то время, пока мы были на работе, вода на солнце нагревалась так, что вечером приходилось мыться кипятком. Ну а для еды и питья воду мы еще и фильтровали с помощью керамических фильтров. В общем, на скорую руку ни помыться, ни напиться.

С питанием тоже приходилось приспосабливаться. Продукты хранить было негде, поэтому готовила я каждый день. И хорошо, если у кого-то из нас был выходной. Тогда можно было сходить на базар за мясом. Но если у обоих были занятия, приходилось выдумывать что-то из овощей, фруктов, риса и спагетти. Каждый день к нам приходила торговка овощами с огромным тазом на голове. У нее всегда были баклажаны, помидоры и прочая зелень. Очень выручали блины, которые я наострилась печь почти виртуозно. Мой муж к блинам был достаточно равнодушен, зато Мамаду их очень уважал. Долго потом после Африки я отказывалась их печь и сноровку совершенно утратила.

Из окна моей кухни, а тем более с плоской крыши, хорошо просматривался соседский внутренний двор, где в основном и проходила жизнь большой семьи, состоящей из мужа, его четырех жен и больше десятка детей. Определить, какой жене принадлежит тот или иной ребенок стороннему наблюдателю было практически невозможно.

Конечно, любопытство распирало и я за ними подглядывала.

Жены соседа готовкой занимались по очереди. Каждое утро одна из них наряжалась, водружала себе на голову большой алюминиевый таз для продуктов и величаво отплывала на базар. Там она покупала ровно столько продуктов, сколько требовалось по ее замыслу для данного блюда. В ее тазу могли быть микроскопические порции специй, завернутые в маленькие кулечки из газеты, столовая ложка томатной пасты в прозрачной пленке, мясные кусочки, крупа и много всего такого, что на наш взгляд на еду похоже не было, но составляло неотъемлемую часть какого-нибудь соуса. Готовили прямо во дворе в огромном казане, установленном на угольной жаровне.

Соседские тетки были невероятно чистоплотны. Невзирая на полное отсутствие воды в водопроводе, они ее все же где-то добывали, причем умудрялись из одного ведра не только помыться сами с ног до головы, но и ополоснуть заодно пару подвернувшихся под руку детей, которые бегали по двору совершенно голые. Для омовений у соседей в дальнем углу двора имелся специальный закуток, отгороженный плетеной ширмой, которым пользовались все члены семьи.

А еще соседки были большими модницами. Однажды я наблюдала процесс плетения африканских косичек, происходивший прямо во дворе.

Под огромным манговым деревом на циновке расположились две женщины. Сначала они долго листали местный модный журнал и обстоятельно обсуждали каждую модель прически. Я видела такой журнал у своих учениц. Он печатался в те времена на серой газетной бумаге с фотографиями плохого качества, но никто не жаловался.

Наконец, подходящая модель была выбрана и мастерица приступила к делу. Сначала обе женщины долго сидели, поджав под себя ноги, потом та, которую причесывали, прилегла на правый бок. Процесс продолжился на левой стороне головы. Смотреть непрерывно на них стало скучно, и я занялась домашними делами. Когда же я выглянула вновь, клиентка лежала уже на другом боку. Парикмахерша была неумоима. Она тихонько напевала себе под нос, а когда ей что-то не нравилось, критически осматривала дело своих рук и недовольно цокала языком.

Наконец, когда прическа, состоявшая из множества замысловато заплетенных косичек, была готова, женщина взяла старую газету, скрутила ее в жгут, подожгла и начала этим факелом обрабатывать голову своей подруги. Та оставалась невозмутимой, как каменное изваяние, пока я тихонько изумлялась из своего наблюдательного пункта. Потом женщины любовались прической, разглядывая ее в зеркало с разных сторон и, судя по выражению их лиц, обе остались очень довольны.

После этого случая я уже другими глазами смотрела на своих учениц, которые часто меняли прически.

Глава 3

Лицей, где нам с мужем довелось преподавать, был расположен почти за чертой города – там, где начиналась пустыня Сахара.

Идея вынести учебное заведение в пустыню похожа на чей-то бред после солнечного удара, но тем не менее кто-то все же ее осуществил.

На работу нас возили на раздолбанном лендровере директора. По дороге в машину набивалось до десятка преподавателей. Народ подобрался молодой, с чувством юмора. Пока ехали, все обменивались новостями, обсуждали общих учеников и дружно, по команде водителя, зажимали носы, проезжая мимо полурасколовшегося осла, закончившего свой нелегкий жизненный путь прямо на обочине грунтовой дороги и которого никто даже не подумал закопать.

Занятия проводились в отдельно стоящих бетонных бараках, некогда выкрашенных в белый цвет. Во время министерских контрольных работ или экзаменов классы брали в оцепление автоматчики. Они часами стояли без движения под палящим солнцем и страшно было представить, до какой степени перегревались под касками их мозги.

Такие меры применялись в нашем лицее потому, что там работали ссыльные преподаватели и учащиеся, замешанные в студенческих волнениях.

Например, географию у нас преподавал бывший министр образования. Ему в то время было лет шестьдесят. Когда его отправили в ссылку, он взял с собой только младшую жену – красавицу Хаву, оставив остальных в столице на хозяйстве.

Хава работала секретаршей директора и постоянно что-то печатала на машинке. Мы были ровесницами, только в свои двадцать три Хава уже была матерью троих детей. Несмотря на большую разницу в возрасте, они с мужем были вполне гармоничной парой. Оба из племени догонов. Ко всему прочему, мы жили по соседству и часто ходили друг к другу на чаепития, а по утрам их старший сынишка лет шести приносил нам свежие багеты из булочной, что была рядом с их домом, за что неизменно получал конфету или мелкую монетку.

Обстановка в классах была спратанской: примитивные столы и стулья, вместо доски – кусок асфальта на стене, а в углу каждого помещения стоял большой глиняный сосуд, куда каждое утро наливали свежую воду, чтобы дети могли попить. Однако всякий раз, прежде чем зачерпнуть кружкой воды, в него осторожно заглядывали, потому что однажды туда заползла змея, вызвав небывалый ажиотаж и веселье, сорвавшие урок.

Надо сказать, что змей в Мали – как грязи, на все вкусы. Это и плюющиеся кобры, и гадюки, и питоны. Особенной «любовью» пользовалась змейка-пятиминутка, имевшая обыкновение падать с манговых деревьев. Пять минут, пять минут... Ровно столько оставалось времени с момента укуса – как раз хватало, чтобы попрощаться с окружающими.

Если честно, я не особенно стремилась познакомиться с миром рептилий, поэтому не знаю, как эта змейка выглядит. Мне хватало разнообразных летающих насекомых и тараканов размером с крупную мышь.

В зоне Сахеля, где находился этот чудный городок, нередко случались песчаные бури, которые вызывал ветер харматтан. Он нес обжигающий зной, пыль и мелкий песок.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Складывалось впечатление, что в преисподней, что располагалась где-то неподалеку, приоткрывали форточку, чтобы выпустить лишний жар от душ сгоревших грешников.

В такие минуты действовало правило «каждый помогает себе сам». Быстро захлопывались двери и ставни на окнах, ученики натягивали на головы свои бубу, чтобы уберечь глаза, и старались дышать сквозь ткань. Обычно такая буря длилась всего несколько минут, после чего, отдышавшись и прокашлявшись, все возвращались к своим занятиям. Меня такая буря застала совершенно врасплох, потому что никто не удосужился предупредить о столь необычном явлении природы. Потом уже я стала носить с собой большой платок для таких случаев.

Но все это были мелкие неприятности в сравнении с нелюбовью завуча лица. Вот кто испортил нам немало крови!

Это был высокий поджарый красавец с аристократическими, почти европейскими чертами лица, жуткий расист и женоненавистник.

Меня он вообще считал падшей женщиной и ошибкой природы, однако ничего поделаться со мной не мог, поскольку прислали нас из столицы со всеми необходимыми документами. Приходилось с этим как-то мириться, стискивая зубы. Самое малое, что он был в состоянии сделать, это составить ужасное расписание с большими «окнами», в том числе с занятиями во второй половине дня, когда все живое лежало в глубоком обмороке от невыносимой жары. К тому же он тоже был математиком и несколько раз приходил на мои занятия без предупреждения, пытаясь найти какой-нибудь изъян в моих знаниях. Этот ход конем у него не получился, и он просто перестал меня замечать.

Однако вскоре в наших отношениях произошла разительная перемена. Жена завуча (не помню какая по счету) родила очередного сына. Такие события отмечались широко, с приглашением важных гостей, причем исключительно мужчин. Моего мужа тоже пригласили. Он долго чертыхался и отнекивался, но все же пошел. В качестве подарка мы приготовили набор деревянной посуды с хохломской росписью, который привезли из Москвы. К тому же, вручая его, муж произнес заранее подготовленную поздравительную речь. Не знаю, что больше произвело впечатление на нашего недруга, презент или спич, но буквально на следующий день нам волшебным образом поменяли расписание, да так, что работать стало сплошным удовольствием. Даже мне завуч стал иногда улыбаться... издалека...

Глава 4

Прилетев из Москвы, мы почти сразу попали в глухую провинцию, в самое сердце черной Африки. Нас прислали сюда одних, без всякого сопровождения и почти без каких бы то ни было инструкций – так некоторые неразумные родители бросают в воду своих детей, в полной уверенности, что это единственный способ научить их плавать. По идее работники Торгпредства должны были нас сопровождать, но они боялись этих мест как огня.

Первые дни выходить на улицу было страшновато. Мы ничего и никого здесь не знали, и нам никогда не удавалось остаться незамеченными, даже в темное время суток.

Для местного населения тех лет появление белого человека на улице, а тем более белой женщины, было сродни чуду. Ко мне то и дело подходили маленькие дети и женщины и с опаской трогали меня руками. Позднее нам объяснили, что многие совершенно искренне считали, что у белых нет кожи. Эти люди не были настроены к нам враждебно. В их отношении скорее читалось любопытство, удивление и даже какая-то жалость и сочувствие. Видимо, в

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

глубине души, они считали нас убогими, неудавшимися творениями природы. Где бы мы ни появлялись, нам вслед кричали: «Тубабу!» Так в Мали звали белых.

Тем не менее мне приходилось ходить по улицам каждый день, часто и в одиночку. Это потом, по прошествии лет, я осознала, насколько легкомысленно и беззаботно мы себя вели, не осознавая опасности в полной мере.

Например, за мной постоянно ходили туареги, нудно предлагая купить у них то нож, то саблю. А ведь похитить белую женщину в тех условиях было парой пустяков. И никто бы потом не стал гоняться за этими кочевниками по Сахаре ради какой-то училки.

Отдельным приключением было каждое посещение рынка. Здесь было диковинно все – от бакалейных товаров, выставленных в приоткрытых мешках, до сезонных фруктов, привозимых в огромных фурах и вываливаемых горой на землю. Сезонные фрукты сменяли друг друга: апельсины, грейпфруты, арбузы, манго. И все такое сочное и вкусное!

Базар был наполнен шумом, состоящим из гула людских голосов, истошных куриных воплей, оглушительной музыки, несшейся из переносных магнитол, зычных криков зазывал. К тому же он был чрезвычайно пахуч. Пахло очень разнообразно: от гниющих фруктов до тухлой сушеной рыбы, от человеческого пота и испражнений до незнакомых пряностей. И над всем этим великолепием вились тучи мух. От их сине-зеленых, с металлическим отливом тел, а также их басовитого монотонного жужжания спасения не было никакого.

На рынке было принято смачно торговаться, к чему девочке из Москвы приходилось долго и мучительно привыкать.

Привыкать приходилось и к долгим обстоятельным приветствиям. Особенно интересно это выглядело со стороны. Завидев друг друга, знакомые начинали здороваться издали. (Не зная языка бамбара, я воспринимала их как некую джазовую мелодию с ярко выраженными синкопами. Потом уже я узнала, что задают они друг другу самые обычные вопросы типа «Как жизнь?», «Как дела?» и т. д.) По мере того как расстояние между людьми сокращалось, возгласы становились все радушнее и пространнее. Поравнявшись друг с другом, обменявшись рукопожатиями и похлопав друг друга по плечам, мужчины продолжали двигаться, каждый в своем направлении, не оборачиваясь. А диалог все продолжался, постепенно затухая: «Как дети?», «Как здоро...»

Иногда по вечерам мы ходили на другой конец города в местный кинотеатр, где работала электрогруппа и у входа горела тусклая, заросшая паутиной лампочка. Под ней часто можно было увидеть наших учеников, сидящих прямо на земле и делающих уроки. Это безмерно умиляло и вызывало уважение, ведь в городе совсем не было света, а домашнее задание нужно было выполнить.

Темнота по ночам в городе была кромешная, но местные жители как-то умудрялись обходиться без фонариков. Со временем к этому привыкли и мы.

Однажды мы возвращались из кинотеатра и вдруг увидели, как навстречу нам плывет в ночи Белая Шляпа. Хозяин шляпы полностью сливался с окружающей тьмой. Зрелище было жутковатым. Когда же он приблизился, к шляпе добавились и ослепительно-белые зубы, и блестящие глаза. Оказалось, что это молодой парень. Он поздоровался, улыбаясь до ушей, и вдруг неожиданно запел: «Главное, ребята, сердцем не стареть...» Вот это был сюр! Потом он рассказал, что подростком работал на подсобных работах у наших геологов.

Глава 5

Жизнь в любой провинции не богата событиями, а в африканской скучна и однообразна до воя на луну. Дни тянутся неспешно и изнурительно, как обезвоженная улитка по горячей сковороде. Работа – работой, но ведь было же и свободное время! Когда вставал вопрос, чем себя занять, в нашем распоряжении была всего пара-тройка незатейливых вариантов. Про кино я уже упоминала. Еще мы любили ходить на берег обмелевшего Сенегала, посидеть на нагретых за день камнях в предвечернее время. Нам нравилось наблюдать за жизнью, которая кипела вокруг уцелевших очажков воды. Сюда приходили люди со всего города помыться и постирать белье, а заодно и пообщаться.

А по дороге к реке мы всегда заходили в госпиталь. Там работали наши врачи: хирург и рентгенолог. Они жили на территории больницы в странном деревянном доме на сваях, ветхом настолько, что всякий раз, подходя к нему, мы удивлялись, увидев его на прежнем месте. Дом жил своей жизнью. Он стонал и скрипел, шелестел песком, скапливавшимся во всех щелях и даже слегка покачивался в ветренную погоду.

С врачами мы дружили, хотя из-за работы виделись редко. Несмотря на страшное жилище, у них было огромное преимущество. Во время операций в госпитале включали электрогруппу и тогда начинали работать холодильники. Мы приходили к ним попить холодной (!!!) воды. Это был праздник!

Нашим медикам тоже приходилось несладко. Местные жители, привыкшие терпеть до последнего, обращались к врачам уже тогда, когда их состояние было близким к критическому. Хирург всякий раз совершал профессиональный подвиг, доставая пациентов с того света.

В госпитале, как и во всем городе, тоже не было воды, поэтому женщины, которым пришло время рожать, приходили в больницу, неся на голове ведро с водой для себя и для новорожденного.

И все-таки одно событие сильно взбудоражило жителей города и осталось в памяти надолго. Как оказалось, по главной дороге, пересекавшей город, проходил маршрут ралли Париж – Дакар! Мы совершенно случайно оказались рядом. На улице уже собралось много народу, привлеченного перспективой необычного развлечения. Когда мы подошли, основные участники уже скрылись далеко впереди в клубах красной пыли, но и нам было на что помотреть!

Мимо пронеслись машины технического сопровождения и разные другие средства передвижения, принадлежавшие, очевидно, группе болельщиков и всяким эксцентричным неофициальным участникам. Помимо грузовиков и легковых автомобилей по дороге двигались большие внедорожники, на радиаторах которых красовались выбеленные на солнце черепа крупных антилоп и буйволиные рога. Также ехали тяжело груженные мотоциклы. Публика была не менее живописна. Это были крепкие брутальные бородатые мужчины, с ног до головы покрытые пылью. Многие из них, увидев нас, сигналили и свистели, выражая свою радость от встречи с белыми людьми, так неожиданно оказавшимися в затерянном на краю пустыни маленьком городе. Мы тоже махали руками как ненормальные и что-то кричали им вслед. Не знаю почему, но в тот момент мы чувствовали себя абсолютно счастливыми, хоть и вдоволь наглотававшимися пылью.

МАЛИ, начало 80-х...

Часть 2. Жизнь столичная

Глава 1

На следующий учебный год нас перевели работать в Бамако.

Столичная жизнь разительно отличалась от захолустной во многих аспектах. Во-первых, нам пришлось приспособливаться к жизни в советской колонии, жизни весьма и весьма затейливой. Внешне это была жизнь идеального муравейника, где царили добрые, честные, прекрасные дружеские отношения, где все было за все хорошее против всего плохого. На деле это было не совсем так. Интриги, стукачество и повсеместная ложь были основой жизни этого разношерстного коллектива, каждый отдельно взятый член которого, что характерно, был вполне приличным и вменяемым человеком.

Чего только стоило переименование партийной и комсомольской организации в загадочно-кокетливые профсоюзную и физкультурную соответственно! Эта игра в казаки-разбойники у большинства наших соотечественников вызывала гомерический хохот, который приходилось тщательно скрывать под маской напускной серьезности и бдительности. Оно и понятно – кругом же сплошные враги из империалистического лагеря!

Во-вторых, жизнь в столице подразумевала неизбежное участие в разных общественных мероприятиях. Например, каждую субботу за нами заезжал автобус, чтобы отвезти в посольский клуб. Там сначала читали обязательную занудную лекцию о международном положении, пугая врагами родины, которые с каждым днем все теснее смыкали вокруг нее свое безжалостное железное кольцо.

Потом объявлялся перерыв, во время которого женщины предавались сплетням и обмену выкройками и рецептами, а мужики, впечатлившись перспективой неминуемой гибели, шли в буфет, где успевали так надергаться огненной воды, что вторая часть программы, а именно кинофильм, проходила незамеченной.

Поселили нас на вилле, разделенной на четыре квартиры, обставленной такой рухлядью, что ни в сказке сказать...

Завхоз тогргпредства с гневом и возмущением любил рассуждать: «Вот ведь хороший кондиционер (холодильник). Пять лет проработал в посольстве без проблем, потом еще десять – в торгпредстве. И никто не жаловался. Стоило отдать его преподавателям, как он тут же – бац! – и распался на части!»

Но зато у нас были электричество и вода! Почти каждый день!

Наша вилла стояла на краю рынка, что, с одной стороны, было большим удобством. С другой стороны, за стеной находилась лавка бакалейщика. Он торговал решительно всем – от керосина и гвоздей до сливочного масла и сахара. И все бы ничего, но была у него маленькая, но уж очень большая слабость: любил он громкую музыку с национальным колоритом. Особенно часто он зависал на хите, текст которого состоял из двух слов «виски-и-и... сода-а-а...». Он врубал эту песню вновь и вновь, и уже через пять минут хотелось биться головой об стену – так она была хороша... Мой муж неоднократно порывался пойти и настучать ему по кумполу, но я была против международных конфликтов (как учили нас на физкультурных собраниях), поэтому старалась их не допускать.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Вообще с соседями по вилле нам повезло. Мы никогда не ссорились и довольно часто ходили все вместе в местный кинотеатр.

Однажды, среди бела дня, к нам из посольства приехал офицер по безопасности. С глубоким прискорбием и надрывом в голосе он сообщил о безвременной кончине нашего «дорогого Леонида Ильича».

Радио мы иногда слушали, поэтому удивить нас ему не удалось. Он сообщил, что в связи с тяжелой утратой и траурными днями возможны всяческие провокации (???!!!). Поэтому нам предписывалось запастись продуктами на несколько дней и из дома не выходить.

Гробовое и изумленное молчание нарушил мой муж. Он нагло спросил, нужно ли при этом ходить на работу. Офицер как мог призадумался, а потом серьезно и решительно ответил, что обязательно нужно, после чего поехал на следующий объект, оставив нас наедине со своим когнитивным диссонансом.

К вечеру народ совсем было затосковал, но тут кому-то в голову пришла мысль. Раз у нас траур и выходить из дома «как бэ» нельзя, но на работу все же можно и нужно, то почему бы не сходить в кино? Разумеется, медленно и печально...

Сказано – сделано! Пошли все.

Каково же было наше изумление, когда в кинотеатре мы встретили своих соотечественников с соседней виллы в полном составе!

Глава 2

Обычно лицей, где работал тот или иной преподаватель, старались выбрать поближе к дому, но нам с мужем не повезло. Нас определили в разные лицей, находившиеся далеко не только от дома, но и друг от друга. Возникла большая проблема с транспортом. Хоть у нас к тому времени уже и был мопед, но толку от него особого не было. Мне одной, как женщине, ездить на нем почему-то было запрещено, а расписание у мужа было таким, что подвозить меня он мог от силы раз в неделю. Все остальное время приходилось ходить пешком через весь город, а это примерно час бодрым шагом и в спортивной обуви. Хорошо если по «утренней росе», а обратно как, по самому пеклу?

Транспорт нам не полагался, к тому же категорически запрещалось пользоваться попутными машинами, а также ездить на такси. Оно и понятно – «наши люди в булочную на такси не ездят». Все эти инструкции мы получали в одном козырном местечке на Старой площади, которое носило загадочное название «Инстанция». Там заседали какие-то замшелые старцы, которые и изобретали всю эту дичь.

Ясное дело, ведь езда на такси может невероятно замарать светлый образ советского человека! Однако для местных жителей видеть бредущую в пыли по самой жаре белую женщину было еще большей дикостью. Очень часто около меня притормаживали машины с предложением подвезти. Сначала я опасалась, а потом поняла, что это абсолютно нормально. Ну а кроме того, я стала отходить подальше от нашей виллы и брать такси вопреки всем запретам.

Надо сказать, что в те времена столичное такси, как правило, ради одного пассажира с места не трогалось. Водитель старался набить машину под завязку и только потом трогался с места по маршруту, который оглашался заранее.

Однажды утром я долго не могла поймать машину и уже начала нервничать, что опоздаю на занятия, как вдруг неожиданно мне крупно повезло – в подъехавшем такси оказалось одно

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

свободное место для меня, к тому же рядом с водителем. На заднем сидении восседали три важных джентльмена, причем один из них был в шляпе и с портфелем.

Машина бодро рванула с места, но, не проехав и половины пути, закашляла и остановилась. Как оказалось, у нас кончился бензин. Я взгрустнула и уже хотела продолжить свой путь пешком, но водитель замахал руками и сказал, что сейчас поедем.

Он вышел из машины и направился к двум мальчишкам, сидящим на обочине. Перед ними на земле стояли разнокалиберные баночки и бутылочки с какой-то розоватой жидкостью, напоминавшей слабый раствор марганцовки. Как оказалось, это был бензин. Поторговавшись, таксист купил небольшой пузырек и опрокинул его содержимое в бензобак. Машина возмущенно кашлянула, но потом тронулась в путь, как ни в чем не бывало.

И мы уже почти доехали до нужного места, как мотор заглох опять. На сей раз мальчишек с бензином нигде видно не было, а до ворот лицея оставалась какая-то сотня метров. Я заплатила за проезд и собралась выходить, но водитель отчаянно запротестовал.

Дальше ситуация развивалась, как в оперетте. Таксист что-то сказал своим пассажирам, сидевшим сзади. Те вышли из машины, смачно поплевали на руки и стали энергично толкать авто к воротам лицея. Я чуть со стыда не сгорела, когда машина молча, но гордо вкатилась во двор под веселое ржание моих учеников, которых к тому времени собралось уже довольно много.

Да и лицей мне достался непростой. Никто из наших преподавателей там работать не соглашался, потому что в нем учились дети местной верхушки и ответственность была колоссальная, чему я по недомыслию не придавала большого значения.

Был у меня один выпускной класс, где учились: сын президента страны, дети министра обороны, министра юстиции и прочих начальников. Класс был гуманитарный, а я приперлась к ним со своими интегралами и сразу поняла, что дело дрянь. Математика этим мажорам нафиг была не нужна. А куда деваться? Раз положено по программе – получайте. Экзамены все равно сдавать придется.

Обстановочка в классе была адской. Дисциплины никакой. В первый же день эти избалованные подростки попытались сорвать мне урок. Пока я объясняла новый материал, пока писала на доске формулы, недоросли шушукались и хихикали.

Один парень вел себя особенно вызывающе, и я сказала, что если он не прекратит кривляться, то вызову его отца к директору. Класс зашелся в хохоте. Как потом выяснилось, это и был сын президента.

Потом я вернулась к теме урока, а он попытался зайти с другой стороны, неожиданно заговорив со мной по-английски. И тут, видимо, сработал стресс, так как я, не поворачиваясь к классу, перешла с французского на английский, благо за плечами была московская спецшкола и не все еще выветрилось из головы.

Обернувшись к классу, я заметила, что народ как-то слегка поскучнел. Я ехидно поинтересовалась у аудитории, на каком языке они предпочитают постигать науку в это время суток, предложив им для разнообразия еще и наш великий и могучий.

После этого случая попыток сорвать урок больше не было, хотя, конечно, вели они себя достаточно вольно. А сын президента оказался очень милым парнем. Интересно, что с ним стало...

Глава 3

Не могу сказать, что жизнь в Бамако была в те годы ключом, но, по сравнению с анабиозом провинции, выбор развлечений все-таки был. А как он расширился с появлением у нас транспортного средства! Это был мопед. И какой! Красный, итальянский, фирмы Piaggio. Мечта!

Мы «носились» (во всяком случае, нам так казалось) по городу, и ветер свободы обдувал наши разгоряченные лица и развеивал волосы. И что особенно приятно – рядом не было соглядатаев.

В особо жаркое время мы ездили в отель «Амитье», торчавший над городом, как инородный предмет. Там был современный кинотеатр с кондиционерами и хорошим репертуаром. Именно там мы впервые посмотрели фильм «Профессионал» с Бельмондо.

А однажды нас занесло в этнографический музей. Мой муж вообще был большим любителем таких мест. На входе нам предложили персонального гида, и мы согласились. А кто ж не согласился бы, если им оказалась молодая красотка с косичками, заплетенными квадратно-гнездовым способом? Барышня трещала без остановки, рассказывая о многочисленных племенах Мали и их традициях, переходя от одного экспоната к другому. Она охотно отвечала на наши вопросы, как прилежная ученица, вызубрившая урок.

Особенно ее воодушевил раздел, посвященный догонам. Тут ее совсем невозможно стало остановить. Она упомянула и о загадочности их происхождения, и о тайных знаниях (чуть ли не из молекулярной биологии и ядерной физики), хранимых и передаваемых из поколения в поколение, о странной их связи с Сириусом.

Меня, как человека приземленного, интересовал вопрос о том, сохранился ли у догонов каннибализм или отошел в прошлое.

И тут деваху понесло! Она сделала страшные глаза и сказала, что вообще-то это запрещено, но традиция человеческих жертвоприношений жива! Разумеется, все это «далеко в горах и не в нашем районе». Ну да...

Якобы в дальних деревнях догонов время от времени такой обряд проводится. Для этого существует специальная хижина, входить в которую имеет право только местный колдун. Если в деревне пропадает кто-то из мальчиков, спрашивать, куда он подевался, не принято. Все и так догадываются, что сие означает.

Насколько нам удалось понять, колдун готовит ритуальную трапезу для старейшин, состоящую из мясного блюда, в состав которого входит мясо животных и человека. Старейшины собираются вокруг большого глубокого блюда, напоминающего корыто, выдолбленное из цельного дерева. Они садятся к нему спиной и достают куски мяса вслепую. Случается, что вожди племени съедают собственных сыновей...

Потом мы долго размышляли, что это было, быль или сказка для туристов...

Естественно, мы тут же вспомнили своих приятелей-догонов из провинции, но сколько ни старались, представить их каннибалами так и не смогли...

Глава 4

Наступили зимние каникулы. Контрольные написаны и проверены. Занятия закончились. Отдыхай – не хочу.

И тут наши мужчины заскучали. (Напомню, что на этой вилле жили четыре семьи преподавателей). И правда, чем себя занять, если выбор невелик?

И вот однажды утром нашему соседу, литовцу Йозасу, пришла мысль, а не съездить ли на рыбалку. Идея показалась всем свежей и небанальной.

Решено было ехать на старый мост. Когда-то он представлял собой затейливое зигзагообразное сооружение, связывавшее берега реки Нигер. К тому времени от него мало что осталось, но мы почему-то решили, что для рыбалки место вполне подходящее.

И никто из нас даже не вспомнил о том, что около этого моста обитало семейство бегемотов, которых мы там, кстати, неоднократно видели. А ведь считается, что именно бегемот – самый свирепый и безжалостный убийца в Африке, хотя и выглядит вполне безобидно. Дело в том, что гиппопотам – животное территориальное и свои владения защищает, как Брежнев Малую Землю: люто, до последней капли крови. Кстати, этой его особенностью пользуются некоторые фермеры в ЮАР для охраны своих апельсиновых садов.

Решено было ехать всем составом, на четырех мопедах. Женщин брать с собой не хотели, но, поворчав немного, смирились.

Оставалось обдумать детали. Удочек ни у кого не было, но крючки и лески были. Что делать? Йозас, который в то время был вдвое старше и крупнее моего мужа, посмотрел на него с ленинским прищуром и спросил: «Сынок, а ты когда-нибудь ловил на донку?»

«Стотыщпятьсот раз», – не моргнув глазом ответил тот. И я поняла, что донку он никогда в глаза не видывал. Понял и Йозас, поэтому остаток вечера мужчины занимались рукоделием, то есть привязывали крючки и грузила к лескам.

Когда несколько донок были готовы, выяснилось, что для последней не хватает какого-нибудь основательного груза, чтобы прикрепить на конец лески. Муж покопался в своих инструментах и извлек старинный амбарный замок, на котором было написано что-то про артель купца Калашникова. Это мой папа снабдил нас на всякий случай всячим замком, решив почему-то, что в Африке нам без него ну никак не обойтись. По прямому назначению его не использовали лет эдак сто, зато весил он ого-го сколько!

Путь на реку предстоял неблизкий, поэтому тронулись мы затемно. Необходимо было пересечь весь город, чтобы выехать на нужную проселочную дорогу. Когда мы выехали за пределы города, только-только забрезжил рассвет.

Вдруг где-то впереди, в полумраке, мы заметили странную фигуру в армейском бушлате с автоматом в руках. Часовой переминался с ноги на ногу и отчаянно скучал. Что он делал в это время суток один на дороге, мы не знали. Может, у них так принято? Мы-то сами впервые покинули дом в столь ранний час и понятия не имели, что тут происходит по ночам...

Муж повернулся ко мне и сказал: «Сделай морду кирпичом и не смотри ему в глаза!»

Морду кирпичом? Да легко! Я изобразила «Рабочего и колхозницу» – два в одном. Ой, подумаешь! Да у нас в Москве такими лицами весь общественный транспорт переполнен.

Не останавливаясь, мы нагло проехали мимо, пока солдат безуспешно пытался включить мыслительный процесс. За нами проскочили и все остальные. Стрелять во всяком случае он не стал... Таких постов мы проехали еще два или три и благополучно прибыли на место рыбалки.

Потом только мы узнали, что в тот день была совершена попытка военного переворота, которую безжалостно подавили, подстрелив несколько человек.

А мы тем временем, так и не вспомнив ни про крокодилов, ни про бегемотов, радостно разматывали свои удочки. Пока насаживали червей, пока разбрасывали приманку, солнце и вошло.

Йозас показал нам, как правильно закидывать донку. Мой муж не зря ходил в школе на физкультуру и, судя по всему, гранату метал хорошо. Вот и в этот раз он взял «купца Калашникова», размахнулся и швырнул его изо всех сил как можно дальше. Антикварный замок просвистел над водой и с громким хлопаньем скрылся из виду где-то о-о-очень далеко.

Больше его никто никогда не видел, как, впрочем, и леску с крючками. Ну забыл человек закрепить противоположный конец лески! На этом закончилась рыбалка моего мужа и песня про купца Калашникова. Как же над ним потешались мужики! Но ничего, честь семьи я не посрамила и на свою донку рыбы поймала больше всех.

Одна из попавшихся мне рыб была разновидностью рыбы фугу. Как только ее достали на поверхность, она стала раздуваться, как шар, и кудахтать по-куриному. Тогда мы не знали, что эту рыбу нужно было сразу же почистить, еще на берегу, чтобы избавиться от кожи и внутренностей, которые были жутко ядовиты. Ну а нерадивые рыболовы притащили домой весь улов в одном пакете и его пришлось выбросить от греха подальше.

Да-а-а, нелегким, видать, выдался тот день для наших ангелов-хранителей...

Я вот так представила их всех, сидящих, сгорбившись, на облаке – уставших, поседевших, нервно смолящих папиросы... И то сказать: и мятежные повстанцы, и бегемоты, и фугу... Да и крокодилов в тот день надо же было чем-то занять.

Глава 5

Это я сейчас шопинг не люблю, а тогда, в начале 80-х, после унылых московских магазинов любая возможность прогуляться по местным торговым рядам воспринималась как красочное приключение и всегда приветствовалась.

Конечно, в Бамако были вполне приличные магазины и даже один французский супермаркет. Там все было необыкновенным, начиная от диковинной еды в ярких упаковках и кончая простыми предметами быта.

Но гораздо чаще мы посещали менее цивилизованные места. К примеру, мы с мужем любили прогуливаться по ремесленным рядам. Там изготавливали и тут же продавали маски из черного и красного дерева, изделия из кожи, а также ювелирные украшения. С разрешения хозяина лавки можно было зайти «со двора» и понаблюдать за тем, как плавят золото и серебро очень допотопным способом, и проследить все этапы превращения куска металла в красивую вещь.

У женщин любимым местом была улица, которую между собой все называли «Пески». Это потому, что вместо утопанного грунта (что уж мечтать об асфальте!) она была сплошь засыпана песком. Это была улица «тряпочек». Вот, где можно было потерять рассудок! Во всех магазинчиках продавали ткани или сопутствующие шитью товары. Около каждой лавки в плетеном кресле восседал хозяин в расслабленной позе, откликавшийся исключительно на обращение «патрон». Как правило, сам он покупателей не обслуживал. Для этого всегда имелся подмастерье. А вот обсуждение цены и завершение сделки было его прерогативой.

Но существовало в центре города одно благоуханное местечко (справедливо именуемое нашими компатриотами «вонькой»), которое я не забуду никогда. Представьте себе странное круглое циркообразное сооружение, состоящее из нескольких уходящих под землю уровней. Внутри это были сплошные плохо освещенные галереи, запутанные переходы, лестницы и площадки, где торговали решительно всем на свете. Лавки одежды, обуви, посуды, бижутерии, кожи, часов, техники соседствовали друг с другом. Там же, на самом низком уровне, торговали едой, специями и даже колдовскими снадобьями. И чего только не входило в набор практикующего колдуна! Сушеные змеи, жабы, крысы, обезьяньи головы, кора деревьев, резко пахнущие порошки сомнительного происхождения, бусы,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

амулеты, травы, пузырьки с подозрительными жидкостями, кости, скальпы, словом – колдуй не хочу...

Вонька жила по своим законам и, как я подозреваю, была дальней кузиной знаменитого «чрева Парижа».

Хозяева торговых точек не имели возможности оставлять свои лавки без присмотра, поэтому ели-пили и... все такое прямо тут же, «не отходя от кассы».

Для покупателя главным было – не потерять сознание от зловония сразу же на входе. Если это удавалось, дальше обоняние отшибало если не полностью, то хотя бы частично. Не могу сказать, что снаружи пахло как-то особенно хорошо, но все познается в сравнении. Представьте себе смесь запахов специй, концентрированной мочи, горящих ароматических палочек, тухлой рыбы, тяжелых восточных парфюмов, гниющих пищевых отходов. Плюс оглушающая музыка и крики зазывал да жуткая неподвижная духота...

От всего этого спирало дыхание, щипало глаза и закладывало уши. Кроме того, постоянно приходилось внимательно смотреть себе под ноги, чтобы в полумраке не вступить во что-нибудь эдакое. Пробираясь сумрачными лабиринтами, следовало все время быть начеку, поскольку встретить можно было кого угодно – и богатого господина в белоснежном бубу, и бродяг, и прокаженных на разных стадиях своего заболевания. Но разве ж это нас останавливало?

Как говорят, теперь в Бамако этого волшебного местечка больше нет...

Вообще в центре города в те времена было очень интересно, вот только жара была невыносимой...

Глава 6

Моего мужа укусил скорпион. Дело было дома, поздним вечером. От нас только что уехал консул Валера, появившийся как раз к ужину. Валера жил в Африке по принципу «ни секунды на трезвую голову», поэтому всегда возил с собой бутылку виски, либо знал наверняка, где можно восполнить нехватку огненной воды.

К тому же день был особенный – зарплата! Надо сказать, что этот день был страшен своей алкогольной неотвратимостью в советской колонии.

В общем, за ужином моему мужу пришлось брать удар на себя, потому что я в те времена таких напитков не употребляла, к тому же у меня на утро была первая пара занятий. И надо было быть в форме.

После отъезда консула я пошла заваривать чай и вдруг услышала вопль мужа. Он кричал, что я разбросала везде свои иголки и булавки. Я посчитала это пьяным бредом, но в гостиную на всякий случай заглянула. Муж скакал на одной ноге, держась за большой палец другой ноги.

Внимательно присмотревшись к пестрому мозаичному полу, я увидела скорпиона с задраным хвостом, с которого свисала капля яда!

К тому времени в Африке мы жили уже не первый год, и я отучилась визжать при виде разных тварей, а гигантских тараканов била тапкой без промаха. Поэтому скорпиону досталась смерть лютая – от крутого кипятка из чайника, который я все это время держала в руках.

Тем временем с мужем моим стало происходить нечто странное. Он молниеносно протрезвел, хотя за секунду до происшествия был изрядно пьян. К тому же его начало потряхивать. Я побежала звать на помощь соседей по вилле. На мои крики прибежала жена

одного из преподавателей. Она была рентгенологом. И пока все остальные возбужденно верещали, решая, что же делать, она наложила жгут и отсосала яд из ранки (святая женщина!).

Мужчины решили побеспокоить владельца виллы – огромного толстого малийца, который жил со своими четырьмя женами и кучей детей в доме напротив. Патрон (он обожал, когда к нему так обращались) сам вызвался отвезти нас в торгпредство к врачу, поскольку телефонная связь была такого качества, что проще было дойти пешком, чем дозвониться.

В торгпредстве тоже был день зарплаты, но доктор все еще держался на ногах. Он заставил моего мужа померить температуру, которая к тому времени подскочила выше сорока, потом задумчиво почесал репу и стал рыться в шкафу. Спустя несколько минут он с победным кличем извлек из его недр небольшую заплесневелую коробку. «Сыворотка! – радостно сообщил доктор. – Выпускается специально для геологических партий, работающих в Средней Азии».

Мы стали читать краткое содержание: гадюка, кобра, гюрза, тарантул. О скорпионах – ни слова! Но доктор сказал, что по идее тарантулы и скорпионы – один хрен. Тут во мне проснулась вредина-отличница по зоологии, и я заметила, что в Средней Азии скорпионов видимо-невидимо, однако же в аннотации они почему-то не упоминаются. Доктор не стал спорить и, тяжело вздохнув, поставил мужу капельницу, куда набодяжил всяких витаминов и еще бог знает чего. Потом он отправился звонить в посольство. Пока его не было, подошел второй врач – стоматолог. Он тоже включился в процесс лечения и тоже что-то добавил в капельницу.

А пока развивались эти события, новость о происшествии успела долететь до перманентно пьяного консула. Он примчался в медпункт и сильно впечатлился душераздирающим зрелищем и историей о сыворотке. Пообещав скоро вернуться, он поспешил к своей машине, но по дороге ему попался шофер посла – здоровенный мужик с увесистыми кулаками. Тот с готовностью согласился съездить с Валерой во французский госпиталь, и машина умчала их в ночь...

Между тем муж мой, доселе лежавший без движения, стал подавать признаки жизни. Он встrepенулcя, схватил штатив от капельницы и бодрым шагом пошлепал в туалет.

«Мочегонное», – задумчиво сказал стоматолог. «Как? И ты дал ему мочегонное?» – изумился вернувшийся терапевт.

Короче, остаток ночи больному было чем заняться.

А где-то в темной жаркой ночи двое колотились в ворота госпиталя...

Им открыл заспанный фельдшер, на которого набросился шофер посла. С криками «Сыворотку давай, сволочь! Развели тут всяких гадюк!» он схватил несчастного малийца за грудки и поднял над землей. Тот совершенно ошалел от такого натиска, к тому же на непонятном ему языке. Когда же его вновь поставили на пол, а консул перешел на французский язык, он спросил, какого цвета был скорпион. Дело в том, что одна из разновидностей скорпионов была смертельно опасной и суетиться в этом случае просто не имело смысла. (В дальнейшем мы так и не получили ответа на этот вопрос, потому что скорпион, которого я поместила в стеклянную баночку, после водных процедур приобрел красноватый оттенок и идентификации уже не подлежал.) Не получив вразумительного ответа, фельдшер объяснил, что ничем помочь не может, разве что поспрашивать местных знахарей насчет целебного камня, который в следующий раз (!) нужно прикладывать к ране сразу после укуса.

Но наши люди сдаваться не привыкли. Не найдя сыворотки в местном госпитале, они вдруг вспомнили, что своих-то врачей туча! И среди них был даже профессор, доктор медицинских наук. Он был опытным нейрохирургом, но, приехав в Африку, обнаружил, что мозги тут никто не лечит, зато родовспоможение пользуется бешеным спросом. Пришлось

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

профессору срочно перелистать учебник по акушерству и гинекологии и перестраиваться на ходу, за что он получил прозвище «нейрогинеколог».

По счастью, найти его в ночи нашим друзьям не удалось, потому что наутро, когда профессор пришел в себя, он сказал, что надо было сразу ампутировать палец – и дело с концом. Так что поневоле задумаешься над сентенцией, что пить не только вредно, но и полезно.

Когда забрезжил рассвет, муж, пробегая мимо меня в очередной раз в туалет, запросился домой. Он сказал, что лечиться ему уже поднадоело и сильно хочется спать. Пришлось долго уговаривать врачей, но в конце концов они согласились нас отпустить.

Долго еще потом к нам шли ходоки, желающие взглянуть своими глазами на выжившего в катаклизме.

**Мария Лисиченко. Сиреневые сумерки.
2021. Холст на картоне, масло. 40x43**

**Мария Лисиченко. Земля и город.
2021. Холст на картоне, масло.
40x50**

ПРОЗА

*Александр Поликарпов
(Москва)*

СПИ, МОЯ ДОЯРКА

В той стране, в которой мы родились и выросли, из которой нас однажды вывели, пообещав одно, а приведя к другому, существовало понятие хозяйственного способа строительства жилья.

Это такой способ, когда предприятие, чаще всего крупное промышленное предприятие, своими силами, за свой счет, строило дома для своих работников и само же эти дома в дальнейшем обслуживало. На подобных предприятиях существовали специализированные подразделения, которые назывались по-разному – строительным цехом, строительным отделом, строительно-монтажным участком, но суть их была одна: собрать вместе рабочих строительных специальностей и их силами соорудить хоть рабочий поселок, хоть заводской стадион, хоть фабричный Дом культуры.

Предприятия старались строить быстро и добротнo. Если затягивать со сроками, то выйдет дороже, а деньги-то свои, зачем тратить лишнее? Если строить кое-как, то потом на обслуживании разоришься, ремонт за ремонтом. А деньги-то по-прежнему свои, со счета предприятия, не из бюджета и не от граждан.

Придерживались золотой середины. Сроки особенно не гнали, а ставили такие, чтобы строители успевали качественно отработать каждый на своей операции и не сдавали объекта со скрытыми недоделками. Недоделки все равно случались, но это было на рабочей совести каждого исполнителя. Материалы покупали не самые дорогие, но и не такие, чтобы кирпич в руках рассыпался. Бетон и строительный раствор чаще всего не покупали, а ставили растворный узел и месили то, что сейчас требовалось. Получалось и дешевле, и качественнее.

Технологическую цепочку тоже продумывали. Каменщики завершают последние этажи, а на первых уже трудятся отделочники. Тут же сетевые дела. Роят траншеи под газ, водопровод, отопление, канализацию. Тянут электричество и телефон.

Работал на одной такой стройке молодой человек по имени Дмитрий. Впрочем, Дмитрием его никто не называл, если только иногда прораб, когда хотел соблюсти официальность, чтобы за что-то отругать. Димой называли редко, по большей части, незамужние девчата-маляры. Все остальные обращались к Дмитрию по произведенному от его имени прозвищу, больше напоминавшему собачью кличку – Димон.

Димону шел двадцатый год, он должен бы служить, однако в армию его не призывали. От армии у него имелась отсрочка, а почему отсрочка, на сколько отсрочка, людей хотя и интересовало, но никто к нему с этим вопросом не лез. Люди и без того видели, что не зря военкомат предоставил парню отсрочку. Димон парень вроде бы здоровый, рослый, сильный, а как спросишь что-нибудь посложнее, даже и не посложнее, а так, из области общего кругозора, ответить не может. Стоит, кривит губы в улыбку на конопатом лице, словно провинившийся ребенок, тербит ежик коротких светлых волос и молчит. Некоторые говорили,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

что Димон дурачок. Нет, так говорить нельзя. Несколько не в себе, с отставанием в развитии. Так можно. И ко всему парень незлобивый, не хулиганистый, послушный и исполнительный. Конечно, давать такому в руки автомат нельзя. Кирпичи можно, а автомат ни в коем случае нельзя. Потому отсрочка. Может быть, у него еще все и наладится.

Кем работал Димон? Никем, если говорить о специальности. Никакой строительной специальности Димон не имел. Он вообще никакой специальности не имел. Однако нуждались в нем все и постоянно. Как так?

Среди тогдашнего не скажем «надувательства народа», скажем «среди идеологических методов работы с населением» было в ходу присвоение представителям рабоче-крестьянской массы почетного звания «Ударник коммунистического труда». Но народ – не сборище простаков, как кому-то, может быть, казалось. Народ прекрасно понимал, что власть его дурачит, что коммунизм видится только некоторым начальникам и только тогда, когда им нужно выступать перед массами, а больше никому и ниоткуда не видится. Однако из-за жесткой репрессивной системы, из-за собственного равнодушия и безразличия – плетью обуха не перешибешь – народ не протестовал открыто, а высказывал недовольство политической системой по-особенному, высмеивая и вышучивая способы и приемы идеологической обработки населения.

Например, случилась такая выдумка, когда правительство учредило для товаров народного потребления так называемый «Знак качества». По замыслу партаппаратных выдумщиков «Знак» должен был в очередной раз продемонстрировать преимущества социалистического способа производства над капиталистическим и гарантировать безупречную добротность изделий, но с возложенной на него задачей не справлялся. Не демонстрировал и не гарантировал. Дело состояло даже не в том, что мировые капиталистические аналоги имели лучшие качественные характеристики – кто из простого народа их тогда видел, эти аналоги? Дело состояло в том, что продукция со «Знаком качества», та же бытовая техника, ломалась с меньшим успехом, что и техника безо всякого «Знака».

«Знак качества», напомним, графически представлял собой стилизованную и уложенную на бок, превращенную как бы в столик, букву «К» («качество») с надписью «СССР» над «столиком». Буква, в свою очередь, была заключена в пятиугольник – сильно располневшую советскую звезду. Такая символика.

Рабочий, чтобы сатирически изобразить свое отношение к этому «Знаку» и его создателям, раскидывал руки в стороны, широко расставлял ноги, стараясь как можно сильнее растопыриться и быть похожим на букву «К» в «Знаке качества», тарасил глаза и хрипел: «Лучше не можем!»

Таким же насмешливым образом относились и к моральному стимулу советских трудящихся – званию «Ударника коммунистического труда». Рабочие издевательски переделали его в созвучное словосочетание «Ударник кому нести чего куда».

Димон, если определять его род занятий максимально точно, более всего и соответствовал званию «Ударника кому нести чего куда». Можно было бы сказать про него: разнорабочий или подсобник, но ударник кому нести чего куда – точнее.

В какой-то из летних дней Димон подошел к землекопам, которые уселись на завезенный для тротуара бордюрный камень и, пока прораб не смотрит, устроили долгий перекур.

Подошел, встал над ними, помялся, улыбнулся своей простодушной улыбкой и сказал:

– Я стихи сочинил.

Землекопы продолжали курить, никак не отзываясь на Димоново заявление, словно бы он его и не делал. Тогда Димон, не дожидаясь больше знаков внимания от рабочей бригады,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

продекламировал потрясшие его внезапностью появления, неведомо как оказавшиеся в Димоновой голове поэтические строки, просто, безо всякой просьбы:

Солнце светит ярко.
Спи, моя доярка!

Димон произносил слова по-московски неправильно, меняя безударный звук «о» на звук «а», и проглатывая «л» в слове «солнце». Получалось складно:

Сонце светит ярка.
Спи, мая даярка!

Димон прочитал заветные строки и ждал оценки своего произведения. Заискивающе смотрел, ожидая от суровых представителей рабочего класса одобрительного вердикта.

– Это все? – спросил один из землекопов.

Димон кивнул:

– Все.

– Доярка-то как из себя? Ничего? – спросил другой землекоп.

– Вот такая! – Димон развел руки, показывая, какие у доярки бедра.

– И вот такая! – теперь Димон держал руки перед собой, показывая, какой у доярки бюст.

– Больше, чем у Танюхи-крановщицы, – одобрил землекоп. – Хорошая баба. Пусть спит.

– Прораб идет! – прервал обсуждение произведения третий землекоп.

Бригада схватилась за лопаты и попрыгала в траншею.

Подошел прораб:

– Дмитрий! Ты почему по стройке без дела шляешься?

– Рубен Семенович! Я стихи сочинил, – объявил Димон, не отвечая на заданный вопрос. –

Сонце светит ярка. Спи, мая даярка!

– Почему она спит, если солнце светит? Работать должна! – заметил прораб. – Как и ты. Ты сегодня с кем?

– С каменщиками, – ответил Димон.

– Так и ступай к каменщикам! Им помогай, а не отвлекай других людей от дела, – распорядился прораб, не догадавшись выказать восхищения Димоновыми стихами.

Димон понуро побрел к подъезду новостройки.

На первом этаже девчата-маляры штукатурили стены. Димон направился к ним.

– Дима! Как хорошо, что ты зашел. Переставь козлы! Нужно в другую квартиру, а неудобно тащить через дверной проем – цепляют.

Димон переставил козлы и сказал:

– Я стихи сочинил.

– Как здорово! – воскликнули девчата. – Прочитай!

– Сонце светит ярка. Спи, мая даярка! – с выражением прочитал Димон.

– Как хорошо сочинил! – одобрили маляры. – Это ты для кого?

– Ни для кого, – смутился Димон. – Просто. Так вышло.

– Мы думали для Надюшки, – засмеялись маляры. – Ты ведь на Надюшку заглядываешься.

Димон покраснел, а Надюшка, не выпуская из руки мастерка, подтвердила:

– Да! Для меня. А вы обзавидовались!

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

– Димочка! Ты не принесешь со склада мешок штукатурки? У нас заканчивается, а нам носить тяжело, – попросила Надюшка Димона.

Димон сходил на склад и, взвалив на спину, принес мешок штукатурки.

– Спасибо! – поблагодарили маляры. – Замечательные стихи сочинил.

После таких слов Димон принес еще один мешок штукатурки, хотя теперь его никто об этом не просил.

В течение рабочего дня видели, как Димон заносил в подъезд паркетные плиты и оконные рамы, чугунные ванны в паре с другим подсобником и ящики с напольной плиткой, бегал за мотками электрического провода, таскал кирпичи для кладки и воду для раствора.

Из этого наблюдения сделали вывод, что Димон успел познакомиться со своим творческим достижением, помимо землекопов и маляров, плотников, водопроводчиков, электриков и каменщиков.

В конце дня появился ночной сторож. Димон не обошел вниманием и его.

– Хорошо бы тоже поспать, – зевнул сторож, выслушав Димоновы рифмы. – А то сидишь целую ночь, пялишься в темноту, не знаешь, чем и заняться.

– Понравилось? – отважился спросить Димон.

– Понравилось, – кивнул сторож. – Жизненно сочинил.

На следующий день Димон принялся обходить рабочих с чтением своих стихов во второй раз, и в третий, добиваясь, чтобы их прочувствовали даже самые бесчувственные из строителей и выразили автору заслуженное восхищение.

Когда прораб увидел, что к нему с широкой улыбкой на лице в третий раз приближается обласканный поэтической музой Димон, то круто развернулся, сорвался с места, быстро дошагал до бытовки и заперся в ней изнутри.

Остаток недели Димон по обыкновению перемещался по стройке, помогая то одним, то другим. При этом неизменно находил момент, чтобы насладиться самому и доставить удовольствие окружающим чтением своих стихов.

Через неделю Димонов стишок повторяла вся стройка. «Сонце светит ярка. Спи, мая даярка!» Смеялась, ругалась, плевалась, чертыхалась – но повторяла.

Мария Лисиченко. Золотое озеро. 2014. Холст на картоне, масло. 35x50

ПРОЗА

Тима Ковальских

(Барнаул)

КОНИ ПЛЫЛИ

Июньский вечер.

Бриз гулял. Волны монотонно гладили песок пляжа. Горы остывали.

Душан, пожилой серб, опираясь на трость, спускался к пляжу. Он шел медленно, аккуратно перешагивая через побелевшие камни.

Шезлонги складывал хмурый парень. Один на другой. Без энтузиазма. В баре, у корабля, играла музыка. Ребенок сидел на песке и греб лопаткой, делал кирпичики. Молодая девушка в красном сарафане курила у пальмы, уткнувшись в телефон. Медленно пальцы набирали сообщение. Она посмотрела на Душана и отвернулась. Мир ее не интересовал.

Старик подошел к воде и остановился. Он долго смотрел на море, будто считал горбинки волн. Взгляд перевел на причал, на несколько секунд. Потом – снова на море. И думал он. Вспоминал. Волны подкатывались к ногам Душана, он смотрел на них равнодушно и мимоходом. Посвежело, дышалось уже легче.

Солнце закатилось за горы.

Душан не торопясь вышел на мощенную камнем дорожку и побрел к старому городу. Метров тридцать оставалась до причала, но он свернул налево и оказался у кофейни.

На летней веранде сидели двое. Они пили пиво, курили и тихонько разговаривали. Душан сел за угловой столик, прислонил трость к лимонному дереву и опустился на стул. Официант принес меню, но Душан не посмотрел на замусоленный кусочек картона, лишь выговорил:

– Порцию ракии и двойной эспрессо.

Старик уставился в окно на море, и губы его что-то прошептали. Он сложил руки перед собой и долго смотрел на воду. В его голове, не замутненной никакими мыслями, было светло. Почему-то именно сейчас Душан вспоминал о своем детстве. О сербской деревушке, недалеко от Дрвенграда. Он, мальчишка, черненький с длинными волосами, резво бегал в саду своей бабушки. Потом приходили друзья, и они играли в «школице» или «шуге». Мир был веселым и свободным. Хотелось даже петь...

Давно это было. Семьдесят лет назад.

– Пожалуйста, – сказал официант, ставя на столик стопку ракии и чашку с кофе.

– Спасибо.

Старик сделал глоток кофе. Сморщился и отставил чашку. Сделал глоток ракии. Пригладил усы.

Море успокоилось. Вдалеке проплыл катер. В прибрежном отеле зажглись фонари. И все казалось идеальным. Течение жизни... Слишком плавное и слишком долгое. Даже не нужно спешить, бояться опоздать, ибо время подчиняется своим законам, и их невозможно нарушить, невозможно обогнать. И быть впереди.

Душан посмотрел на свои руки, изъеденные глубокими морщинами, и снова потянулся к кофе.

Раздался низкий мужской голос, и Душан оглянулся на звук. Это был Дритан, владелец кофейни, албанец. Ему было за пятьдесят, он плохо говорил на сербохорватском и, когда не улавливал смысла в словах собеседников, просто улыбался.

Дритан заметил Душана, похлопал по плечу официанта и подошел к гостю.

– Добрый вечер, друг мой.

Албанец присел рядом и попросил официанта принести ему воды.

– Да, сегодня отличный вечер. Море успокоилось. Наигралось, как ребенок.

– Завтра продолжит играть. Завтра обещают шторм. Надеюсь, он быстро покинет нас.

– Конечно. Вся наша жизнь состоит из штормов, – улыбнулся Душан и отпил глоток ракии.

– Сегодня ты настоящий философ.

– Да я и не переставал им быть. – Старик посмотрел на руку Дритана и заметил кольцо. – Тебя можно поздравить, мой друг?

Дритан, улыбнувшись, что-то сказал по-албански, а потом продолжил:

– Да, друг мой. Вчера случилось праздничное событие. Теперь я муж.

– Прими мои поздравления! – Душан приветственно взмахнул рукой. – Мы можем всю жизнь искать то, что совсем рядом с нами. В этом и заключается суть нашей жизни.

– Жизнь течет, надо успевать. Я с тобой согласен, друг мой. Да и как говорил мой отец, у молодых есть сила, у стариков – мудрость! – заключил Дритан и покачал головой.

Официант принес стакан воды, и Дритан тут же его осушил.

– Много людей в этом сезоне? – спросил гость у хозяина и посмотрел на соседний столик.

– В прошлом году было гораздо больше. Русских особенно. В этом году практически никого.

– Еще только июнь.

– Я тоже так думаю. У меня большие планы: надо строить дом для семьи. Пока денег нет. Будем зарабатывать.

– Смотрю, вы переделали веранду? Очень хорошо сделали. – Душан осмотрелся.

– Это все мой брат. Он переехал из Шкодера в этом году. Будет мне тут помогать.

– Сегодня отличная ночь, – Душан будто опять переместился в свой мир.

Он посмотрел на потолок, где было небольшое окно. Там виднелись звезды. Дритан покосился на гостя и тихо произнес:

– Бесконечность.

Сидеть и смотреть на море, пить кофе и ракию... И главное – никуда не спешить. Позади – годы, приключения, целая жизнь. И вот сейчас, в это самое время, этим летом, можно вернуться в прошлое, походить по закоулкам мыслей и повспоминать былое.

– Доброй ночи, друг мой. Мне пора.

– Спасибо, Дритан.

В одиннадцатом часу Душан положил на стол пять евро, взял трость и пошел домой.

Старик обогнул пляж и спустился к саду. Между двумя отелями прошагал до кинотеатра. Остановился, когда фонарь зажегся прямо над ним. Огляделся.

Душан поднялся на две улицы и остановился около антикварного магазина. У входа стояла скамейка, и он медленно опустился на нее. Годы давали о себе знать... Душан отдышался, почувствовал ветерок на коже. Потом приподнялся и замер.

В витрине магазина, заваленной разными предметами старины, он увидел лампу. Она была небольшого размера, круглая, с одним световым элементом. Абажур был сделан из плотного пластика, а по кругу искусно выдавлены силуэты лошадей. И когда механизм вращал

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

абжур, то эти лошади проецировались на поверхности, будь то стена, шторы или картины. И плыли... плыли по стенам. Медленно плыли.

У Душана перехватило дыхание. Он выпучил глаза, подошел ближе к витрине. *О боже, это она! Это она!* Лампа. Итальянская. Точно такая же, как была в далекие югославские годы. *Точно она!* Такая же... Ни с какой другой ее не перепутать.

Душан потянулся было к ручке двери, но осознал, что магазин закрыт. Большие решетки оттолкнули старика. Он вернулся к витрине и снова замер.

Как? Как она сюда попала? Это же наша, это же наша лампа! Моя лампа. Наша.

Вот что творилось в душе Душана, когда недалеко мелькнули фары. Он опомнился, и его глаза заблестели.

...Неприменно.

Утром, а было шесть часов, Душан вскочил с кровати, быстро оделся. Легкие туфли сваливались с распухших ног старика, когда он второпях пытался закрыть на замок дверь.

Быстро. Душан дошел до антикварного магазина. Подошел к витрине и отыскал лампу. Она стояла. Как и ночью. Ничего не изменилось. Душан выдохнул и присел на лавку.

...Солнце уже пригрело, когда хозяин магазина толкнул Душана в плечо.

– Эй, старик, ты живой?

Душан нахмурил брови, пытаюсь сообразить, поймать убежавшую мысль.

– Ты тут спал.

– Лампа, – выговорил наконец Душан и резко поднялся. – Вон та лампа, я хочу ее купить.

Хозяин открыл дверь магазина, и оттуда выплыл запах старины. Драган, а именно так звали этого уже не молодого человека, прошел за стол, положил коробку, которую нес под мышкой, и уставился на старика.

– Лампу?

– Да, вон стоит. Такая... с абжуром. Там еще кони.

– А-а-а, вот эта? – хозяин подошел к витрине, дотянулся до лампы и взял ее в руки. – Хорошая работа, итальянская. Я в девяностые продавал их сотнями. И вот осталась одна. У моего отца тоже была такая. Только уже никто не помнит, где она сейчас.

– Сколько стоит? Я хочу купить, – Душан полез в карман.

– Девяносто пять евро.

Душан замер на мгновение, но пришел в себя, стал искать серый суконный мешочек в кармане. Из него он достал деньги и положил на стол.

– Зачем она тебе? – поинтересовался хозяин.

Душан не знал, что ответить. Два раза кивнул и выдавил:

– Я люблю лампы.

– Неубедительно говоришь...

– Я положил тебе деньги, дай мне лампу.

Хозяин протянул попку. Старик отставил трость и обеими руками схватил свое сокровище. У него загорелись глаза, даже слегка задрожали руки.

– Завернуть надо?

– Нет, спасибо. Я так... Домой унесу.

В этот вечер Душан не пошел на прогулку. Он задернул шторы, хотя солнце еще не успело закатиться.

Лампа стояла посередине стола. Провод тянулся змейкой.

Душан подошел к лампе, протер ее. Проверил, до конца ли вкручена лампочка. Он улыбнулся себе. И нажал на кнопку.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Сентиментальность в этом доме была под запретом. Но Душан не смог сдержать чувств, и из его глаз полились слезы. Он вытер их рукавом, подошел к креслу и медленно погрузился в него.

Кони поплыли по белым, давно не беленым стенам. Свет отражался от потолка. Сумрачно было. Душан тяжело вздохнул и потряс головой. Непослушные руки гладили обивку кресла. Он огляделся по сторонам. Позади него тоже плыли кони. Медленно, как жизнь плывет, так и они плыли. Казалось, время остановилось. Или пошло в обратную сторону. Душан закрыл глаза.

...У того года не было цифр. Было лишь время. Молодой, еще полный сил Душан из последних сил взбежал на трап круизного лайнера в итальянском порту. Он почти опоздал. Но энергетика этого жгучего серба пробила толстую броню пожилой итальянки.

– Вы спасли мне жизнь, – кричал Душан, поднимаясь в свою каюту.

Ветер трепал его темные волосы. Рубашка и шорты подчеркивали красоту молодого, полного сил тела. Девушки в шляпах хихикали, глядя вслед красавцу парню.

...Но выбрал он другую.

– Эра, – она протянула тоненькую руку, и Душан замер. – Ты живой? – Она засмеялась и посмотрела ему в глаза.

А дальше было... Один бог ведает, что дальше было. Но с лайнера Душан и Эра сошли, держась за руки. Это было в Италии.

Они пили кофе в центре Рима, наслаждались жизнью. И мир казался безграничным. Мир казался настолько счастливым, насколько позволил бог. Дал его людям вместе с надеждой на великое счастье.

В одной из лавок Эра увидела лампу. На абажуре ее были выдавлены кони. Лавочник умело завлек Эру, и та не раздумывая потратила последние деньги. Ей этого хотелось.

– Что ты купила, прекрасная? – спросил Душан Эру.

Она сорвала бумагу и поставила на стол лампу.

– Это лампа? Это кони? – Душан засмеялся.

– Тебе разве не нравится? – поджала губы девушка.

– Что ты! Еще как нравится. Кони будут повсюду?

– Давай посмотрим...

И тем вечером кони плыли. Кони плыли по призрачным стенам комнаты, в которой поселились Душан и Эра. Два дня им оставалось пробыть в Италии.

Когда они вернулись в Сербию и поселились в пригороде Белграда, этот светильник стал символом их любви. Веры друг в друга. А кони – символом скоротечности жизни. Душан и Эра каждый вечер зажигали светильник, садились на диван, держась за руки. Они рассказывали друг другу о том, как прошел день, какие люди встретились им на пути. Что на душе осталось.

Душан работал на винарии Джовановича. Эра – в больнице. У них родились дочь Адриана и сын Марьян. Жизнь была хорошей.

Менялись лампочки в светильнике, но не менялось одно – ощущение бытия, теплого вечера и любимого человека рядом. Жизнь простит все, даже измену. Но не простит вечера, когда кони не будут плыть по стенам. Именно из этого скольжения складывалась жизнь Душана и Эры. Пока...

Пока силы НАТО в 1999 году не начали бомбить Югославию.

Был хаос, и казалось, что жизнь закончена. Если даже она и продолжится, то будет совсем другой.

Душан был дома. Эра в госпитале.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Им не суждено было увидеться в тот день. Им не суждено было тем вечером сесть рядом, включить лампу и смотреть, как плывут кони.

В ту ночь погас свет.

...Душан открыл глаза.

Ночь хмурилась. Он подошел к окну и выглянул из-за занавески.

Ночь была прекрасна. Много звезд. Огромная луна выкатилась у горы. Шторма не было. Небеса его отменили.

Душан сварил в джезве кофе. Из шкафа достал графин с ракией. Налил. Пил медленно. Ему некуда было спешить.

...Кони плыли по стенам, унося с собой горечь кофе, ракии. И жизни.

Мария Лисиченко. Кусты. 2002. Холст на картоне, масло. 50x60

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Светлана Малышева
(Таллин, Эстония)

ВРЕМЯ САМЫХ ДЛИННЫХ ТЕНЕЙ

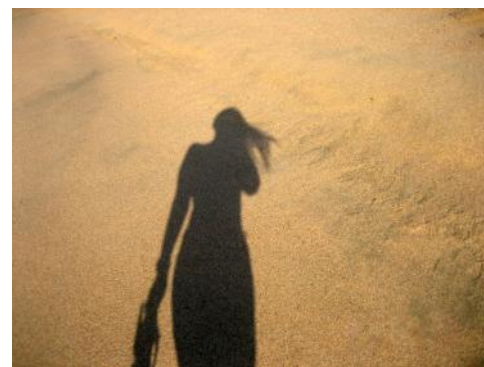

Фото автора

Светлана Малышева – модельер, автор будуарных кукол, художник росписи тканей, фотограф, писатель. Родилась и живет в Таллине. С детства увлекалась рукоделием, что в итоге и стало профессией. Получила два высших образования: Ленинградский институт текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова и Международный университет социальных наук LEX в Таллине. После окончания открыла свое ателье и салон-бутик.

«В 2012 году все резко изменилось – в мою жизнь пришла любовь, поздняя, открылись совершенно другие горизонты, а поэзия стала каждодневной необходимостью.

Я никогда не мечтала увидеть Акрополь, но так случилось, что город, в котором находится это чудо из чудес, этот город – Афины стал для меня вторым после Таллина, где я родилась, а может, и первым, потому что там я любила. Я всегда таскала с собой фотоаппарат. Вернее, таскал его мой любимый человек, а я просто расстегивала рюкзак на его спине, брала тяжеленький аппарат и фотографировала. Однажды, торопясь спуститься вовремя с гор, так как солнце уже катилось к закату, он сказал: “Время самых длинных теней” – и я увидела наши длиннющие силуэты на ленте горной дороги. Как оказалось, время самых длинных теней – это час после восхода и час перед заходом, когда солнце висит низко. Так и в жизни: начало и конец – время самых сильных переживаний, а между ними – счастье.

Солнце всходит и заходит, тени остаются».

Я спросила: «Вы что, влюбились?»

Я спросила:

– Вы что, влюбились?

И засмеялась назло себе.

Так голова кружилась

В этой нелепой кутерьме.

– Но вы... вы даже не знаете,

Как я пахну...

– И как же пахнете вы?

– О-о-о, если бы вы любили,

Я бы пахла свежестью воздуха.

Воздуха после дождя.

– А если...

– А если... то как пустыня

Пустынная – пылью,

Которая вас накрыла.

– Но как я узнал бы, что это вы?

– А вы бы меня не узнали,

Вы же были под зонтиком.

Но если бы ветер вырвал

Зонтик из ваших рук,

Вы бы меня увидели,

Мокрую и несуразную,

какими бывают женщины после дождя.

И это была бы я.

– А если бы я не увидел?

– ...Вы бы меня искали...

Так важно первое слово.

Теперь

Не спрятаться, не отвертеться,

Закружиться в словах,

Убирая все лишнее,

Оставляя первое, важное.

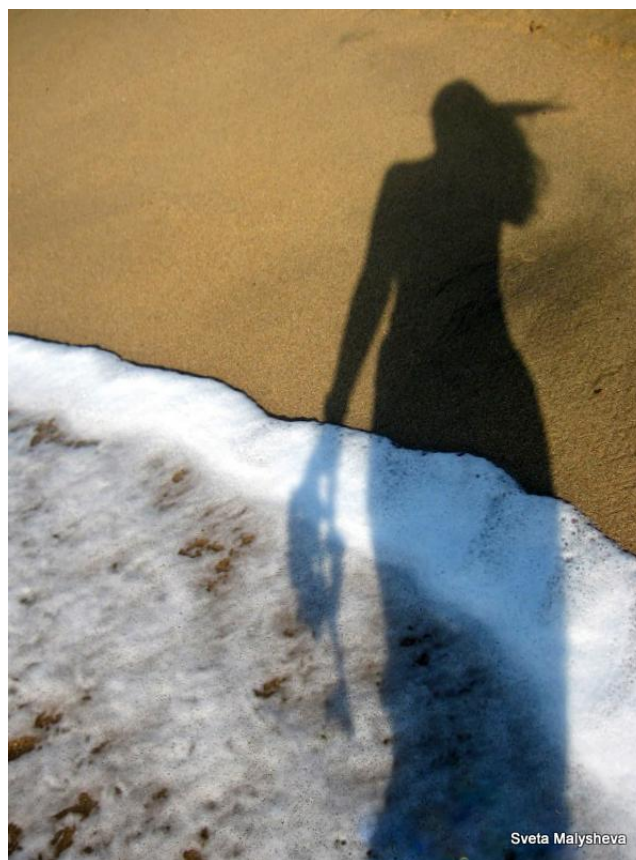
Я теперь не могу не писать...

– Вы что, влюбились?

И начинается бесконечность.

И дождь стучит по крыше.

И такая кругом кутерьма.

Sveta Malysheva

Ты знаешь, какого цвета любовь?

Ты знаешь, какого цвета любовь?
Когда она входит в твой дом?
В дом, в котором есть зеркала...
Платья она надевает цветные,
Все – из солнечного света,
Чуть-чуть золотые.
А когда завершается вечер,
На ней, как обычно, надета
Рубашка из лунного света.
Сиренево-розовая утром,
Когда на рассвете неслышно
На цыпочках в комнату входит,
И губы твои в полумраке,
Стесняясь тебя, находит,
И, не дыша, укладывается рядом,
Сворачивается клубочком,
И беспокойным взглядом
Твой сон охраняет.

Потом надевает пурпур
И на твоей груди
Расцветает светом зари.
Синей краской на горизонте
Высвечивает волну,
И акварелью прозрачной
Рисует невидимые цветы,
Там, на лопатке,
Где не увидишь ты.
У родинки на плече.

И тут просыпается музыка.
Издали,
Как будто сквозь облака.
Облака пропускают луч,
Слегка касающийся завитка
И изумрудной каплей ноктюрна
Украшают твои глаза.

Сквозь тюль
На предрассветном окне
Любовь наблюдает,
Как солнце вплетается в ваши тела,
Летающие на простыне,
Белой, как саван,
И хрупкой, как песочный замок.

Она открывает комод
И достает что-то новое.

Ты знаешь, какого цвета любовь?

Голос его тягучий, медовый.
Он читает мне Эренбурга.
Я закрываю глаза,
Я стараюсь слушать.
Я стараюсь слышать.

Я растворяюсь в этом городе,
Имя которому – Париж.
По серым улицам бреду я
Навстречу солнечным людям,
Коротаящим время
В прокуренных кафе.
Сто лет минуло,
Но они все здесь, на месте.
Им вовек не исчезнуть –
Так они велики...

Он читает, всё тише и тише.
Он думает, что я сплю.
А я – нет, я просто
Живу сейчас там,
Среди шума и гомона,
В сигаретном дыму.

Я хочу надышаться тем воздухом.
Я хочу впитать в себя их голоса,
Их глаза и движения рук.
Я хочу знать наверняка,
Что мир прекрасен так,
Как чувствовали его они,
Все эти старины Хэмы,
Модильяни и Сутины,
Голодные, нищие,
Просветленные.

Я хочу знать,
что они были не зря
И оставили этот мир нам,
Спасенный их красотой –
Спасенным их красотой.

Я открываю глаза.
Тугая медовая тишина.
Томик Эренбурга на простыне.
Спящий человек,
С любовью читавший мне.

И это не сон.

Глаза из солнечного света

Глаза из солнечного света,
Улыбка в капельках росы,
Морская синь и воздух лета
Застрял в песках ее косы.

И сердце облаку кричало:
– Грустить сейчас мне недосуг!
И хохотало, хохотало
Готовое скатиться с губ.

И в облаках воздушной песни,
В улыбке солнечных лучей
Звенел, росую опьяненный,
В недоумении ручей.

Глазам из солнечного света,
Улыбке в капельках росы
Задорно вторил воздух лета,
Застрявший в уголках души.

Губы, руки, жар сплетенья

Губы, руки, жар сплетенья
В полуночной тишине...
Мысли, мысли, сновиденья,
Снова руки. Ты во мне,
Я в тебе, и в этом мире
Нет дождя и солнца нет,
Нет здесь звуков,

Нет волненья...

Тишина.

Тишина любовной песни.

Тишина любовных слез.

Тишина любви небесной.

Тишина счастливых грез...

И твои слова в смятенье
Сорвались с горячих губ.
Ты сказал, что так неожиданно
Полюбил за тишину
Эту женщину земную...

– Ты что, плачешь?

– Я люблю.

Белье морозное из детства

Белье морозное из детства,
Его шуршанье, запах, стыть –
В стране из солнечного света
Не каждому дано забыть.

Там снежной россыпи не знают,
И снежной пыли перелив
Там никогда не оседает
На кроны вековых оливок.

Но иногда звонок из детства
Вдруг непонятно почему
Заставит громко биться сердце
И плакать по морозному белью...

Сегодня яблоко упало в снег

Сегодня яблоко упало в снег
И алым боком
Ко мне перевернулось.
И червоточинка на нем
Такой была испуганно-незрелой,
Что я нагнулась
И я его взяла озябшими,
Без варежек, руками –
Оно мне улыбнулось
Бликом солнца
На влажной кожуре,
Слезой растопилось
От теплоты моих замерзших рук.
А я застыла –
Я не могла понять,
Чем яблоко в снегу прекраснее того,
Что на траву
Осенним днем скатилось.

А завтра заметет пурга
И занесет
Сегодня припорошенное снегом,
И только зябкая моя рука
Запомнит тот изъян на яблоке,
Упавшем
За неожиданным снегом следом.

Засиренится лето знойное

Засиренится лето знойное,
Заведет шарманку свою,
Небо станет такое звонкое!
Море станет такое дерзкое!
Звезды станут такими близкими!
Люди будут такими светлыми!

Будешь ты на веточке знаковой
Пятилистный цветочек выискивать,
Что б потом себя не оплакивать,
Что бы счастье свое накликать.

Будешь ты на поле ромашковом
Приговаривать цветики-лютики,
Лепестки вроде все одинаковы –
Но последний-то должен быть
с плюсиком.

Будешь ты ночами да белыми
В лица вглядываться в одинокие –
Будешь ты губами незрелыми
Души пробовать светлоokie.

Лето длинное, да не долгое,
Ночи светлые, да обманные,
Утра теплые да росистые,
Дни высокие да с закатами.

Будет день опять тридцать первый,
Будет осени первый день.
Небо станет такое низкое,
Море станет такое темное,
Звезды станут такими чистыми.
Люди будут такими близкими.

И начнем отсчет,
К лету новому,
Неизведанному,
Непрочтенному.

Svetla MALYSHEVA

Почему ангелы приходят ночью

Интересно,
Почему же ангелы приходят ночью?
А потому, что ночью есть звезды,
А по звездам легче спуститься на
землю
И увидеть окно, одно среди сотен,
Которое светит.

Ангел в окошко тихо так стукнет
И сквозь стекло неслышно проникнет
В комнату, в ту,
Где стол все еще не прибран,
И на столе чайник дымится,
И на столе – чашка для гостя,
И на тарелке – сладостей горстка.
Ночью промерзлой
Ангел зайдет в дом твой погреться –
Там в ожидании взгляд твой лучится,
Все уже спят, а тебе не спится.

Ангел присядет в рубашечке белой
И, попивая из блюдечка чай,
Неспешно беседу начнет между делом.
А ты, примостившись на край постели,
И, от восторга теряя дар речи, спросишь:
– Ты помнишь ли, друг мой любезный,
Как мы с тобою баранкой хрустели
Под одеялом у бабки в деревне?
На самом-то деле, спросить ты хотела:
Как там твой Милый и все ли в порядке?
И на холсте его девственно-белом – как?
Не пожухли ли в этот раз краски?

Гость твой на лампочку щурит глазки,
Он вспоминает бабкины сказки,
Он вспоминает снег и салазки,
Вы с ним давно в этой ангельской связке.

Sveta MALYSHEVA

Ангел со стульчика прыгнет проворно
И на дорожку конфету прихватит,
И, повернувшись, уже с порога, скажет:
– Дружок мой, твой Милый в порядке.
И на холсте не пожухли краски.

Ангел ночной с подоконника – в темень,
В темень ночную шагнет и негромко,
Как колокольчик, серебряным звоном
Вдруг захочет.
Сахар просыпан, и ложка на блюде –
След от него на столе остался.
На небосводе минут через десять
Яркой звезды огонек заметался –
Ангел на месте.
До дома добрался.

Ты преспокойно закроешь ставни.

Я не исчезла

Я не исчезла, нет.
 Я жду тебя,
 И неизменно это место,
 Где солнце по утрам
 Мир золотит своим лучом,
 Где от росы трава искрится,
 Где птица пением своим
 Нас приглашает
 К Богу причаститься.

Я не исчезла, нет.
 Я не могу.
 За нас двоих
 Идти по горным тропам
 Мне суждено,
 Где ветер не дает забыть
 И не дает забыть.
 Где кипарис смеется,
 Когда оливе говорит,
 Что все пройдет,
 И шепот серебристых листьев
 Несет тебе благую весть –
 Я не исчезла, нет.
 А потому мы оба есть...

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

***

На стенах моих комнат –
 Очертанья твоих тѐней.
 На стенах моего дома –
 Очертанья твоего Бога.
 На стенках моего глаза –
 Два очертания сразу:
 Начала и конца,
 Рождения и ухода,
 Сложения и распада,
 Рассвета и заката,
 Смеха раската
 И слез лавины.
 И так теперь надо.
 И так безысходно рядом –
 Радостно глазу
 И больно глазу.
 И с этим нет сладу.
 Есть время самых длинных теней –
 Я встану с тобой рядом
 И стану с тобой – единой.
 И не увидеть сразу –
 Кто из нас невидимей.

Мы – тень и ее отрада.

Кукла Александра. Автор: Светлана Малышева

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Светлана Тюреева

(Владимирская обл., г. Петушки)

РАССКАЗЫ для ДЕТЕЙ

ПИНЬКА

(Окончание)

Помощница

Когда папа стал облачком и улетел на небо, Пинька была совсем маленькой и едва научилась ходить. Сейчас она большая и знает, как надо себя вести, чтобы папа там, наверху, радовался, глядя, какая дочка растет! Семья у Пиньки была небольшая, но дружная. Правда, все вместе собирались нечасто: мама уезжала в свои рейсы, а дедушка в электричках пропадал целыми днями. Сестра уже училась в техникуме и жила в общежитии. Дядя Толя приезжал, когда позовут помочь или на мамины выходные. А вот Пинька и бабушка были домохозяйками.

– Это очень важное дело – «домом хозяйничать», – частенько уверяла себя девочка. – Вот я всегда бабушке помогаю: говорю, когда кого кормить надо, игрушки убираю, если просят не мешать – я не мешаю! Только дедушка помощницей зовет сестру, а не меня...

– Надо учиться дедушке помогать, – рассуждала она, сидя в пустом доме и не зная, чем заняться. В руки ей попал маленький гвоздик с большой блестящей шляпкой. – Буду приколачивать, – решила Пинька и устремилась к шкафу с инструментами. Таких гвоздиков там был целый мешочек, а рядом лежали разные молотки. Она схватила гвоздики, маленький молоток и отправилась искать, что бы ей такое приколотить!

– Сначала надо гвоздик поставить, а потом по нему стукнуть, – приговаривала «помощница».

Но гвоздик не ставился.

– Значит, надо его воткнуть сначала, а потом стукнуть – не давала себе покоя Пинька. Она попробовала ткнуть гвоздик в пол – никак, в стол – тоже никак. А вот в сиденье стула получилось хорошо, и даже стукнулось ровно. Держа двумя ручонками молоток, она вразной стучала им по воткнутым в сиденье стула гвоздикам. Один забился ровно, у другого сваливалась на бок шляпка, но это Пиньку не останавливало. Украсив таким образом стул, мастерица отправилась искать, чего бы еще прибить. За стулом последовал коврик в прихожей, а за ним тапочки ...

– И чем им не понравилась моя работа? Потому что дедушка из-за тапочек споткнулся, или потому что шляпки набок? – пыталась понять Пинька, стоя в очередной раз в углу. – Зато как блестят, и я сама теперь могу колотить, совсем как взрослая!

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

До ее слуха доносились слова бабушки «Опять хозяйничала! Ни на минуту оставить нельзя!» и «Хи-хи» дедушки, вешающего замок на шкафчик с инструментами.

А вечером, после ужина, Пинька залезла к деду на колени и зашептала ему в ухо:

– Деда, а я теперь тоже твоя помощница?

– Помощница, уж такая помощница! – сказал тот, переглядываясь с бабушкой, и пригладил рукой непослушную шевелюру внучки.

Добытчица

Поход в магазин окончательно испортил Пиньке настроение. День с утра не задался: гулять было не с кем, дома скучно. Девчужка увязалась за бабушкой, надеялась, что выпросит у нее что-нибудь вкусное. Очень хотелось разных интересных штучек, лежащих на прилавке, но бабушка сказала: «Денег нет, и клянчить неприлично!»

– На разные макароны и каши всегда есть, а на сладости нет, – возмутилась Пинька, но вслух сказать не решилась и обиженно пошлепала домой.

– Зачем только придумали эти деньги, если их все равно не хватает? – зашептала она, а вслух добавила: – Ишь, разложили напоказ: нате вот, смотрите, как у нас всего много! Только детей дразнят!

– Да! – подтвердила бабушка, крепче сжав Пинькину ручку. – Пойдем шустрей, малыш, дел полно...

– Ба, а сколько груш в килограмме? – спросила Пинька, подходя к дому. Мысль о том, где достать деньги, уже крепко засела в ее головке, не давая покоя.

«Хорошо бы что-нибудь продать! – думала она. – Что-нибудь ненужное, как говорил Матроскин».

Ненужными у них были лишь яблоки да огурцы, которые скармливались Борьке. Но такого добра у всех полно. А вот груши... Пинька пробовала, по привычке, прямо с дерева – рано, а те, что нападали – пойдут! Она набрала в старую обувную коробку опавших груш и отправилась торговать! Едва пристроившись с коробкой возле торгового киоска, девчужка услышала: «Почем продаешь?»

Перед ней стояла красиво одетая незнакомая тетенька.

– Пятьдесят рублей кило!

– А сколько же в твоём кило штук? Весов-то нет!

– Шесть, – без запинки выдала Пинька. – Моя бабушка врать не будет.

Поглядев с улыбкой в коробку, где лежало штук десять-двенадцать маленьких желто-зеленых груш, женщина протянула Пиньке сто рублей и сказала:

– Передай бабушке и скажи, чтобы больше тебя торговать не посылала!

Пинька деньги взяла, только за бабушку стало обидно. Она решила ничего не рассказывать и, спрятав деньги в гольф, под пятку, стала думать, что бы еще продать.

Найти бы что-то красивое, особенное. Бабушка как-то рассказывала, что есть такие люди – коллекционеры (Пинька даже заучила это слово), которые покупают разные красивые вещи. Поделки там всякие, картины... Стоп! Так у меня же есть!

Она ринулась искать рисунки и аппликации, которые бабушка убрала на память.

«Подумаешь, я еще нарисую! А если прячет, значит, красивые!» – с такими мыслями Пинька вытащила заветную папку и улизнула из дома.

Большая серебристая машина остановилась возле входа в магазин. Опустилось стекло, и за ним показалось лицо мужчины в очках. Человек смотрел в сторону Пиньки и курил.

«Коллекционер! – решила девчушка. – Точно, они как раз такие».

Для порядка она поправила свои пышные хвостики, подтянула гольфы, одернула платье и, важно прохаживаясь возле разложенных на лавочке листочков, громко объявила:

– Продаются работы известной художницы Агриппины!

Мужчина продолжал курить, не сводя с нее глаз, и Пинька добавила:

– Покупайте!

Потом повторила еще раз и еще, нетерпеливо ожидая, когда же откроется дверь и...

– Привет, знаменитость, ты случайно не ... – услышала она свою фамилию, – Ну, давай, показывай!

«Вот оно – счастье!» – рассуждала девчушка, сжимая пакетик со всякими сладкими штучками.

Агриппина спешила домой, а ее сердечко при этом прыгало от волнения!

– Какой добрый коллекционер попался! – думала она, – Сказал, что я умница и что на папу похожа. А дома опять, наверно, в угол поставят!

Про любовь

«Почему, когда в телевизоре целуются, детям смотреть нельзя? Думают, я не знаю, что там влюбляются! – рассуждала Пинька. – Обидно, когда тебя считают маленькой! Вот когда дедушка целует бабушку, смотреть можно! Это потому, что они уже давно влюбились».

Мысли завели ее далеко, в бабушкину, дедушкину молодость, и Пинька вдруг выдала:

– Ба, вот ты маму рожала, а деда что делал?

– Его спроси! – со смехом ответила та, переводя взгляд на мужа.

– Фамилию давал! – буркнул дед, не отрываясь от телевизора.

– Вот! Так всегда! – продолжала Пинька. – И мама тоже! Думает, я глупая и не знаю, что дядя Толя в нее влюбился! Да это уже вся улица знает. Мама у нас красавица, а в красавиц все влюбляются! Я вырасту и тоже буду красавица! А Колька из города в меня уже влюбился, сам говорил!

О том, что они с Колькой целовались и даже решили пожениться, Пинька секретничала лишь с дядей Толей – он не выдаст. Он не проболтался, когда застал их запихивающими картошину в какую-то трубку у соседской машины. Не сказал и про то, что бабушкина валерьянка не сама закончилась, а с подачи Агриппины и по Колькиному научению была скормлена всем знакомым котам. И вообще Пиньку больше волновал вопрос о том, как дети попадают в живот. Она уже точно знала, что их не находят в капусте, а привозят из больницы. Была надежда выпытать правду у Маринки.

Марина старше Агриппины на двенадцать лет. Она была произведена в няньки еще до рождения сестры. А после потери отца решила взять на себя часть обязанностей мамы. Марина очень любила Пиньку и, живя в общежитии техникума, скучала по ней. А дома старалась казаться строгой, пресекая всяческие хулиганства. Только не всегда это получалось.

Пинька, конечно, не любила, когда старшая сестра злится, но сдержанность в узде свои желания не могла. Во время приезда Марины она ходила за ней как привязанная, лезла в личные вещи и получала нагоняи, о которых знали только они – сестры! Вот и сейчас Пинька с

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

нетерпением ждала приезда сестры. Но та приехала не одна, а с другом, с которым вместе учится, и впервые не оказала Пиньке должного внимания.

Марина познакомила товарища с родственниками и отправилась с ним в беседку. Шпионить Пинька вовсе не собиралась! Ее совершенно несправедливо обвинили! Она лишь хотела узнать, чего так долго можно делать в беседке без нее, а там...

– Они целу... – не успела закончить Пинька, как чья-то рука прикрыла ей рот. От неожиданности девчонка стала вырываться и пытаться кричать, но Маринкин друг прошептал: «Не шуми, а то на дерево посажу». Пинька резко остановилась, повернулась лицом к обидчику.

– Класс! А давай, посади! – с нескрываемым восторгом заявила она и принялась выбирать дерево, куда надо посадить. – Будем играть в разбойников! Как в кино!

Сами не рады своим угрозам, парень и девушка стали уговаривать Пиньку отказаться от дурной затеи, предлагали варианты откупа, и сошлись на следующем: Маринкин друг подарит ей набор для настоящей принцессы. Что это за набор, Пинька не знала, но название было многообещающим. Однако это должно быть потом, а сначала они должны объяснить, как дети попадают в живот. Марина пыталась противостоять шантажу, но, побоявшись огласки, смирилась и дала ход своей фантазии!

Вечером семья смотрела любимый бабушкин сериал. Когда была показана сцена с поцелуем, Пинька с хитрой улыбкой развернула голову в сторону взрослых и произнесла: «И эти целуются! Влюбились!» Она горела желанием разболтать об увиденном и услышанном в беседке, но строгий взгляд сестры не позволил этого сделать. Девчушка не расстроилась – ведь у них теперь была общая тайна. Они многозначительно перемигнулись и снова уткнулись в экран.

Очень важный вечер

Пушистый снежок щекотал нос и щеки. Пинька сидела в санках, крепко держась за боковины, и наслаждалась чувством полета!

Пока готовился праздничный стол, дядю Толю попросили погулять с непоседой. Двоюродный брат папы был ей крестным отцом. Он частенько баловал Пиньку, а она позволяла себе с ним вольности, оставаясь безнаказанной! Вот и сейчас с детским задором дядя Толя катал ее по хрустящему снегу, придавая санкам разную скорость.

Что такое крестный отец, Пинька не совсем понимала. У них дома был фильм с таким названием, но дядю Толю в нем не показывали, а только каких-то злых дядек. И Пинька решила больше не думать об этом. Сегодня она была счастлива! Маленькое сердечко прыгало от волнения в ожидании чего-то необычного. Девчушка смеялась, даже сваливаясь в сугроб.

Всю последнюю неделю она играла во встречу Нового года! Елку дедушка принес заранее и оставил возле дома, в сугробе. Пинька пела под ней песни, устраивала хороводы из мягких игрушек и даже посыпала снежком (как Мороз укутывал). Вчера елку наряжали! Теперь она загадочно блестит в углу комнаты, а в доме пахнет Новым годом. С утра Пинька крутилась возле елки, рассматривая преобразившуюся гостью и старого Деда Мороза, который помнил еще детские секреты бабушки. О том, что конфеты на елке ненастоящие, знала только Пинька. Она весь день таскала сладости, оставляя в фантиках комочки из туалетной бумаги. Нет, из вазочки брать ей не запрещали, просто с елки были вкуснее – волшебные!

В этом году праздник обещал быть особенно интересным! Семья с волнением ожидала приезда дяди Толи. Все шептались о каком-то «предложении»! Он приехал, привез всего

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

вкусного и кучу разных свертков-подарков. Конечно же, терпение Пиньку подвело, и она, воспользовавшись суетой на кухне, принялась потрошить самый красивый из свертков. Из разорванной упаковки выпала маленькая блестящая корона и показался кусок ткани. Пинька замерла от восторга: это было платье принцессы... Но, тсс! Пока это тайна!

Румяная и веселая от катания на санях, она повалила крестного на снег, залезла ему на грудь и зашептала прямо в лицо: «Ты, что ли, хочешь быть моим папой?». Услышав положительный ответ, продолжила свой допрос: «А жить меня с собой заберешь? А наказывать тоже будешь? А как же я буду без бабушки?»

Получив ответы на все свои вопросы, она крепко прижалась к дяде Толе, чмокнула его в щеку и потащила за собой! Смеясь, они ввалились в пахнущий елкой и манящими запахами дом! На ходу снимая покрытые катышками снега шапку и рукавички, егоза громко выдала: «А меня теперь будут звать Агриппина Анатольевна!». И, не дав дяде Толе раздеться, потащила его к маме: «Ну, давай, говори! Говори ей свое предложение, и женитесь уже!»

Первое сентября

Наконец-то, наконец-то он настал! Не очень теплый, но такой долгожданный день! С вечера Пинька с бабушкой собрали букет и повесили на видное место новенькую форму. Уснуть долго не получалось. Пинька несколько раз вставала и проверяла, все ли приготовлено. Школьные вещи пахли как-то по-особому, волнующе. Не терпелось их надеть, покрутиться перед зеркалом, примерить портфель...

Едва солнышко заиграло на створках окна, Пинька проснулась. Не дожидаясь звонка будильника, она побежала к умывальнику и тщательнее обычного умылась. Она даже лучше обычного расчесалась и, зайдя к деду с бабушкой в комнату, громко выдала: «Вставайте! А то в школу проспим!»

Школа встретила ее запахом свежей краски и морем цветов. Пинька с двумя огромными бантами на голове и красивым букетом стояла в вестибюле, ожидая чего-то очень важного. От волнения ее сердечко то замирало, то молоточком отбивало: «Тук-тук», а в голове роились разные мысли – ведь еще вчера ей не хотели верить...

Накануне, гуляя по улице, Пинька оповестила всех о важном событии. Она рассказала и соседям, и бабушкиным подружкам, и продавщице в магазине, и даже их домашнему зоопарку, что завтра идет в школу! Только соседские ребята ей не поверили. Петька сказал, что туда «без садика» не берут, а Пинька в детский сад не ходила. А Валька – тоже мне подружка! – что в школу рыжих не пускают. Последнее обидело девочку до слез!

– Рыжих не пускают! Это как так – рыжих не пускают? – бубнила она, мечась по комнате. – Надо покраситься!

Только где краску найти?! Пинька перевернула содержимое маринкиных ящичков! Она знала: для волос нужна особая краска – парикмахерская! Но это когда красят навсегда, а ей надо на один день, чтобы только в школу взяли, а потом неважно... Ничего, кроме новой коробочки с акварельными красками, не нашлось. Пинька закрылась в комнате перед зеркалом и стала кисточкой размазывать краску по волосам. Получалось плохо.

– Так очень долго, и краски не хватит, – решила она. Размешав в неполном стакане с водой черный и коричневый кружочки, девчушка вылила содержимое себе на голову, распределила руками по всем волосам и пошла сушиться...

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Сейчас ей вспоминались и удивленно-испуганное лицо деда, и возмущения мамы с бабушкой, и грязно-черная вода в банном тазике.

– Агриппина! – звучно раздалось в стенах школы. Пинька встрепенулась, с гордым видом, мотая огненно-рыжими хвостиками, подошла к позвавшей ее учительнице и встала в ряд с другими первоклашками.

– А здесь всяких берут, – радовалась она, – зря только краску перевела!

Звон колокольчика возвестил о начале новой жизни.

– Я теперь школьница, а значит, взрослая! И я больше не Пинька, а Агриппина. Взрослых детей не зовут по-малышовски! Ну, дома, бабушке и дедушке еще можно, пока не привыкнут, а в школе – ни-ни!

***

Малышка подросла и вступает в новую жизнь! Так иди же смелей! Широкой тебе дороги и хороших попутчиков, егоза!

Мария Лисиченко. У костра. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Екатерина Фёдорова (Улевская)
(Астраханская обл., с. Старицы)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Колыбельная для дочки

На реснички звездочки упали.
Спи, мой ангелочек, засыпай.
Ручки, ножки за день так устали
Баю-бай, родная, баю-бай.

Мягко, доверительно и нежно
Пусть тебя окутает мечта.
Спи, мой ангелочек, безмятежно,
В сердце пусть искрится чистота.

Завтра будет новый день, заботы,
Игры, развлечений череда,
Целая неделя до субботы.
Сколько нужно сил отдать, труда.

Сны волшебные у колыбельки
Ласковые песенки поют,
Заискрились, будто карамельки,
Кружево узора как плетут.

Крылья ангела тебя укроют,
Спи, моя дочурка, засыпай.
Сердце мамы нежно успокоит
Спи, моя родная, баю-бай.

Мой сосед

Шалунишка мой сосед –
Он источник разных бед,
Дернул Юльку за косу,
Отвязал в саду козу.

Склеил тапочки он так –
Не надеть потом никак.
Пропустил он гол в игре
И подрался во дворе.

Он на скатерть вылил чай,
Ну, случайно, невзначай.
Плед к дивану прилепил
И про скатерть не забыл.

Криком кошку напугал
И смеялся наповал.
Он разрушил птичий дом
И давай бежать бегом.

Ну проказник мой сосед,
Натворил не мало бед,
Совесь тихо его гложет,
Но другим он быть не может.

Детские мечты

Каждый ребенок о чем-то мечтает,
Каждый ребенок чего-то желает.
Кто-то желает увидеть весь свет,
Кто-то желает побольше конфет,

Кто-то мечтает: купили б сестричку,
Кто-то мечтает носить две косички,
Кто-то мечтает слетать на Луну,
Кто-то увидать большую волну.

Или мечтает: хочу я гитару,
Чтобы исполнить аккордов хоть пару,
Или мечтает: скорей бы читать,
Чтобы мир знаний вокруг открывать.

Кто-то мечтает дарить всем улыбки,
Кто-то сыграть виртуозно на скрипке,
Кто-то мечтает дарить всем тепло,
Чтобы к тебе вновь вернулось добро.

Твердо и смело поверь в себя ты,
Чтобы исполнились наши мечты.

Листопад

Из листьев дождик озорной
Поет и кружит надо мной.
Он очень весел и пригож,
Как будто на меня похож,
Порхает струйкой золотой.
Мне очень хорошо с тобой.
Танцуем вместе – он и я,
Как настоящие друзья.

Аист

Прилетел к нам аист
раннею весной...
Он принес на крыльях

солнце и покой.
Он принес на крыльях
весточку зари.
Он принес на крыльях
песни о любви.

Туман

Из прозрачного кувшина
Зорька выплеснула джинна.
Джинн колдует над водой,
Словно дед, седой-седой.

Расстилается над лесом,
Наблюдая с интересом
За стогами и лугами,
Набегая вдруг волнами
На цветочные поляны,
Что душисты и румяны,

Огибает все овраги,
Залезает под коряги,
Умывается росой,
Тихо прячась за горою.
Джинн с утра слегка взбодрился,
А к обеду растворился.

Нивы

Неохотно, боязливо
Месяц смотрит на поля.
Все уснуло. Молчаливо
Призадумалась земля.

Ветер гонит торопливо
Дальних странствий паруса.
Извиваясь, прихотливо,
Нивы смотрят в небеса.

И колосья ночью лунной
Колыбельную поют,
Не спеша с луною юной
Золотые слезы льют.

Два ежа

На опушке, где межа,
Шли навстречу два ежа.
Шапочки в колючках,
В модных серых брючках.

Ёжик Тишка-бодрячок,
Весь в иголках пиджачок –
Спереди и сзади
И нельзя погладить.

Ёжик Ёжка-чудачок,
Весь в булавках пиджачок –
По бокам, на спинке,
А в глазах смешинки.

Шли навстречу к ручейку,
Чтобы выпить кофейку
С запахом корицы,
Вкусом насладиться.

Белка

Белочка с утра хлопчет,
Накормить ребяток хочет.
Вот орешки и грибочки,
Поскорее ешьте, дочки.
Солнце красное уж всходит
И на небе верховодит,
За работу принимайтесь,
Не ленитесь, постарайтесь.
Заготовить надо впрок,
Чтоб наполнить погребок.

Солнышко

Солнышко лучистое
бродит по полям,
Бодрое, искристое,
улыбнется вам.

Прикоснется ласково
к носикам ребят,
И веснушки-звездочки
насажает в ряд.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ольга Комарова
(Челябинск)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Это тебе

Я стою у окна. Там зима-кутерьма,
Сыплет снег второй день подряд.
Он засыпал дорожки, деревья, дома.
Сколько радости для ребят!

Я стою у окна. Малышей полон двор,
Воскресенье, отличный день.
Зарывается носом дворовый Трезор
В снег, как будто бы он тюлень.

Я стою у окна. Говорят врачи,
Что мне долго еще стоять.
Говорят: «Терпи», говорят: «Лечись»,
Говорят, говорят, говорят!

Я стою у окна. Под окном мой друг
Лепит милого снеговика.
Нос морковкой, снежки вместо рук.
Жаль, что я не могу пока.

Я в тоске к стеклу прижимаюсь лбом,
Стайка кружится голубей...
А мой друг на снегу под моим окном
Пишет палочкой: «ЭТО ТЕБЕ».

Обида

Дед Мороз – это детский бог?
Самый главный и добрый самый?
Почему же он мне не помог?

Почему не вылечил маму?

Я писала ему письмо!
Для него в саду танцевала!
Я ему кричала в окно!
Почему он не вылечил маму?!

Пусть подарки свои заберет –
Для игрушек уже я большая.
Мне не нужен такой Новый год.
Пусть он просто вылечит маму...

Про котёнка с помойки

Давай приютим котёнка...
Где взяла? На помойке.
Он очень хочет жить с нами!
Он одинокий... Ну мама...

Мама, смотри, он голодный.
Грязный? – А я помою!
За ним убирать обещаю.
И за собой... Ну мама!

Я буду самой послушной!
Буду чистить зубы и уши
Сама, без напоминаний,
Только возьмём его, мама?

Нет больше котёнка с помойки...
Зато для меня тихонько
Мурлыкает на окошке,
Любимая мамина кошка.

Дождевое

Чья-то сильная рука
Выжимает облака,
Солнце выйдет, но потом,
А пока

Мокну, мокну без зонта,
Дождь по крышам – та-та-та,
И гремит далекий гром
Где-то там.

Там, где сильная рука
Выжимает облака,
Поливая мир дождем
Свысока...

Я рисую дождь

Я рисую на листе дождик летний ласковый.
Акварелью голубой, капельками-кляксами,
А простым карандашом тоненькие линии
Подрисую сверху я – будет так дождливее.

Под дождём гуляю я... Нарисую девочку.
Мне не холодно совсем, дождь – такие мелочи!
Ну подумаешь, вода – платье скоро высохнет,
Дождь, закидывай меня озорными брызгами!

Подточила карандаш я точилкой острою,
И упал мне на листок зонт легко и просто так.
Улыбнусь и закричу: «Дождь, теперь я в
домике!»
«Тук-тук-тук, – стучится дождь, – поскорей
открой-ка мне!»

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ирина Борзых
(Санкт-Петербург)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Ты мне почитай

– Ты мне почитай-ка, – сказала лошадка. –
Я сяду поближе к тебе для порядка.
– Ты мне почитай-ка, – она попросила.
Наверное, в книжке какая-то сила?

Прохожие многие нам удивлялись,
Они покатаются на ней направлялись.
– Смотрите, какая смешная лошадка, –
Шептались прохожие тихо, украдкой.

– Ты мне почитай-ка, – лошадка сказала.
О чём я читаю, лошадка не знала.
Мы просто сидели одни у дороги,
Сложив по-турецки уставшие ноги.

Рис. Ксении Сазоновой

Грустный слон

Приехал однажды из Африки слон.
Привёз его утром большущий фургон.
– С приездом! А как вам дорога? –
Волнуются два носорога.

А слон им в ответ покачал головой:
– Об Африке я вспоминаю с тоской.
И если б я мог, словно птица, летать,
Я в Африку срочно вернулся опять.

Лошадка катала детишек в карете.
Смеялись довольно весёлые дети.
Лошадка подумала: «Слон так пригож!
Но чем-то на серую тучку похож.

Как капли дождя, льются слёзы.
О тёплых краях его грёзы.
Он очень об Африке тужит.
А вдруг этот слон занедужит?»

Лошадка советует: – Надо играть!
Побегать, попрыгать, на месте скакать!
Ведь знает на свете ребёнок любой –
Тоску разогнать можно только игрой!

И вот раздаётся вокруг страшный грохот,
Ведь прыгает слон даже очень неплохо.
Прыжки – это лучшее средство!
Они возвращают всех в детство.

Кричат носороги победно «ура!».
К обеду прошла у слона вся хандра.

Рис. Ксении Сазоновой

Дефицит

Повстречала лошадь пони –
Ехали в одном вагоне.
Лошадь пони говорит:
– Нынче сено –дефицит!
Скоро будем на обед
Есть мы только виногрет.

Пони удивился очень:
– Может, ваш прогноз неточен?
Вечером сегодня, в семь,
Сено я на ужин съем.
Завтра утром, где-то в пять,
Буду сено есть опять.
Зря волнуешься, лошадка.
Нет в помине недостатка.

Барсук-франт

Перед зеркалом барсук
Примеряет свой сюртук.
– В сюртуке я просто франт.
Повяжу на шею бант.
Только мятый мой сюртук, –
Огорчается барсук. –
Или мне достать мой фрак?
Я же модник как-никак!

Есть ещё пиджак красивый.
Есть и плащ на день дождливый.
Что же выбрать, что надеть?
Начало уже темнеть.

Он так долго собирался,
Что без праздника остался.

Рис. Ксении Сазоновой

День рождения жабы

Жаба ждёт свой день рождения
И купила жбан варенья.
Жадно жаба держит жбан,
И у жабы зреет план.

Если взять большую ложку,
Ложкой зачерпнуть немножко,
Мушки сядут на варенье –
Будет жабам угощенье.

Недоверчивая мышка

Кот выманивает мышку:
– Выходи гулять, трусишка.
Выводи своих мышат.
Буду их беречь, как брат.
В доме тихо. Ни души.
Порезвятся малыши.
Поиграем в кошки-мышки.
Как тебе моя мыслишка?

Мышка обняла мышат –
Сидят тихо. Не шуршат.
– Котофей тут мутит воду,

Знаем мы его породу

Кот и бровью не повёл
 И с три короба наплёл:
 – У меня есть сыр и сало.
 Пир устроим небывалый.
 Что тянуть кота за хвост?
 Наведём мы дружбы мост.
 Угощу тебя коврижкой,
 Недоверчивая мышка.

Толькомышь сидит за дверью.
 Говорит коту: – Не верю!
 Не рассказывай нам сказки –
 Разгорелись твои глазки.
 Вижу я тебя насквозь,
 Так что петь нам песни брось.
 Я всё время начеку –
 Уберечь мышат смогу.

Кот ушёл мрачнее тучи.
 День сегодня невезучий.

Голодный и сытый

Жалуется волк лисице:
 – Сытный ужин мне лишь снится.
 Зайцев я вчера ловил
 И потратил много сил.
 Я погнался за двумя –
 Ускакали от меня!
 Влево – этот, тот – направо!
 Где найти на них управу?
 Знаю: волка кормят ноги,
 Только сбился я с дороги.
 Зайцев нет. Простыл их след.
 Где искать теперь обед?

Слушала лиса вполуха,
 Лишь поглаживала брюхо.
 Вспоминала про курятник.
 Волк, конечно, ей соратник,
 Только сытый не поймёт,
 Что голодный помощь ждёт.

Большая стирка

Гнома в гости ждёт енот.
 Где в лесу енот живёт?
 Он живет у водоёма.
 Рядом старый домик гнома.
 Это закадычный друг
 Всех зверушек и пичуг.

Любит постирать енот.
 Он без стирки не уснёт.
 Он как будто сам не свой,
 Если таз стоит пустой!

Гном хотел помочь еноту
 И принёс ему работу.
 – Здравствуй, мой любимый Гном.
 Проходи скорее в дом.
 – Здравствуй, дядюшка Енот,
 Много у тебя забот!
 Постираешь мне бельишко?
 Юбочку для серой мышки,
 Шарфик белый для лисички
 И манишку певчей птичке?

Вот опять большая стирка,
 А енот довольно фыркал:
 – Не болтаюсь я без дела,
 Солнце красное уж село.
 Постираю всем штанишки,
 Даже для большого мишки.
 С лёгким сердцем лягу спать:
 Всё успел прополоскать!

Йота

Наш медведь запасы мёда
 Не найдёт в кладовке что-то.
 Он лизнул чуть-чуть в субботу.
 Лишь понюхал. Ни на йоту
 Не убавился медок.
 Но прошёл ещё денёк,
 И теперь пустая бочка.
 Не осталось ни глоточка.

Крылатые слова

Есть крылатые слова –
Удержу не знают.
Выскажешь ты их едва –
Тут же улетают!

Говорят: поймать на слове!
Вот и сумка наготове.
Я за папой вслед хожу –
За словами я слежу.

Если их обронит папа,
Я тогда подставлю шляпу.

Не считаю я ворон
И не бью баклуши.
Может, топаю как слон,
Очень неуклюже?

Не поймал ещё ни слова.
Папа говорит сурово:
«Меньше слов, а больше дела».
Мне ловить их надоело!

Брат смеётся надо мной:
«Ну, придумал ты, герой!
Слово ведь как воробей, –
Палец вверх поднял Андрей. –
Вылетит – и не поймаешь!
Поговорку эту знаешь?

Рис. Анны Железняковой

Ты попробуй-ка сперва
Не глотать свои слова».

Дед даёт совет мне третий:
«Не бросай слова на ветер.
Подержи рот под замком.
Надо посидеть молчком».

Если молча – ни гу-гу –
Я их точно сберегу?
Только чешется язык –
Очень говорить привык.

У меня он без костей!
Мама говорит:
Не молчит у нас Сергей
Даже, если спит.

Плащ

Раз слониха-щеголиха
Сделала заказ портнихе.
Заказала плащ блестящий,
Чтобы выглядеть изящно.

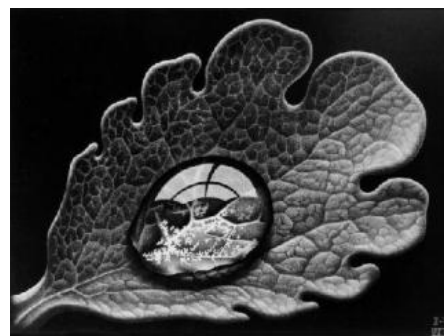
Ткань блестящую купила,
Про застёжки не забыла

И, краснея от смущения,
Ожидала восхищения.

Долго ждать пришлось слонихе:
Не найти нигде портнихи.
Плащ заказан был сороке.
Ни к чему теперь попреки.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА – ГОЛОС ПРОШЛОГО

Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)

КОГДА РОССИЯ ПЕРВЫЙ РАЗ СВЕРНУЛА НЕ ТУДА

В наши дни термин *пропаганда* имеет исключительно негативный оттенок. Хотя изначально, сразу после появления примерно в первом веке до нашей эры на территории Древнего Рима, под пропагандой (*лат. propaganda* – подлежащее распространению, от *proprago* – распространяю) понимали распространение взглядов, донесение до общества определенной позиции. И ничего плохого в этом не подозревалось. В конце концов, если смотреть с такой точки зрения, даже свекровь, которая учит сноху, как правильно готовить борщ, тоже занимается пропагандой. Но как же так получилось, что с течением времени безобидный и даже правильный термин приобрел столь отрицательное значение? Понятное дело, за ответом на этот вопрос придется отправиться в прошлое. А это всегда не только интересно, но и крайне познавательно. Ведь в прошлом всегда можно найти нечто такое, благодаря чему получится немного по-другому взглянуть на день сегодняшней.

Эпизод из истории Европы

Итак, история, о которой здесь пойдет речь, берет начало в Священной Римской империи германской нации (не путать с империей Древнего Рима). Впервые появившись на картах в конце первого тысячелетия нашей эры, этот надгосударственный союз, объединявший под собой большую часть Европы, просуществовал до 1806 года. В период наивысшего расцвета, который пришелся на начало XV столетия, Священная Римская империя являлась абсолютным политическим, экономическим и военным гегемоном континента. Однако ничто не вечно под луной? и вскоре в жизни могучей империи настали трудные времена.

Началось все с того, что непобедимой когда-то империи бросило вызов молодое, только набиравшее силу государство Османов – будущая Турция. В 1453 году под их напором пал Константинополь, после чего османы, продвигаясь вглубь Европы, захватили Балканы и даже часть Венгрии. Началась затяжная кровопролитная война, объективные трудности которой накладывались на внутривнутриполитический кризис Священной римской империи. В огромном феодальном государстве, представлявшем собой союз полунезависимых образований, стремительно нарастали центробежные тенденции – отдельные территории стремились к большей свободе, а затем и к полной самостоятельности.

Усугубилось все это тем, что Священная Римская империя опоздала к разделу Нового света, открытого в 1492 году. И пока их прямые геополитические конкуренты в лице Англии,

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Испании и Португалии в хищном азарте обзаводились заокеанскими колониями, некогда главная европейская держава не слишком успешно защищала континентальные владения, боролась за собственную целостность и пыталась решить внутренние проблемы.

Выходом в таких обстоятельствах могла стать внешняя победа, что, с одной стороны, позволило бы восстановить пошатнувшийся авторитет, с другой – компенсировать понесенные территориальные потери, тем самым обеспечив приток столь необходимых ресурсов, без которых продолжение войны с османами было невозможно. Сначала Священная Римская империя попыталась включиться в борьбу за американские колонии, но на этом направлении столкнулась с серьезными проблемами и потерпела ряд неудач. После чего взгляд императора обратился на Восток, где обнаружилась тогда еще малознакомая европейцам Московия – молодое русское государство, только-только вступившее на путь объединения раздробленных земель и централизации власти.

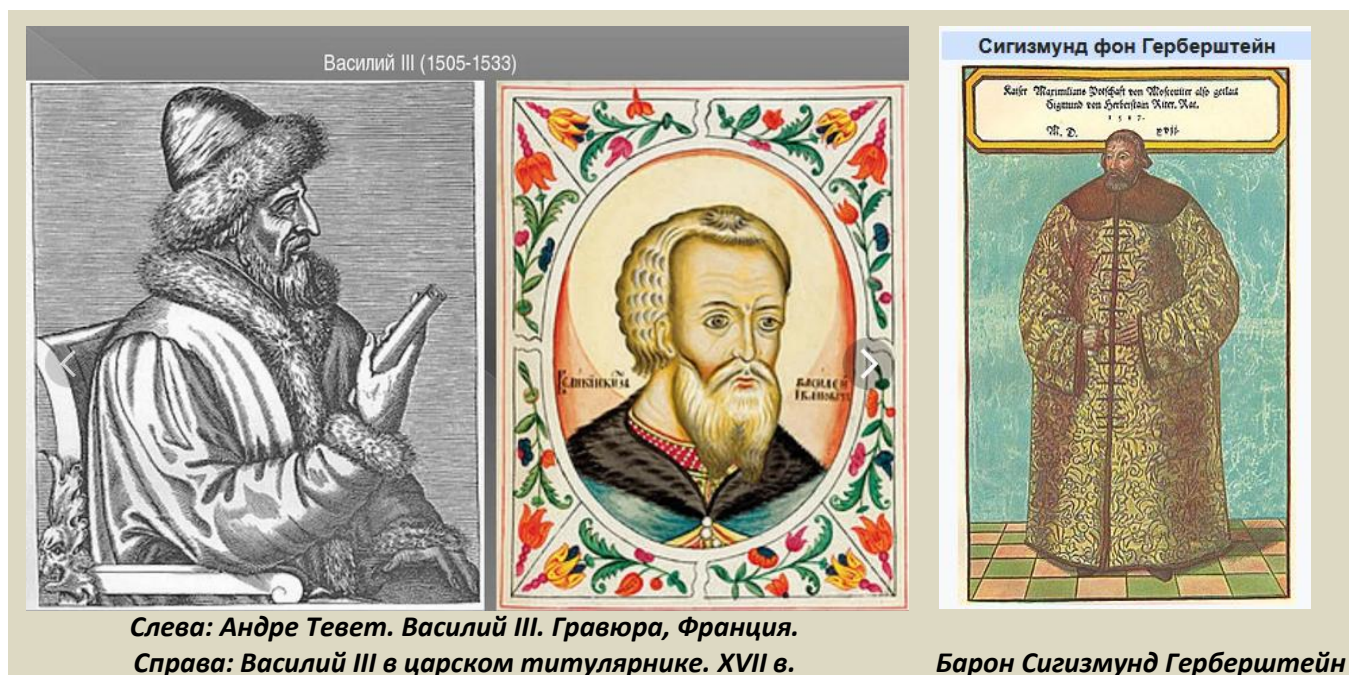
Перспективный союз

Перспектива прибрать к рукам неосвоенные восточные земли была весьма заманчивой, так как это обещало успешное решение если не всех, то большинства существующих проблем. Поэтому император приступил к решительным действиям на дипломатическом фронте, а внутри своих владений развернул широкую «просветительскую» кампанию, которая была призвана убедить население в необходимости скорейшего заключения союза с загадочным народом Московии.

Итогом стала целая серия литературных произведений о России – около двух десятков книг, авторами которых стали такие довольно известные в средневековой Европе авторы, как Иоганн Фабри, Альберто Кампензе, Паоло Джовио и другие. Примечательно, что никто из них на Руси никогда не был и сведения для своих творений они черпали исключительно из устных рассказов купцов, путешественников и даже откровенных авантюристов. Одним из главных источников стали ганзейские купцы, у которых уже довольно давно сложились торговые отношения с отдельными русскими княжествами, главным образом, Новгородом и Псковом. Надо заметить, что отношения эти имели довольно любопытный характер, что в дальнейшем тоже наложило отпечаток на общеевропейскую пропаганду, но подробнее об этом чуть ниже.

Пока же важно сказать, что на первом этапе общий тон произведений на тему Руси был крайне положительным. Все авторы в унисон отзывались о далекой Московии доброжелательно и даже восторженно. В двух словах посыл можно свести к следующему: на Востоке есть замечательная страна; ее жители – дикари и варвары, но они чисты душой, добры и открыты; а главное, они христиане, пусть и православные, то есть не совсем правильные; но все-таки они – европейцы, которые нуждаются в свете истины, и потому наша задача помочь им прийти к этому свету, приобщить их к правильной цивилизации и подарить истинную католическую веру.

Одновременно с этим в рамках новой восточной политики Священная Римская империя пытается установить с Московским государством дипломатические отношения. Император преследовал две главные цели: во-первых, создать условия для экономической экспансии на слабо развитых в этом плане территориях России; во-вторых, вовлечь Россию в войну с Турцией, тем самым сняв это бремя с себя. Москва тоже с удовольствием откликнулась на предложения европейской державы, ибо видела в возможном союзе выгоду и для себя. Тогда еще не окрепшая Русь испытывала сильное давление со стороны Польши, которая всерьез

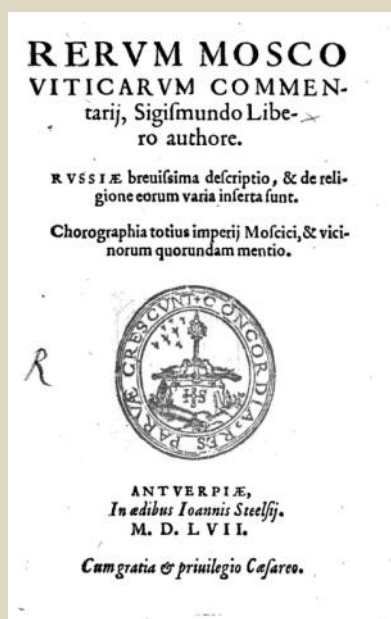

претендовала на часть западных территорий Руси. В Варшаве правила династия Ягеллонов – заклятых врагов Габсбургов, из которых происходили императоры Священной Римской империи. Исходя из этого, русские цари всерьез рассчитывали в обмен на свое участие в войне с Турцией получить от империи прямую военную поддержку в боевых действиях против Польши и Великого княжества Литовского. А в дополнение к этому надеялись на положительные изменения в торговых отношениях с ганзейским союзом.

Как Максимилиан Фридрихович поссорился с Василием Ивановичем

Однако в процессе переговоров выяснилось, что Россия оказалась на дороге с односторонним движением и новые западные партнеры не торопятся делать шаг навстречу. Позиция Священной Римской империи заключалась в том, что Ганза – это свободный союз частных лиц, и потому влиять на его торговую политику государство не может, не имеет права. Что же касается военной составляющей, то в обмен на прямое участие русской армии в войне с Турцией в качестве пушечного мяса император великодушно готов был сделать Польше строгое устное внушение о необходимости оставить Россию в покое. То есть оказать Москве моральную поддержку, которая даже не будет оформлена каким-либо документом. И не более того.

Нетрудно догадаться, что на этом сотрудничество закончилось, так и не начавшись. Василий III (отец Ивана Грозного), оценив предлагаемые условия, категорически отказался подписывать договор. Любопытно, что посольство императора, которое получило от Москвы официальный отказ, возглавлял некий Сигизмунд Герберштейн. И, наверное, кому-то покажется удивительным, но именно его принято считать отцом антирусской пропаганды на коллективном западе. Именно он стал первым европейским автором, написавшим книгу, где Россия освещалась в негативном ключе. Причем интересно, что буквально за пару лет до этого вышло несколько трудов, в которых «о нравах москвитов» говорилось исключительно с положительной стороны и непременно в восторженном тоне. Но вот русский царь отказался в

«Записки о Московии» (лат. Rerum Moscoviticarum Commentarii — «Записки о московских делах») — книга на латинском языке, написанная в 1549 году бароном Сигизмундом фон Герберштейном, дипломатом Священной Римской империи, находившимся долгое время на Руси, в Великом княжестве Московском, кроме которого подробно описано также Великое княжество Литовское.

Большое внимание Герберштейн уделил форме правления и описал власть великого князя как всеобъемлющую.

После издания на латыни книга быстро приобрела популярность в империи. В 1550 году она была переведена на итальянский, в 1557-м — на немецкий языки

«Записки о Московии» барона Герберштейна, 1557 год

обмен на пустую похвалу таскать для императора каштаны из огня, и в первой же книге, вышедшей после возвращения неудачного посольства, тон повествования меняется кардинально. Теперь Россия предстает перед читателем страной мрака и ужаса, а ее жители — это страшные звероподобные дикари, с которыми у нормальных европейцев не может быть ничего общего.

Новый виток пропаганды

Какое-то время труд Герберштейна распространялся только в определенных кругах европейской знати и был чем-то вроде служебного документа для молодых дипломатов и чиновников. Но вскоре произошло событие, которое послужило толчком к новому обострению отношений между Россией и Западом, и как следствие — усилению антирусской пропаганды. 16 января 1547 года в Москве венчался на царство молодой Иван Васильевич, будущий Грозный, который в ходе данного мероприятия провозгласил себя русским самодержцем, то есть императором и законным наследником Римской империи. Формально такое право ему давало то, что бабушкой Грозного была Софья Палеолог — племянница последнего императора Византии Константина XI. Византия же, образовавшаяся на осколках первой Римской империи в 395 году, считалась исторической и культурной преемницей Древнего Рима — то есть вторым Римом. Наверняка многие слышали выражение: «Москва — третий Рим». Так вот, основанием для такого заявления стала именно родственная связь русских царей с уже павшими Василевсами Византии.

Расценив это как явную угрозу своему и без того шаткому положению, император Священной Римской империи германской нации развернул против России яростную пропагандистскую кампанию. И вот тут уже «Записки о Московии» буквально получили второе дыхание. Они были изданы, что называется, «широким тиражом», так что оказались доступны практически каждому. Книга стала настоящим бестселлером и долгое время оставалась главным источником знаний европейского обывателя о России.

План Москвы из «Записок о московских делах», издания 1556 года. Изображены схематически Москва-река, сани и лыжники на ее льду, река Неглинка, Кремль с Грановитой палатой, скот, поместная конница и окрестности Кремля

Маленький пример

Любопытный читатель может найти в записках Герберштейна много интересного – как достоверных сведений, так и откровенного бреда. Я же предлагаю обратить внимание на два момента для понимания того, как именно работала пропаганда в те времена. А еще на этом примере можно обнаружить в прошлом что-то общее с днем сегодняшним.

В приведенной ниже цитате автор противопоставляет друг другу два разных Новгорода: один – еще вольный, почти не связанный с Москвой, и другой Новгород, который уже стал частью единого русского государства.

«Народ там (в Новгороде. – Прим. автора) был очень обходительный и честный, но ныне крайне испорчен, чему виной московская зараза, занесенная туда заезжими москвитями».

Такую же характеристику Герберштейн дает и Пскову.

«...Иоанн Васильевич полностью уничтожил свободу Пскова. В результате просвещенные и даже утонченные обычаи псковитян сменились обычаями москвитов, почти во всех отношениях гораздо более порочными. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такой честностью, искренностью и простодушием, что, не прибегая к какому бы то ни было многословию для обмана покупателя, говорили одно только слово, называя сам товар».

Надо ли говорить, что с легкой руки Герберштейна подобная точка зрения укоренилась в сознании тогдашних европейцев, так что чуть погода ее стали транслировать и другие авторы, писавшие о России. Почти в каждой более поздней работе можно встретить утверждение, что именно вхождение когда-то вольных Новгорода и Пскова в состав России напрочь испортило характер тамошних жителей. Будучи еще свободными, они представляли собой великодушных людей, которые считали для себя зазорным торговаться, проверять товар, всегда верили своим западным партнерам на слово и так далее. А купцы уже русских Новгорода и Пскова отличались скупердьяйством, скаредностью, торговались за каждую копейку и обязательно проверяли товар. Именно из-за этого многие бывшие торговые партнеры отвернулись от таких

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

ужасных людей, не захотели продолжать с ними общее дело и вообще перестали торговать с новгородцами и псковичами. Можно сказать, ввели против них санкции.

Интересно, что подобные перемены в настроениях, которые царили в Новгороде и Пскове, имели место в реальности. Правда, их истинные причины были немного другие.

Дело в том, что Псков и Новгород расположены в самой восточной части Балтийского моря, через которое шли главные торговые пути той эпохи. При этом флот был главным образом каботажным, то есть перемещался небольшими переходами вдоль побережья с частыми остановками для пополнения запасов пресной воды, провианта и так далее. То есть новгородские купцы никак не могли миновать европейских портов, власть в которых принадлежала знаменитой Ганзе – крупному союзу торговых городов Северо-Западной Европы, который возник еще в середине двенадцатого века и пятьсот лет практически полностью контролировал всю европейскую торговлю. Пользуясь этой зависимостью, Ганза навязала Пскову и Новгороду торговый договор на своих условиях. А у независимых, но очень маленьких и слабых княжеств не было ни военной силы, ни политического влияния для того, чтобы полноценно отстаивать свои интересы.

Договор этот с чистой совестью можно назвать кабальным. Например, новгородские и псковские купцы, приезжая в ганзейские города, не могли продать свой товар кому хотели, а должны были иметь дело только со специально назначенными для этого контрагентами, которые устанавливали свои цены, само собой, существенно их занижая. Но еще хуже дела обстояли с импортным товаром. Приобретая его у ганзейских торговцев, псковичи и новгородцы не имели права взвешивать то, что продавалось по весу, например, соль, измерять то, что продавалось по длине, например, бухты канатов или тюки тканей, и даже не могли проверять степень заполнения тары, если товар продавался в ней. Да, представьте себе, покупая, например, сельдь в бочках, новгородский купец не имел права открыть ее и посмотреть, насколько она заполнена. И если вы думаете, что честные европейские купцы не пользовались таким положением вещей, то глубоко ошибаетесь. Есть несколько документально зафиксированных случаев, когда в бочке, стандартный объем которой был равен почти пятистам литрам, обнаруживалось всего с десяток сельдей, свободно плававших в рассоле.

А вот ганзейский купец, который обычно бочками покупал у новгородцев мед и воск, мог не только посмотреть, но еще и провести проверку качества товара. Для чего в договоре было предусмотрено так называемое *отколупывание* до трети объема каждой бочки. Называя вещи своими именами, притом что ганзейские купцы, как я уже говорил, пользуясь монополией, откровенно занижали закупочные цены, новгородские купцы еще и бесплатно отдавали треть привезенного товара. Как бы на проверку. Очень выгодно, не правда ли?

Еще один очень показательный пример равноправных отношений – торговля солью, которая в те времена являлась стратегическим товаром. На оптовых европейских рынках соль продавали в *ластах*. Эта такая единица измерения веса. Один ласт весил примерно 1920 кг и стоил 8 рижских марок. Одна рижская марка это 208 гр. серебра. То есть ласт соли обходился ганзейскому купцу в 1 664 гр. серебра. Доставив соль в Ревель, ласт распределяли по мешкам, каждый из которых весил примерно 127 кг. И дальше, согласно договору, новгородцы приобретали тот же ласт соли, но не по весу, а состоящий из 12 мешков, взвешивать которые покупатель, естественно, не имел права. Нетрудно подсчитать, что весил этот ласт уже 1524 кг. А стоил все те же 8 рижских марок плюс еще одна марка в качестве торговой наценки. Итого 9 марок, или 1872 гр. серебра. Опять-таки называя вещи своими именами, с каждой такой сделки у новгородцев откровенно воровали 400 кг соли или почти полкило серебра. Неплохой бизнес, согласитесь. И главное, все по закону, не оспоришь.

Теперь учтите, что на таких кабальных условиях торговля велась веками, и вы поймете, какие богатства утекали с русского Севера в Европу, экономическое благополучие которой всегда строилось исключительно на свободе и честных демократических выборах из двух и более кандидатов.

Но сколько веревочке ни виться, а конец будет. Вот и русские варвары по дикости своего нрава испортили столь замечательные отношения с европейскими купцами. В 1488 году Иван III, великий князь московский и первый государь всея Руси, окончательно присоединил Новгород к единому русскому государству. А поскольку экономическая, политическая и военная мощь этого государства была несравнимо выше, чем у отдельных княжеств Новгорода и Пскова, то ганзейцы, само собой, не смогли навязать ему таких кабальных условий. В тот же год Иван III издал специальный указ, по которому все европейские товары отныне взвешивались и оплачивались по фактическому весу. То есть теперь уже нельзя было продать просто бочку сельди, которая стоила одинаково, неважно, сколько именно она весила. Теперь ее нужно было поставить на весы и определить конкретную стоимость каждой конкретной бочки исходя из ее веса. То же самое касалось и мешков с солью, канатов, тканей и других товаров. Изменения коснулись и экспорта – ганзейские купцы больше не могли *отколупывать* треть бочки для проверки качества воска.

Новгородские и псковские купцы, которые раньше просто не могли отстаивать свои права, получив такую возможность, естественно, тут же начали ею пользоваться. То есть стали торговаться, требуя более справедливой цены за свой товар, а также мерить, взвешивать и считать товар, который покупали. Вот именно это изменение в их поведении и подметил Сигизмунд Герберштейн, говоря о том, что раньше новгородцы и псковичи были щедрыми, открытыми и широкими людьми, но став частью дикой Московии, скурвились настолько, что ганзейцы уже не хотели иметь с ними дело. То есть, если переложить завуалированные слова Герберштейна на современный язык и говорить откровенно, то сказал он следующее: «Вот пока мы, цивилизованные европейцы, могли вас обманывать и наживаться за счет этого обмана, а вы не могли нам противоречить, такие вы были классные ребята, замечательные, душевные парни, просто любо дорого с вами было дело иметь. А вот когда у вас появилась возможность отстаивать свои права, а нам пришлось считаться с вашими интересами... Фу-у-у! Вы превратились в гнусных нравом москвитов, с которыми приличные люди и общаться не должны».

Вот такие отзвуки дня сегодняшнего можно услышать в голосе прошлого. Так что если вслушаться в него внимательней, то многое в безумной истерии современного мира станет гораздо понятней. Ну а еще можно немного заглянуть в будущее. Например, именно присоединение Новгорода, который до этого безбожно грабили европейские партнеры, и последовавшее вслед за этим коренное изменение условий торговли, привели к тому, что некогда процветающая территория балтийской Европы стала приходить в упадок и через сто лет соседи начали радостно рвать ее на куски, что известно сейчас как Ливонская война. Вполне возможно, что в ближайшее с исторической точки зрения время мы сможем увидеть нечто подобное. Кто знает...

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

БРИТАНСКИЙ ГРАЖДАНИН МИРА

В последние десятилетия во многих московских квартирах телевизор, когда-то господствовавший в гостиных, переместился на кухню – благо и кухни стали больше, и диагональ телевизора можно подобрать под любое выделенное пространство. Да и функции у него изменились: «бубнящий» фон, оживляющий длительный процесс готовки; транслятор диалогов многожды смотренного фильма в условиях фокусировки взгляда на ноже; источник негодования из-за несовпадения предлагаемого телевизором прогноза погоды и того, что в действительности происходит за окном.

В те времена, когда нынешние мастодонты (60+) были маленькими мамонятами, все вышеописанные функции выполняла радиоточка. Я, например, отчетливо помню стоявший на буфете белый пластмассовый прямоугольник с тремя кнопками, переключением которых можно было перемещаться с 1-й программы Всесоюзного радио на 2-ю («Маяк»), а потом и на 3-ю. До кнопок дотянуться мне было сложно, поэтому слушать за едой приходилось ту программу, которая была включена с утра кем-то из родителей.

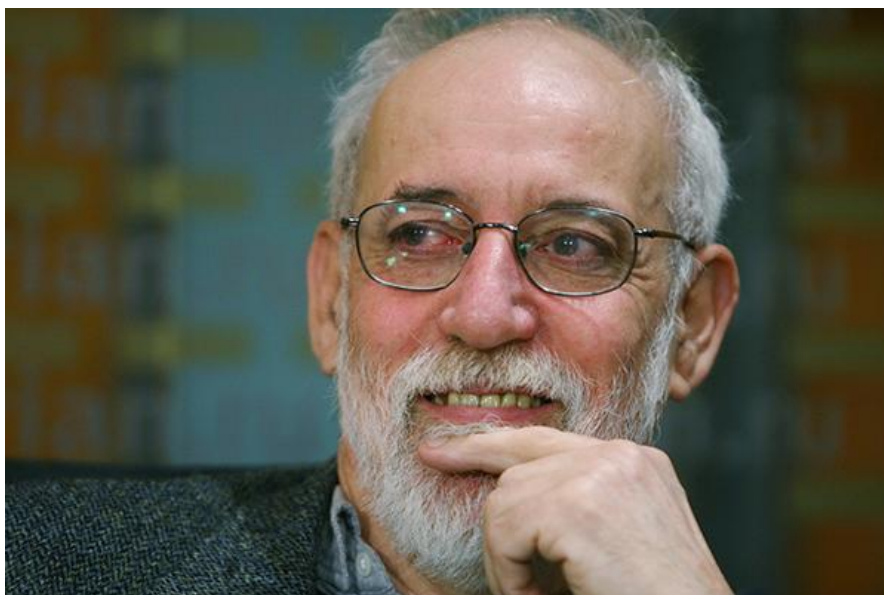
Все программы на радио, как я сейчас понимаю, были идеологически выдержанными и, по тогдашней моде, часто клеймили кого-нибудь позором. Понимала я далеко не все, но некоторые слова и выражения западали в душу. Так, мое детское воображение было покорено словосочетанием «безродный космополит». Чтение большого количества сказок помогло расшифровать значение этого лингвистического великолепия. «Безродный» – здесь и затруднений не возникало: все будущие принцы вначале были Иванами-дураками. Во втором слове явно прослеживалась связь с космами Бабы-яги или даже с моими собственными, если верить словам мамы, пытавшейся по утрам завязать мне хвостики. В общем, у меня получался такой лохматый бродяга, который ходит по дорогам от города к городу, но нигде надолго не остается. Бродяжничать, в моем понимании, было плохо, поэтому гневливость радиоточки была вполне объяснима.

Не прошло и пары десятков лет, как я узнала «взрослое» значение слова «космополит» и познакомилась с понятием космополитизма. Авторство концепции мирового гражданства приписывают Сократу, а Диогену, первому провозгласившему себя гражданином мира, принадлежит авторство терминов «космополит» и «космополитизм». Идеология мирового гражданства ставит интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства и рассматривает человека как свободного индивида в пределах всей Земли. В рамках данной идеологии считается, что мировая культура в одинаковой степени принадлежит всем людям мира.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Космополитами часто становятся люди, понимающие, что высшая степень самореализации – это работа на благо всего человечества, а не отдельного народа.

Отсюда у них наблюдается повышенный интерес к чужой культуре. Космополитизм не отрицает народных традиций, истории, культурных и прочих ценностей. Он подразумевает, что все культуры мира должны представлять одинаковый интерес.

Дональд Рейфилд

Для меня большим откровением стал тот факт, что лучшим автором написанной на русском (!) языке биографии Антона Павловича Чехова является англичанин. Труд Дональда Рейфилда – историка и литературоведа, профессора русской и грузинской литературы колледжа Королевы Марии Лондонского университета – перевернул мое представление о Чехове. Вернее, открыл для меня человека по имени Антон Павлович Чехов – человека, которого я, оказывается, совсем не знала. А теперь у меня такое ощущение, что мы знакомы. И еще по секрету: Ольгу Книппер-Чехову я бы придушила своими руками за то, что она сделала.

Интересно мнение самого Рейфилда о писателе (из интервью сайту «Лента.ру», 2017 год): «Если говорить о Чехове, то по сравнению с другими великими людьми он был удивительно нормальным человеком. Чехов мог жить как деревенский врач, и соседи не подозревали бы, что он великий писатель. Он постоянно прячется. Это чисто чеховская манера. Он был довольно английского типа человек, я бы сказал. Не кричит, не показывает своих настоящих чувств, какая-то доля лицемерия, но легко уживается с людьми, любит проводить время один, любит садоводство. Хотя он очень русский, он европеец в полном смысле. Умеет сдерживать себя. Но есть моменты, когда он вдруг срывается от раздражения и тогда может поступать очень жестоко».

Я благодарна британцу за то, что познакомил меня с русским человеком (и лишь потом – писателем). Но, как оказалось, есть целая страна, которая должна быть благодарна Дональду Рейфилду за то, что он подробнейшим образом рассказал ей о ней самой и познакомил с ней весь мир. «Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет». Так называется уникальный труд Рейфилда – сплав, в котором органично соединились исторические хроники, документальные свидетельства и поразительное по яркости повествование. Каких усилий стоило написание этой книги, знает только автор: «Для меня главное – архивные документы. Я документам доверяю больше, чем человеку. Хотя я люблю общаться с людьми». Три тысячи лет истории становления и развития Грузии. Сколько времени нужно провести в архивах, чтобы собрать нужный материал?

В феврале этого года Дональду Рейфилду исполнилось 80 лет. Я хочу, чтобы он жил в здравии и радости как можно дольше. Пусть такие «лохматые бродяги» – космополиты – наполняют нашу жизнь знанием, добром и теплом своих сердец.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Анастасия Милютина
(Москва)

ОХОТА НА АВРОРУ.

Хроники одного путешествия

Фото автора

Пальцы окоченели так, что я едва попадаю в нужные цифры на телефоне:

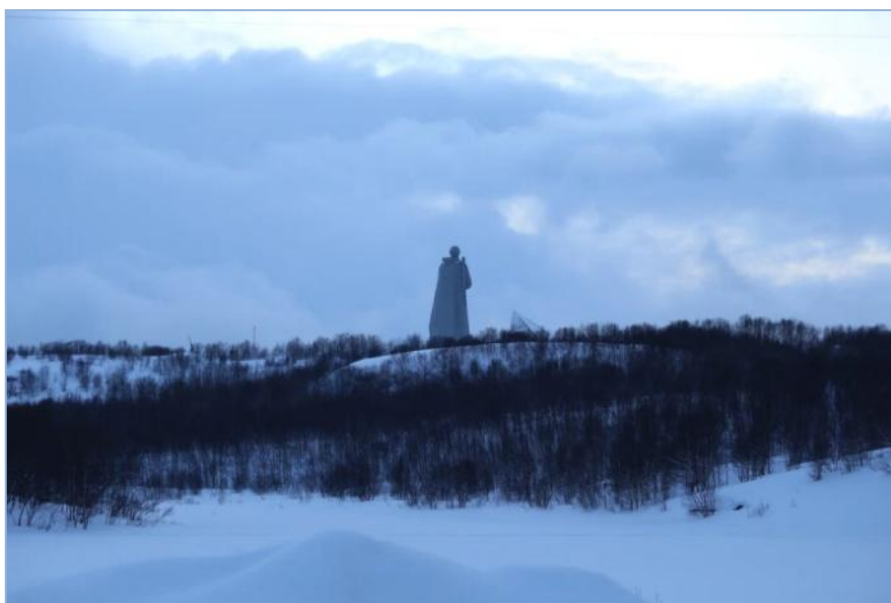
– Мама, мама, я его вижу! Мы его нашли!

– Кого его, Настя?

– Мы все сделали так, как нам сказали: немного отъехали от сильно освещаемого города, выключили фары и внутреннее освещение в машине и искали безоблачное небо, потом звезды и нашли его... Мама! Оно такое! Такое! Закрой глаза, представь темный звездный купол и широкую зеленую полосу, от одного края неба до другого. А теперь представь, что эта полоса движется, как волна. Ой, мам, она уплывает! Все дальше по небу. Я побежала, а то с обочины не очень хорошо видно!

– Настя, а ты где?..

Моя машина стояла на обочине где-то за Полярным кругом, между Апатитами и Мончегорском. Под ногами хрустел снег. Я шла по озеру Экостровская Имандра. Кромешная тьма, звездное небо и северное сияние. Это была наша первая самостоятельная охота на Аврору. Северное сияние не относится к земному явлению. Оно вызывается солнцем и разворачивается высоко над Землей. Сияние облюбовало полярные регионы, потому что именно здесь

**Мемориал «Защитникам советского Заполярья
в годы Великой Отечественной войны»**

магнитные поля отклоняют частицы, устремляющиеся к экватору, и направляют их к магнитным полюсам Земли. Существует так называемый Кр-индекс – это глобальный планетарный индекс геомагнитной активности, обозначающий коэффициент силы магнитных волнений. Это как баллы по шкале Рихтера при землетрясении.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Чем больше Кр-индекс, тем вероятность увидеть северное сияние выше. Но каким бы большим не был Кр-индекс, если ночь облачная, то Аврору найти не удастся. Опытные охотники могут проехать за ночь несколько сотен километров в поисках желаемого свечения. Успешной охоте может поспособствовать постоянный мониторинг облачности не только в желаемом регионе, но и поблизости, а также наличие магнитных вспышек в соседней местности, в данном случае – в Норвегии.

Но Мурманская область – это не только сияние и полярный день, это еще и удивительная природа, непредсказуемая погода, вкусная кухня...

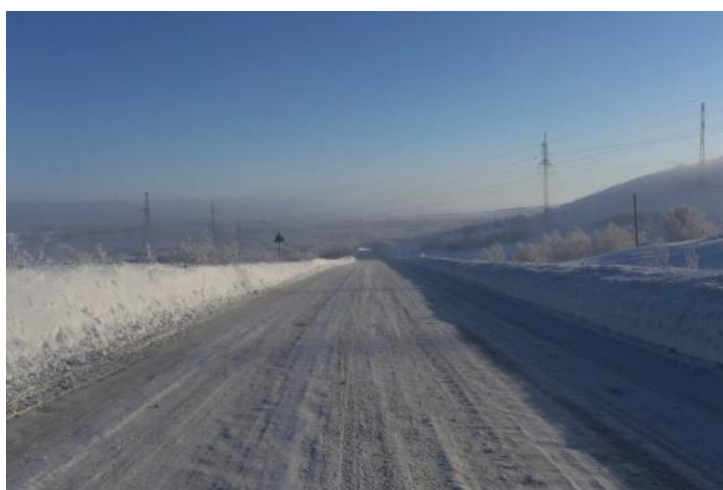
После увиденного северного сияния хотелось доехать до Териберки. Этот богом забытый поселок в Заполярье стал известен благодаря съемкам фильма «Левиафан». Из Мурманска туда ведет единственная дорога, которая уже на момент нашего прилета была закрыта из-за непрекращающегося снегопада. Благодаря такой погоде мы провели в столице Арктики пару дней вместо одного запланированного.

Мне кажется, мы увидели Мурманск во всех возможных зимних состояниях. Несколько раз за день яркое солнце сменялось серым небом со снегопадом и наоборот. Это обычная для этого города погода.

Мурманск – самый большой город мира, выстроенный за полярным кругом. Практически из любой его точки виден мемориал «Защитникам советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны». Местные называют его Алешей. Памятник был открыт 19 октября 1974 года к 30-летию разгрома немецко-фашистских войск. В 1975 году здесь, в мемориальном

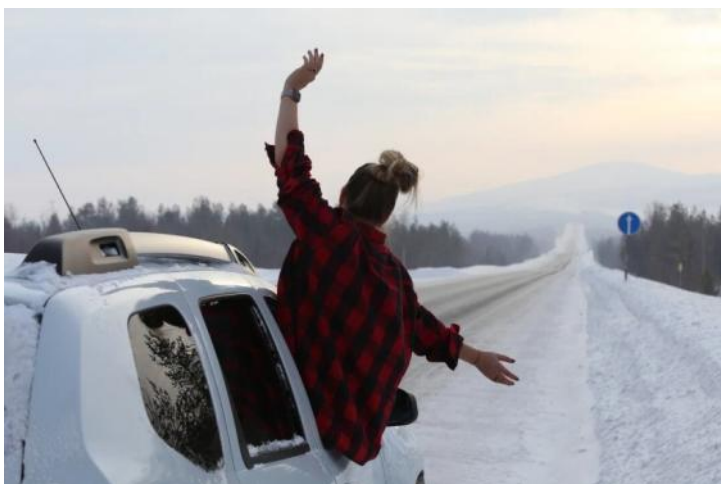
Дорога на Териберку

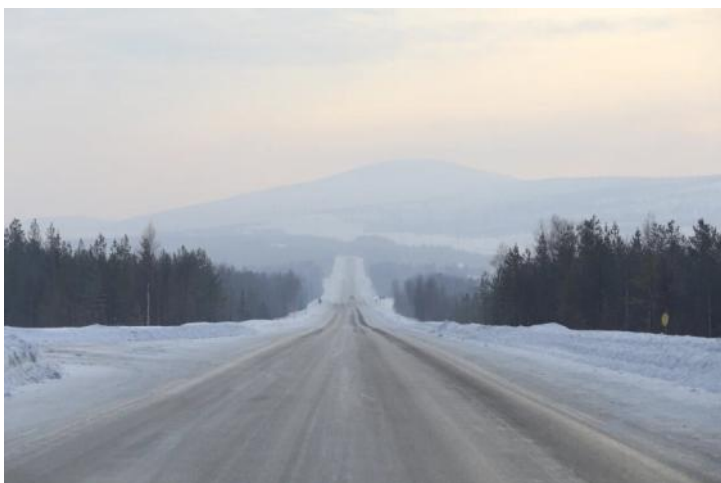
Дорога на Териберку

Териберка

Дорога на Хибины

Дорога на Хьюины

На краю земли

комплексе, произошло перезахоронение останков Неизвестного солдата и был зажжен Вечный огонь.

Взгляд Алеши устремлен на запад, в сторону Долины славы, где во время войны проходили наиболее жестокие бои на подступах к Мурманску.

Также известен мемориал «Морякам, погибшим в мирное время». Главенствующее место в композиции занимает шестигранная башня, выполненная в форме 17,5-метрового маяка. Перед башней стоит якорь, под которым в земле заложена капсула, наполненная морской водой, как символ братской могилы.

У морского вокзала пришвартован атомный ледокол «Ленин». Это первое в мире судно с ядерной энергетической установкой. В течение тридцати лет (1959–1989) он обеспечивал навигацию на Северном морском пути и служил «атомным университетом». Круглогодичное арктическое мореплавание и совершенствующиеся технологии превратились в 26 навигаций и 654 400 морских миль, что в три раза больше, чем расстояние между Землей и Луной.

Тем временем второй день нашего пребывания в Мурманске плавно перетекал в ночь, а дорогу в Териберку так и не открывали. Во дворе, выходя из машины, я проваливалась в сугроб чуть ли не по колено. Выехать на большую дорогу было тем еще приключением. Когда машина буксовала во время очередной остановки, сердце уходило в пятки. Не зря говорят, что поездка в Арктику на машине зимой, да еще и в снегопад – адреналин на год вперед. Возможность доехать до Баренцева моря становилась все призрачней.

Скорее от безысходности, чем от большого интереса, мы решили двинуться в сторону Хибин.

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

Экскурсоводы говорили, что возят туристов в Кировск, когда невозможно попасть в Териберку.

Белые горы заметно скрашивали северные города. Коэффициент миграционной убыли в Мурманской области является одним из самых больших в России. В Мурманске, Апатитах, Кировске, Мончегорске грязный снег и черные заводы – эта атмосфера действительно угнетает. Хорошо, что есть горнолыжный курорт в Хибинах, существующий со времен СССР. Однако первый ресторан появился на склоне только в ноябре 2021 года. Мест там, естественно, не было. Впрочем, как и в любом хорошем ресторане Мурманской области.

Мы остановились в загородном комплексе под Апатитами. Снежная дорога вела к большому деревянному дому с потрясающим видом на белоснежный лес и озеро, открывающимся с террасы. Местная природа затмевает состояние городов, на которые оказывает определенное влияние здешний суровый климат.

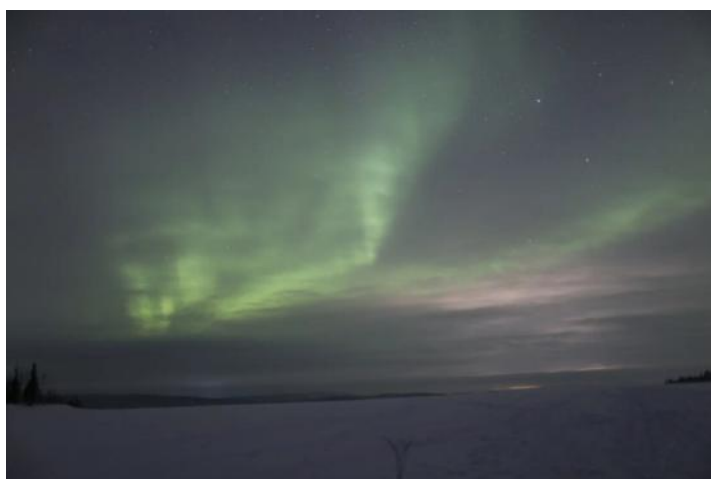
Вечером пришло оповещение, что желанная дорога открыта! Было решено рискнуть и поймать последнюю возможность поехать в Териберку.

Утро, кофе с видом на зимнюю тундру, пять часов снежной дороги, сугробы, порой возвышающиеся над машиной, и вот он – край Земли! Первым делом остановились на кладбище кораблей. Снега много. Необыкновенная панорама открывалась через камеру дрона на Старую Териберку, незамерзающую реку и прикрытую туманом Териберскую губу. Завораживающие виды!

Оставив машину в Новой Териберке, мы пошли к морю пешком. Это где-то километра полтора. Пробирающий до костей ветер, тропа по Лодейному озеру –

На краю

Сияние

Сияние

Московский BAZAR № 2 (41) 2022 г.

и вот долгожданный пляж с «драконьими яйцами»! Только меня поразил не этот каменный пляж, а небольшой выступ рядом. Было похоже, что это самая северная точка Земли в этих местах. Несмотря на то что Земля круглая, Териберка – это ее настоящий край! Она необыкновенная! Суровый климат, несколько жилых домов, чистейшее незамерзающее Баренцево море и выход в Северный Ледовитый океан!

При взгляде назад, на панораму села, становится ясно, что и правда Север – родина смелых. Здесь самый теплый месяц – июль, со средней температурой воздуха за последние тридцать лет примерно 12⁰С.

Кухня, конечно, тут прекрасная! В принципе, Мурманская область – это гастрономический рай: камчатские крабы, морские ежи, гребешки... А необыкновенные виды из панорамных ресторанов как будто добавляют вкуса северным блюдам!

Между Мурманском и Териберкой чуть больше ста километров. Однополосная снежная дорога, где сугробы выше машины, манит туристов и любителей активного отдыха, не оставляя равнодушным никого. Однако каждый приехавший сюда может оказаться в снежном плену. Тут холодное море, голые скалы, озера и водопады... Если хочется почувствовать уютную безысходность и увидеть прекрасную и суровую северную природу, то вам сюда, в небольшую Териберку, на берег Баренцева моря.

Мария Лисиченко. Влажная земля. 2021. Холст на картоне, масло. 40x50

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2022